

РЕКЛЮ

ЗЕМЛЯ

Т. 11 т.

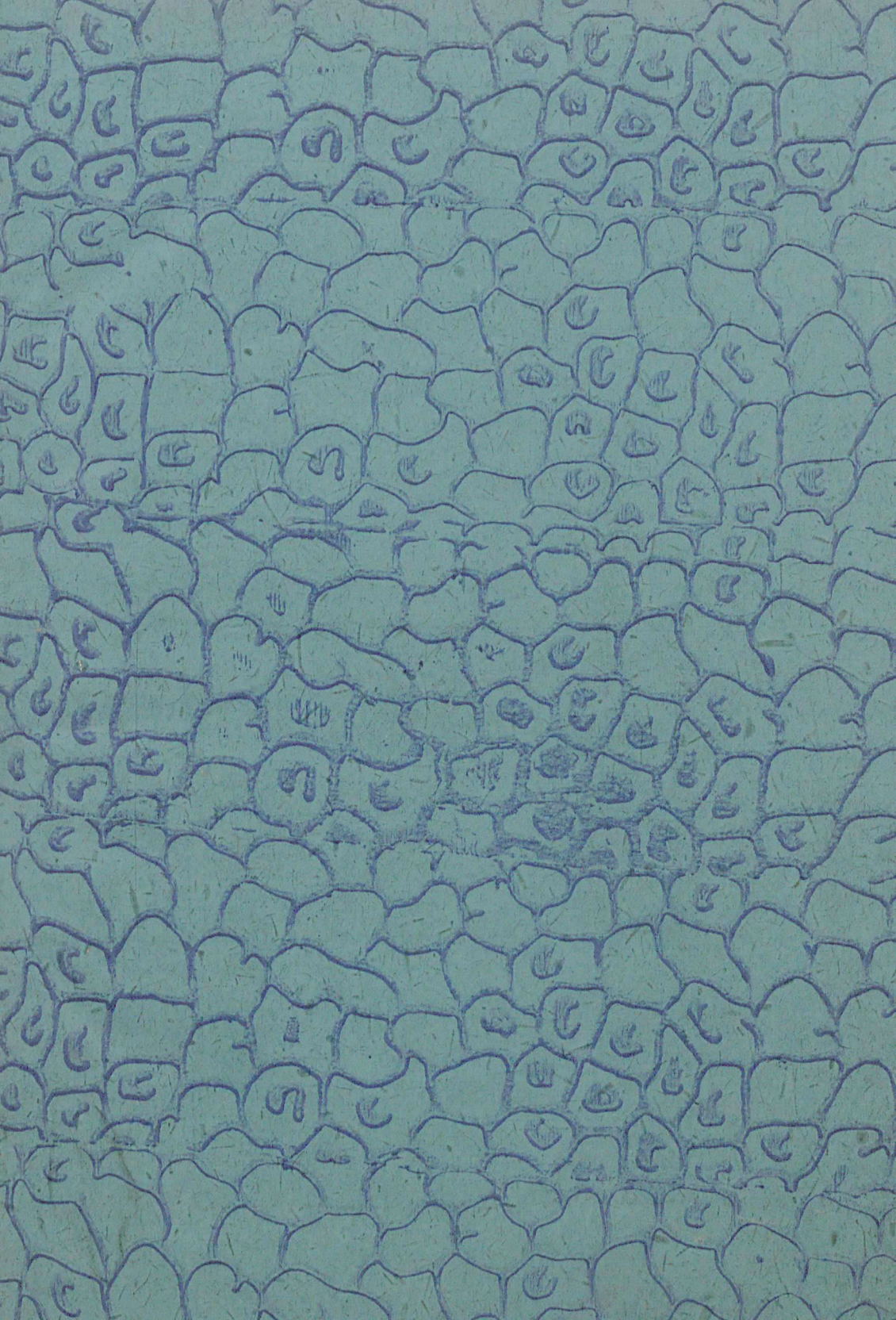
М 74
15

W 11 /

2

1

→ 23

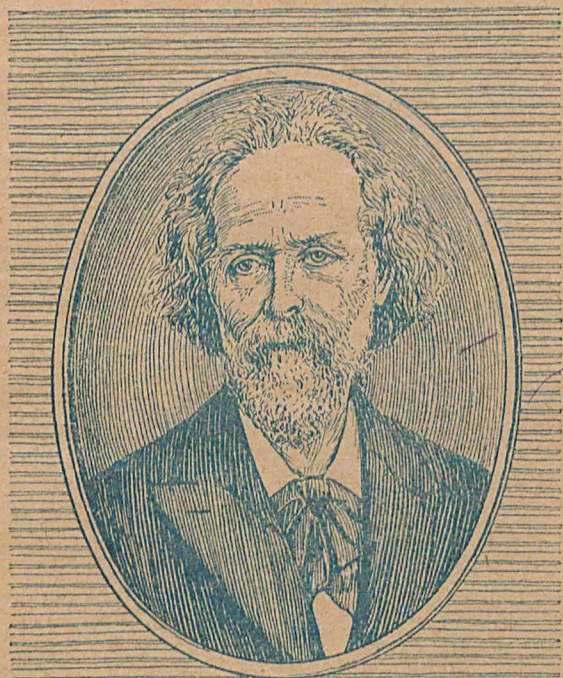
↓

2

М 15
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

“ЗЕМЛЯ”
99

Э. РЕКЛЮ.

Томъ XI.

Земля и Человѣкъ.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и всписка
1871 6		5 x 1				70	134 214

136
142

142

М 84 15
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ЗЕМЛЯ.

ОПИСАНИЕ ЖИЗНИ
ЗЕМНОГО ШАРА.

ХИ 439
Томъ XI.

ЗЕМЛЯ и ЧЕЛОВѢКЪ.

1914

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ и СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ
=== Н. К. ЛЕБЕДЕВА. ===

Томъ XI.

1500060494

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., собственный домъ.
МОСКВА.—1914.

Охота на мамонта въ Россіи въ доисторическую эпоху. Съ картины
В. М. Васнецова съ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

Земля и человѣкъ.

I.

Вліяніе природы на судьбы человѣчества.— Происхожденіе человѣка.— Древность человека на Землѣ.— Моногенисты и полигенисты.— Человѣческія расы.

Человѣкъ не только живетъ на Землѣ, но и происходитъ изъ нея. Онъ сынъ Земли, какъ это признаютъ всѣ первобытные народы. Мы всѣ,—безразлично, развились ли мы впервые на илистой почвѣ Нила, образовались ли изъ красной глины на берегахъ Евфрата или изъ священныхъ наносовъ Ганга,—являемся, подобно деревьямъ и тростникамъ рѣкъ, дѣтьми одной общей «матери-кормилицы»—Земли. Изъ нея мы извлекаемъ вещества, составляющія наше тѣло; она поддерживаетъ насъ своими питательными соками, доставляетъ воздухъ нашимъ легкимъ и даетъ намъ «жизнь, движеніе и бытіе». Невозможно, поэтому, чтобы формы Земли, оказывающія большое вліяніе на растительный и животный міръ, не отражались бы и на человѣчествѣ. Когда на Землѣ появился человѣкъ, какъ конечное звено безгранично длиннаго ряда живыхъ существъ, развитіе его было уже предопредѣлено формами и рельефомъ тѣхъ областей земного шара, въ которыхъ ранѣ обитали его прародители—животныя.

Человѣкъ—это «разумное существо», которое такъ гордится своей свободной волей,—не въ состояніи, однако, стать вполнѣ независимымъ отъ климата и физическихъ условій обитаемой имъ страны. Наша свобода по отношенію къ природѣ заключается лишь въ познаніи ея законовъ для того, чтобы сообразовать съ ними нашу жизнь. Какова бы ни была относительная свобода нашихъ поступковъ, совершаемыхъ нами по нашей волѣ, мы остаемся, тѣмъ не менѣе, произведеніями Земли; прикрѣпленные къ ея поверхности, мы слѣдуемъ за нею во всѣхъ ея движеніяхъ и подчиняемся всѣмъ ея законамъ. Человѣческія общества, развиваясь въ теченіе тыся-

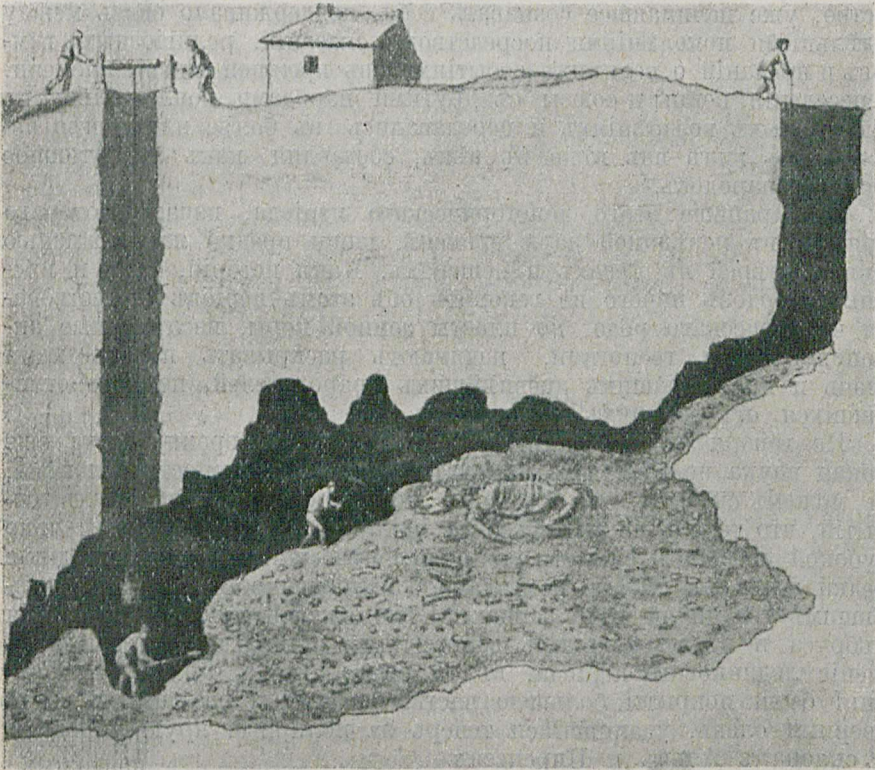

Одно изъ самыхъ древнихъ зданій въ мірѣ,—остатки древнѣйшаго храма въ Оивахъ въ Египтѣ.

челѣтій въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, неизбѣжно должны были отразить въ своей внутренней организаціи безчисленныя особенности материковаго рельефа, рѣчныхъ системъ, моря и всей вообще окружающей среды. Всѣ основныя факты исторіи народовъ находятъ себѣ объясненіе въ географическихъ условіяхъ той мѣстности, гдѣ они происходили. Можно сказать, что развитіе человѣчества было написано заранѣе величественными письменами на равнинахъ, долинахъ и берегахъ нашихъ материковъ.

Однако отношенія между явленіями природы и исторіи народовъ выражаются, въ дѣйствительности, не такъ рѣзко и правильно какъ, напримѣръ, отраженіе какого-нибудь предмета въ зеркалѣ. Гармоническое согласованіе между явленіями природы и жизнью людей проявляется иногда въ контрастахъ и представляетъ результатъ борьбы между природой и человѣкомъ. Въ тѣхъ взаимодѣйствіяхъ, какія существуютъ между Землей и человѣкомъ, не только природа вліяетъ на человѣка, но и человѣкъ, въ свою очередь, постоянно воздѣйствуетъ на поверхность Земли, гдѣ онъ обитаетъ. Подчиненный природѣ въ теченіе долгихъ тысячелѣтій, человѣкъ постепенно

Раскопки въ одной пещерѣ Южной Англіи, гдѣ были найдены остатки млекопитающихъ и человѣка.

освобождается отъ власти Земли, изучая ея силы, и въ настоящее время стремится подчинить эти силы себѣ. Взаимодѣйствіе между человѣкомъ и Землей порождаетъ то соотношеніе, которое составляетъ исторію человѣческаго рода. Эта исторія представляетъ постепенное освобожденіе человѣка отъ безсознательнаго подчиненія силамъ природы; историческій процессъ характеризуется тѣмъ, что люди все больше и больше знакомились съ силами природы, изучали ихъ и заставляли дѣйствовать на пользу себѣ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сказать, что *человѣкъ—это природа, познающая самое себя.*

*Въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что человѣкъ существуетъ на Землѣ съ весьма отдаленныхъ временъ. Письменные памятники людей, дошедшіе до нашего времени, говорятъ, что человѣческій родъ существуетъ пять или шесть тысячъ лѣтъ. Но остатки самыхъ древнихъ зданій, являющіеся своего рода архивами изъ камня, свидѣлствуютъ, что древность человѣческаго рода гораздо больше. Однако всѣ эти историческіе памятники представляютъ лишь остатки сравнительно краткаго историческаго періода. Этому періоду предшествовалъ несравненно болѣе длинный періодъ существованія человѣка, о которомъ говорятъ смутно древнія преданія народовъ. Въ теченіе этого доисторическаго періода человѣчество, уже начинавшее сознавать себя, поддерживало связь между отдѣльными поколѣніями посредствомъ сказаній, религіозныхъ гимновъ и преданій о великихъ событіяхъ изъ прежней жизни племени. Переселенія, войны и союзы съ другими народами воплощались въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и передавались въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ изъ вѣка въ вѣкъ, составляя какъ бы духовное наслѣдіе народовъ.

Еще раньше этого доисторическаго періода, начало котораго теряется въ невѣдомой дали временъ, наши предки жили жизнью дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пещерахъ. Какъ исторія, такъ и преданія народовъ ничего не говорятъ объ этомъ періодѣ существованія человѣческаго рода, но пласти земной коры, изслѣдуемые антропологами и геологами, начинаютъ раскрывать передъ нами жизнь и нравы нашихъ древнѣйшихъ прародителей, немного отличавшихся отъ высшихъ животныхъ.

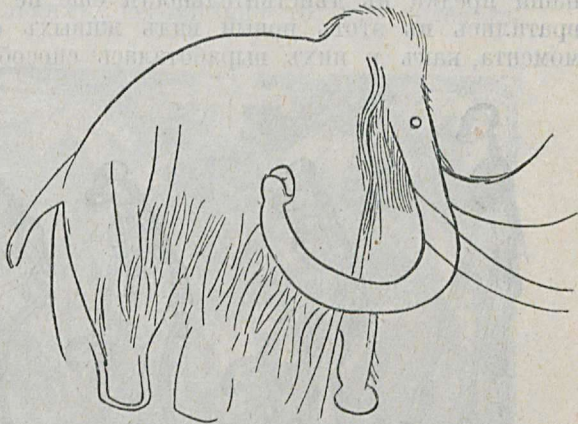
Не говоря о находкахъ, сдѣланныхъ въ то время, когда еще робкая наука не рѣшалась признать глубокую древность человѣка, мы можемъ сказать, на основаніи новѣйшихъ геологическихъ открытій, что теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно глубокой древности существованія человѣческаго рода. Наши дикіе предки жили въ лѣсахъ не только одновременно съ зубромъ, уцѣлѣвшимъ теперь лишь въ чащахъ Бѣловѣжской пуши, у подножія Эльбруса и въ нѣсколькихъ заповѣдныхъ паркахъ, но еще и въ теченіе ледниковаго періода, въ то время, когда Франція и Германія были покрыты большею частью льдами и снѣгами, и когда сѣверный олень, удалившійся теперь за полярный кругъ, бродилъ по склонамъ Альпъ и Пиренеевъ.

Еще ранѣе ледниковаго періода, въ то время, когда климатъ Европы былъ гораздо жарче, чѣмъ въ настоящее время, пещерный дикій человѣкъ жилъ одновременно съ носорогами и слонами уже исчезнувшихъ теперь видовъ; первобытные художники того времени, скромные предшественники Фидіевъ и Рафаэлей, уже пытались вырѣзывать на своихъ орудіяхъ изображенія женщинъ и фигуры мамонтовъ и оленей, остатки которыхъ сохранились въ глиняхъ пещеръ. Въ эпоху еще болѣе раннюю, мы находимъ остатки человѣка, который долженъ былъ вести борьбу съ громадными вымершими нынѣ пещерными медвѣдями и мамонтами, изображенія которыхъ первобытный человѣкъ оставилъ на стѣнахъ своихъ пещеръ. Различныя остатки, свидѣлствующие о существованіи человѣка еще въ болѣе древній періодъ, доказываютъ, что люди, или, по крайней мѣрѣ, животные, похожія на людей, обитали уже

на Землѣ въ тотъ геологическій періодъ, который считался до сихъ поръ отдѣленнымъ отъ нынѣшней эпохи цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ геологическихъ переворотовъ. Англійскій геологъ Уитней открылъ въ Калифорніи остатки человѣка и слѣды его произведеній, относящіеся, несомнѣнно, еще къ тому періоду, когда животная и растительная жизнь на Землѣ была совершенно иною, чѣмъ въ наше время; съ того времени твердыя и кристаллическія породы этой страны успѣли разрушиться отъ дѣйствія воды и воздуха на 700 — 1080 метровъ въ глубину. Сколько миллионѣвъ лѣтъ протекло съ того времени? Этого сказать никто не можетъ.

Относительно появленія человѣка на Землѣ возникаетъ много вопросовъ, которые до настоящаго времени еще не разрѣшены. Прежде всего возникаетъ вопросъ: развилось ли человѣчество отъ одного или многихъ типовъ предковъ, и которая изъ двухъ гипотезъ — гипотеза моногеніи (происхожденіе человѣка отъ одного корня) или полигеніи (происхожденіе отъ нѣсколькихъ корней), является если не истинной, то по крайней мѣрѣ, наиболѣе правдоподобной?

Изображеніе мамонта, найденное на стѣнѣ палеолитической пещеры Комбарелль во Франціи.

Анатомы, изучающіе скелетъ человѣка съ точки зрѣнія естественнаго происхожденія видовъ, то-есть разсматривающіе его какъ аппаратъ, слагавшійся постепенно, отъ поколѣнія къ поколѣнію, благодаря приспособленію къ вѣшней средѣ и постепенному усовершенствованію, приходятъ, путемъ сравнительнаго изученія различныхъ типовъ, къ выводу, что современные человѣческія расы не произошли, повидимому, одна отъ другой, но должны разсматриваться скорѣе какъ параллельныя вѣтви, восходящія къ общему предку, который жилъ, быть-можетъ, даже еще ранѣе появленія четверорукихъ животныхъ. Возможно, что этотъ первоначальный типъ является прямымъ потомкомъ сумчатыхъ животныхъ, которыя сами произошли отъ пресмыкающихся земноводныхъ и, наконецъ, низшихъ живыхъ существъ путемъ медленной эволюціи и приспособленія къ вѣшней средѣ въ теченіе долгихъ миллионѣвъ лѣтъ ¹⁾.

Однако не будемъ углубляться слишкомъ далеко, не будемъ даже пытаться проникнуть въ тѣ отдаленныя эпохи, когда человѣчество, только что возникшее среди животнаго міра, складывалось въ виды или расы. Остановимся на той эпохѣ, когда наши предки приобрѣли самый цѣнный даръ — научились членораздѣльной рѣчи и привыкли обращать въ слова первоначальные звуки, сво-

¹⁾ Ernst Haeckel. Anthropogenie. p. 584.

дившіеся, вѣроятно, къ рычанію и визгу. Въ этотъ періодъ, являющійся крупнымъ поворотнымъ пунктомъ въ нашей исторіи, человѣчество было уже разбито на явственно различающіяся между собою группы, и возникшіе тогда языки получили совершенно различные корни, сообразно со свойственными каждой расѣ духомъ и наклонностью къ образованію словъ.

До наступленія той эпохи, когда человѣкъ научился говорить и началъ быстро прогрессировать, люди были существами, мало отличавшимися отъ животныхъ; безъ сомнѣнія, они могли объясняться другъ съ другомъ при помощи жестовъ, лая и визга. Весь этотъ древній періодъ, который можно назвать періодомъ бессловесности человѣка, слѣдуетъ разсматривать какъ время, когда наши предки въ дѣйствительности еще не были людьми: они превратились въ этотъ новый видъ живыхъ существъ лишь съ того момента, какъ у нихъ выработалась способность говорить ¹⁾.

Гиббонъ. Орангутангъ. Шимпанзе. Горилла. Человѣкъ.

Скелеты человѣка и человѣкообразныхъ обезьянъ, по Гексли.

Однако и на основаніи изученія языковъ мы не можемъ утвердительно сказать, что всѣ люди, черные и бѣлые, желтые и мѣднокрасные, произошли отъ разныхъ прародителей и въ разныхъ областяхъ Земли. Мы не можемъ утверждать, что каждый материкъ, каждая изолированная область дали начало мѣстнымъ расамъ, отличавшимся отъ другихъ, подобно мѣстнымъ представителямъ растительнаго и животнаго міра. Этотъ вопросъ еще не разрѣшенъ наукой; для однихъ ученыхъ единство первобытнаго человѣческаго рода представляетъ неоспоримый фактъ; для другихъ же это единство ничѣмъ не доказано; нѣкоторые ученые полагаютъ, что могло быть три, четыре, пять и даже десять первичныхъ группъ, отъ которыхъ и произошли современные расы.*

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что къ этому спору о происхожденіи расъ часто примѣшиваются чуждыя наукѣ побужденія. Когда въ великой американской республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, вмѣстѣ съ тридцатію милліонами бѣлыхъ гражданъ, пользовавшихся наибольшею свободой въ мірѣ, было четыре милліона негровъ, обреченныхъ на тяжкую неволю, то защитники рабства оправдывали

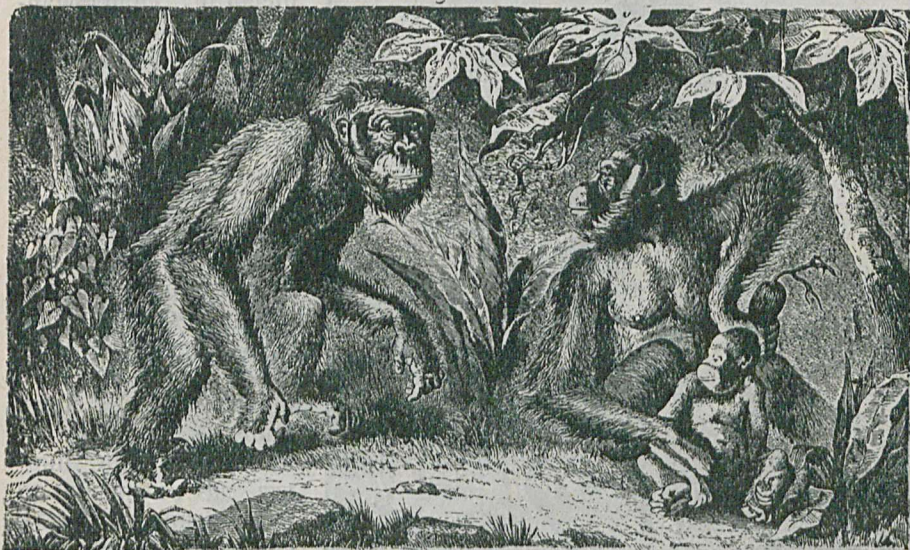
¹⁾ Н. Drummond. Ascent of man.

его, говоря, что негры имѣютъ иное происхожденіе, чѣмъ бѣлая раса. Даже тѣ, которые вѣрили библейскому преданію о первобытномъ единствѣ человѣческаго рода, изъ ненависти къ неграмъ доказывали, что это равенство нарушилось съ теченіемъ времени, и что дѣти раба обречены вѣчно носить цѣпи и терпѣть удары кнута.

Научная истина никогда не можетъ быть открыта, если ея исканіе сопровождается корыстными соображеніями и предвзятой цѣлью. Только вполне безпристрастное и свободное отъ всякихъ предразсудковъ изученіе дастъ возможность выяснитъ болѣе или менѣе вѣрно темный вопросъ о происхожденіи человѣческихъ расъ и самого человѣка.

Но произошли ли существующія нынѣ расы людей отъ одного корня или отъ нѣсколькихъ, несомнѣнно то, что человѣкъ

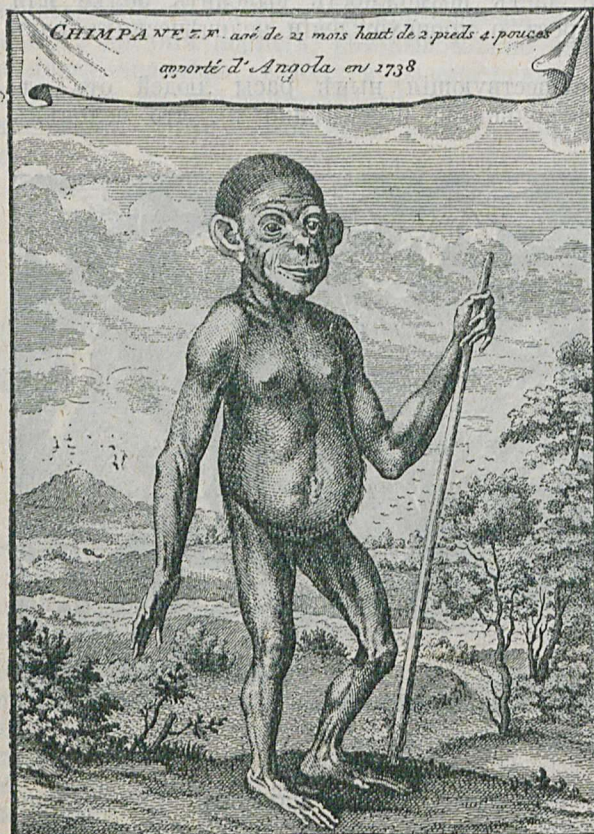
Семейство орангутанговъ.

зародился въ странахъ, гдѣ жизнь бьетъ ключомъ, гдѣ солнце льетъ на землю въ изобиліи свои горячіе лучи, и гдѣ дожди выпадаютъ часто; многіе виды негритосовъ—самыхъ дикихъ людей на Землѣ—развились въ экваторіальной полосѣ, которая является въ то же время и родиной крупныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, родственныхъ по своему строенію человѣку.

Для зарожденія человѣческаго рода была необходима тропическая природа со всей ея могущественной производительной силой. И если почти во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ развѣ обширныхъ равнинъ, у людей существуетъ преданіе, что ихъ родоначальники спустились съ высокихъ горъ, ограничивающихъ горизонтъ, то эти легенды не что иное, какъ продуктъ воображенія. Могучія вершины горъ, поднимающіяся въ заоблачную высь, кажутся обителью боговъ, и не естественно ли, что здѣсь, у подножія трона божества, человѣкъ видитъ родину своихъ первыхъ родоначальниковъ?

«Человѣкъ—это падшее божество, которое не можетъ забыть небесъ», говоритъ Ламартинъ. Впрочемъ, человѣка никакъ нельзя назвать «падшимъ»; наоборотъ, онъ поднимается все выше и выше, удаляясь все далѣе отъ животнаго міра. Возникнувъ изъ безчисленнаго ряда поколѣній людей и человѣкообразныхъ существъ, животныхъ, растений и простѣйшихъ организмовъ, человѣкъ уже въ строеніи своего тѣла воспроизводитъ все, что его предки изжили въ теченіе тысячелѣтій. Въ самомъ себѣ человѣкъ предста-

Изображеніе молодой человѣкообразной обезьяны, шимпанзе. Съ гравюры XVIII столѣтія. Изъ книги «Histoire générale des voyages» 1748 г.

вляеть итогъ всего преждесуществовавшего и въ своемъ зародышевомъ развитіи повторяетъ болѣе простыя формы организаціи, наблюдавшіяся у его предковъ. Вотъ почему не только у дикихъ племенъ слѣдуетъ искать чертъ первобытнаго человѣка; и у его болѣе отдаленныхъ предковъ—у животныхъ—мерцаютъ первые проблески разума и чувства.

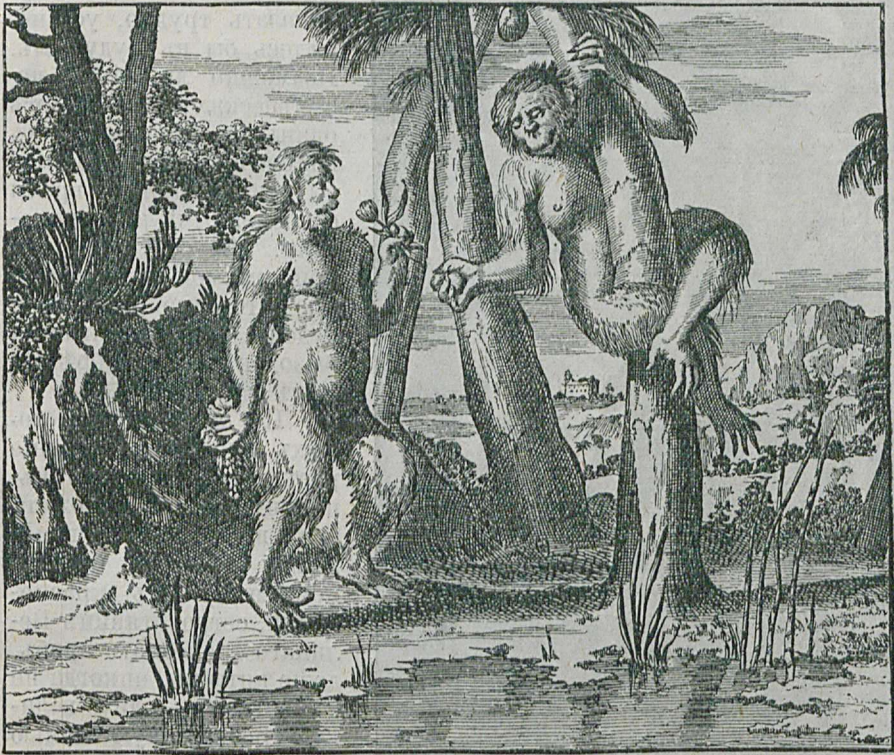
Общества животныхъ дѣйствительно показываютъ намъ иногда въ зачаточномъ состояніи, иногда же въ довольно-совершенномъ видѣ самыя различныя черты человѣческой общественной жизни. Въ мірѣ животныхъ мы можемъ найти всѣ образцы, по которымъ сложилось человѣческое общество. Если бы человѣкъ не слѣдо-

валъ въ своемъ развитіи примѣру четвероногихъ друзей и если бы въ борьбѣ за существованіе онъ не пользовался ихъ помощію и не подражалъ бы многимъ изъ нихъ, то онъ, можетъ-быть, оставался бы въ дикомъ состояніи болѣе долгое время и былъ бы лишь двуногимъ животнымъ среди четвероногихъ.

Впрочемъ, тотъ фактъ, что первобытный человѣкъ одинъ изъ всѣхъ животныхъ приучился ходить на двухъ ногахъ, явился уже самъ по себѣ громаднымъ шагомъ впередъ и могъ послужить рѣшительнымъ образомъ отдѣленію человѣка отъ прочихъ животныхъ. Безъ сомнѣнія, первобытный человѣкъ ходилъ на четверенькахъ;

можетъ-быть, слѣдами этого состоянія и остается то, что мы всѣ начинаемъ свой жизненный путь на четверенькахъ и только съ трудомъ *привыкаемъ* ходить на двухъ ногахъ. Нашъ древній предокъ, впервые вставшій на ноги, сталъ человѣкомъ. Освободивъ свои руки отъ работы при передвиженіи, онъ не только сталъ болѣе ловкимъ въ борьбѣ съ врагами, но и получилъ возможность пользоваться руками для разнообразной дѣятельности, развивающей духъ, для употребленія орудій и лучшаго ощущенія и схватыванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшаго *ощущенія и пониманія* окружающихъ вещей. Возможно, что жизнь въ гористой мѣстности

Дикіе обезьяно-люди. Рисунокъ изъ книги XVII столѣтія.

могла способствовать развитію привычки ходить на двухъ ногахъ. Такъ, напримѣръ, гиббоны, взбираясь въ гору, часто поднимаются на заднія ноги и «ходятъ» какъ люди. Слѣдуетъ ли отсюда заключить, согласно съ нѣкоторыми антропологами, что человѣкъ происходитъ отъ одного или нѣсколькихъ видовъ древнихъ четверо-рукихъ, или отъ какого-либо животнаго того же типа, который постепенно развивался, благодаря естественному подбору и борьбѣ за существованіе, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ? Эта гипотеза не только не унижаетъ человѣка, а, наоборотъ, должна заставлять его испытывать гордость: человѣкъ самъ поднялся изъ животнаго состоянія и возвысился до того, что сталъ понимать мірозданіе и сознать самого себя. Впрочемъ, гипотезы о происхожденіи чело-

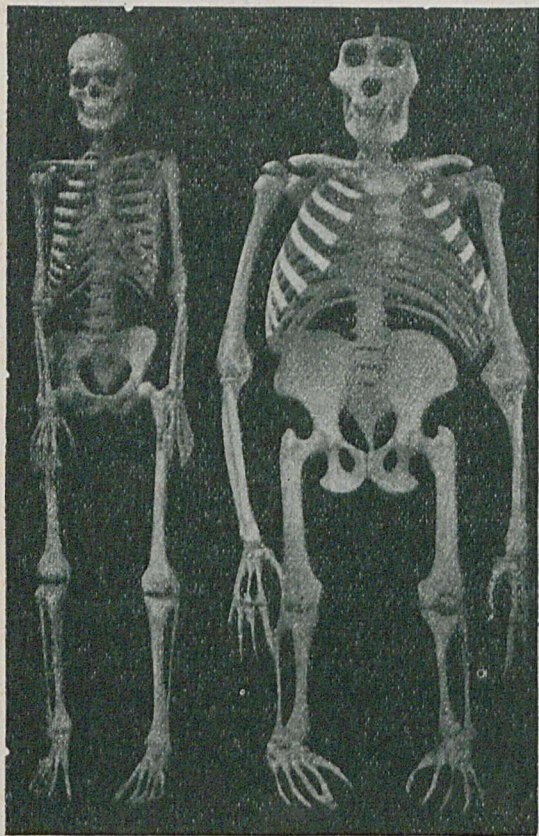

вѣка отъ низшихъ животныхъ представляютъ еще только предположенія и въ нихъ нельзя видѣть научно доказанной истины до тѣхъ поръ, пока прямые доказательства не исполнѣтъ подтверждать ихъ.

Возвращаясь къ вопросу о происхожденіи различныхъ чело-вѣческихъ расъ, мы можемъ сказать, что въ дѣйствительности этотъ вопросъ не имѣетъ большого значенія. Для насъ не такъ важно знать, произошли ли люди отъ одной или нѣсколькихъ паръ прародителей, появились ли они въ различныхъ странахъ и въ различное время; для насъ важно лишь то, чтобы единство

человѣчества, существованіе котораго въ прошломъ доказать трудно, установилось бы въ будущемъ. Возможно ли сліяніе чело-вѣческихъ расъ?—Вотъ одинъ изъ тѣхъ великихъ вопросовъ, которые под-няты въ настоящее время современными антрополо-гами. Мы считаемъ, что приблизимся къ разрѣше-нію этого вопроса, если будемъ придержи-ваться выводовъ, приоб-рѣтенныхъ опытомъ.

По мнѣнію нѣкото-рыхъ ученыхъ, сліяніе расъ невозможно; такъ, на-примѣръ, не можетъ быть прочнаго соединенія между бѣлымъ чело-вѣкомъ и чернымъ; красно-кожій, островитянинъ Ве-ликаго океана, арабъ, даже китаецъ, никогда не сольются въ одну вели-кую родственную семью народовъ. Мало того, мно-гіе ученые утверждаютъ, что индусъ, такой же ари-стократъ по происхожденію, какъ и западный евро-пеецъ,

Скелеты чело-вѣка и гориллы.

вступившій раньше его на путь науки и искусствъ, въ будущемъ долженъ всегда оставаться въ сторонѣ отъ кельтскихъ, латинскихъ, славянскихъ и германскихъ народовъ, горделиво при-своившихъ себѣ первенство, такъ что древняя родственная связь между индусами и европейцами никогда не возстановится.

Другіе ученые допускаютъ нѣкоторые исключенія, но все же придерживаются того взгляда, что дѣти, происходящія отъ союза между представителями различныхъ расъ, недолговѣчны, и что такое потомство обречено или на вымирание или же въ послѣдую-щихъ поколѣніяхъ будутъ все болѣе и болѣе укрѣпляться черты

Предполагаемая интеллектность первобытного человека. Рисунок съѣдланъ на основаніи черепа и костей первобытнаго человека, найденныхъ въ пещерѣ Шатель-о-Сенъ во Франціи.

какой-либо одной расы и, въ концѣ-концовъ, потомки такихъ смѣшанныхъ поколѣній превратятся въ одинъ изъ первоначальныхъ типовъ. И, что еще печальнѣе, — нѣкоторые низшія племена, не способныя къ сліянію съ расой, овладѣвшей ихъ областью, обречены неминуемо на вымирание. Какъ будто на Землѣ недостаточно мѣста для нихъ и для ихъ побѣдителей!

Дѣйствительно, множество болѣзней, занесенныхъ европейцами, значительно уменьшили численность туземцевъ, въ особенности краснокожихъ въ Америкѣ. Кромѣ того, часто такъ называемый цивилизованный человѣкъ, какъ бы въ доказательство своего превосходства надъ другими расами, истреблялъ ихъ безъ пощады. Онъ преслѣдовалъ ихъ отчасти для того, чтобы захватить ихъ земли и цѣнности, а отчасти и для того, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами. Не одинъ миллионъ людей погибъ такимъ образомъ въ теченіе четырехъ послѣднихъ вѣковъ, и племена, даже цѣлые народы, исчезли безслѣдно. Понятно, что такое массовое истребленіе не могло способствовать сліянію расъ. Однако, если бы европейцы не были варварами по отношенію къ чернокожимъ и краснокожимъ, то нельзя утверждать, что между различными расами не могло бы состояться соглашенія, которое привело бы къ сліянію ихъ. Но если дѣйствительно смѣшеніе между различными расами можетъ давать только маложизненные поколѣнія, то человѣчество обречено на гибель, и притомъ весьма быстро; на самомъ дѣлѣ народы и расы смѣшиваются другъ съ другомъ все болѣе и болѣе, этнографическія границы съ каждымъ годомъ стираются и путемъ послѣдовательныхъ скрещиваній всѣ люди, въ концѣ-концовъ, составятъ одну семью.

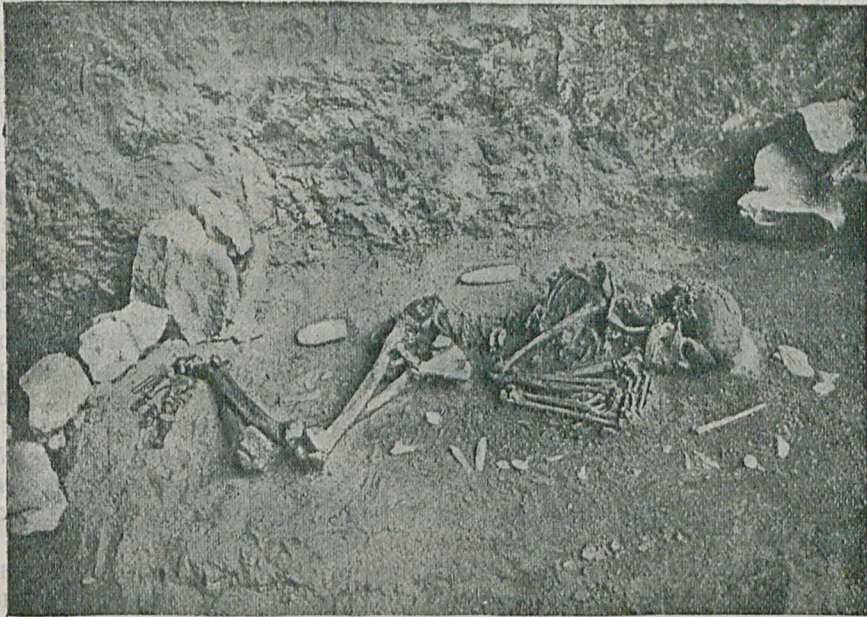
Несмотря на жестокія столкновенія между бѣлыми и туземцами, на массовыя истребленія и рабство, въ Южной Америкѣ, на Антильскихъ островахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ все же образовалось смѣшанное населеніе, въ составъ котораго входятъ и бѣлые, и черные, и краснокожіе. Развѣ въ этомъ «новомъ свѣтѣ» не образовались новые народы? Всѣ эти народы, похожіе одновременно и на европейца — по своему уму и стремленіямъ, и на индѣйца — неукротимымъ духомъ сопротивленія, и на африканца — способностью увлекаться, — развѣ они не служатъ живымъ доказательствомъ того, что человѣческія расы вполне способны къ сліянію, несмотря на различія своего происхожденія? Если типы нѣкогда оставались неподвижными, то это происходило отъ неподвижности самихъ народовъ. Теперь же, подъ вліяніемъ переселеній и притока новыхъ элементовъ, а также влѣдствіе скрещиванія расъ и отдѣльныхъ племенъ, основныя человѣческія типы смѣшиваются все болѣе и болѣе, и этнографическія различія исчезаютъ между людьми. Возможно, что въ будущемъ всѣ расы сольются болѣе или менѣе тѣсно и образуютъ одну великую семью народовъ — единое человѣчество. Жители разныхъ областей земного шара будутъ отличаться другъ отъ друга лишь незначительными признаками, возникающими благодаря мѣстнымъ особенностямъ почвы, рельефа, климата и другихъ физическихъ условій данной области.

II.

Доисторическій человекъ.— Современные дикари.

* Проникая умственнымъ взоромъ въ темную глубь вѣковъ, за предѣлы исторической жизни людей, мы съ большимъ трудомъ можемъ представить картину жизни первобытнаго человѣчества. Къ счастью, и объ этихъ временахъ дошли до насъ многочисленные документы, которые мы встрѣчаемъ въ обширномъ историческомъ архивѣ—въ геологическихъ пластахъ земной коры. Ученые научились читать эти своеобразные, часто разорванные и перемѣшанные листы, рассказывающіе о живыхъ существахъ, населявшихъ Землю. Въ этихъ земныхъ пластахъ мы встрѣчаемъ и слѣды перво-

Скелетъ первобытнаго человекъ въ древней пещерѣ близъ Ментоны на берегу Средиземнаго моря.

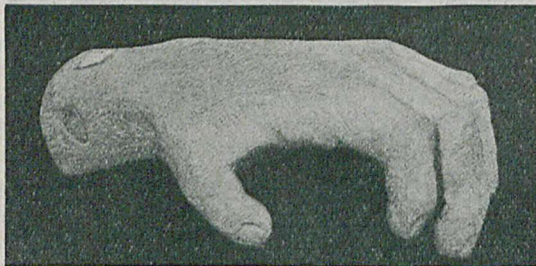
бытныхъ людей. Эти слѣды такъ многочисленны, что могла даже возникнуть особая наука о доисторическомъ человѣкѣ.

Дѣйствительно, несмотря на то, что отъ народовъ, жившихъ до появленія письменности, не сохранилось лѣтописей въ собственномъ смыслѣ этого слова и мы даже не знаемъ названія этихъ народовъ и не знакомы съ языкомъ, на которомъ они выражали свои мысли,—мы находимъ, тѣмъ не менѣе, въ пластахъ земной коры безчисленное множество различныхъ предметовъ, удостоверяющихъ существованіе человѣка въ самыя отдаленныя отъ насъ эпохи: кости людей и домашнихъ животныхъ, домашняя утварь, оружіе, амулеты, драгоценности, различные обработанные камни и являются тѣми свидѣтелями, и научное изслѣдованіе всѣхъ этихъ предметовъ открыло передъ нами самую широкую картину жизни и цивили-

заці нашихъ доисторическихъ предковъ. Возможно, что въ будущемъ мы будемъ въ состояніи даже опредѣлить въ общихъ чертахъ хронологическую послѣдовательность въ развитіи этихъ первобытныхъ народовъ. Археологи, можетъ-быть, смогутъ со временемъ набросать картину цѣлаго ряда вѣковъ доисторической жизни людей.

Доисторическая археологія, которая связываетъ жизнь современнаго человѣка съ жизнью его отдаленныхъ предковъ и позволяетъ намъ знакомиться съ ходомъ эволюціи во времени,—наука очень недавняго происхожденія; официально ея возникновеніе относится лишь ко второй половинѣ девятнадцатаго вѣка, когда Ляйелль въ своей рѣчи на Британскомъ научномъ конгрессѣ установилъ полную несомнѣнность существованія человѣка и его техники въ началѣ четвертичнаго періода, то-есть въ ту эпоху, когда суша и море были распределены иначе, чѣмъ въ наше время, и когда господствовалъ иной климатъ. Однако еще значительно ранѣе того, какъ эта истина проникла за порогъ академіи и на научные

Рука старой гориллы. Съ препарата, хранящагося въ Jardin des Plantes въ Парижѣ.

конгрессы, многіе отдѣльные изслѣдователи и независимые мыслители признавали уже вполнѣ сознательно существованіе остатковъ каменнаго вѣка. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ французскій ученый Жюссье опубликовалъ книгу объ этомъ предметѣ, гдѣ высказывалъ взгляды, опередившіе науку на 150 лѣтъ. У Бюффона мы тоже

находимъ кое-какія указанія, свидѣтельствующія о его предположеніяхъ въ этомъ направленіи.

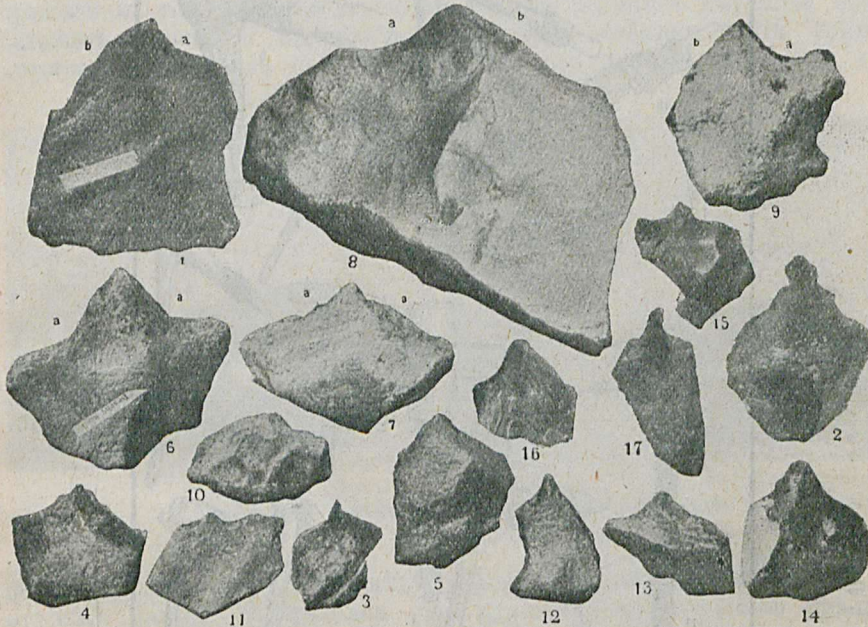
Позднѣе, въ то время, какъ Кювье и его послѣдователи упорно боролись со всѣми сторонниками новизны, не желавшими признавать незыблемыхъ догматовъ науки, количество наблюдателей, приходившихъ къ убѣжденію въ существованіи человѣка въ началѣ четвертичнаго періода, становилось все болѣе и болѣе значительнымъ. Результаты наблюденій Эмара, Ами-Буэ, Турналя, Кристоля, Марсель де Серра и Буше де Перта одержали, наконецъ, верхъ надъ обскурантизмомъ школы Кювье; убѣжденія этого великаго ученаго, хотя оставили блестящее наслѣдство въ области человѣческой мысли, могутъ все же, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить примѣромъ того, какъ всякая, даже и прогрессивная идея, сдѣлавшись догмой, превращается постепенно въ препятствіе для дальнѣйшаго прогресса.

Въ настоящее время нѣтъ болѣе историковъ, которые оспаривали бы глубокую древность человѣческаго рода и представляли бы себѣ, что человѣкъ появился внезапно, созданный изъ глины или изъ морской пѣны, пять или шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Непрерывное и постепенное развитіе человѣческой расы съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней является фактомъ капитальной важности, признаннымъ въ настоящее время положительно

всѣми. Для того, однако, чтобы человѣчество могло достигнуть тѣхъ колоссальныхъ успѣховъ, которые мы наблюдаемъ въ теченіе до-исторической жизни, долженъ былъ пройти, безъ сомнѣнія, длиннѣйшій рядъ вѣковъ.

Дѣйствительно, до того времени, когда человѣкъ научился выражать свои мысли словами, онъ пережилъ продолжительный періодъ въ качествѣ безсловеснаго существа; затѣмъ имъ былъ пережитъ періодъ, когда ему не былъ знакомъ огонь; легко понять, сколько усилій и борьбы требовалось человѣку для того, чтобы перейти изъ состоянія не одареннаго рѣчью животного къ стадіи болѣе совершеннаго существа, способнаго выражать свои мысли словами и поддерживать священное пламя на очагѣ своей хижины!

Первобытныя кремневые орудія, найденныя въ странахъ Западной Европы.

Время, въ теченіе котораго чередовались эти крупныя событія въ жизни людей, можетъ быть раздѣлено, сообразно съ этими событіями, на періоды, разграничивающіеся между собою даже гораздо рѣзче, чѣмъ обычные періоды нашей исторіи—древній, средній и новый.

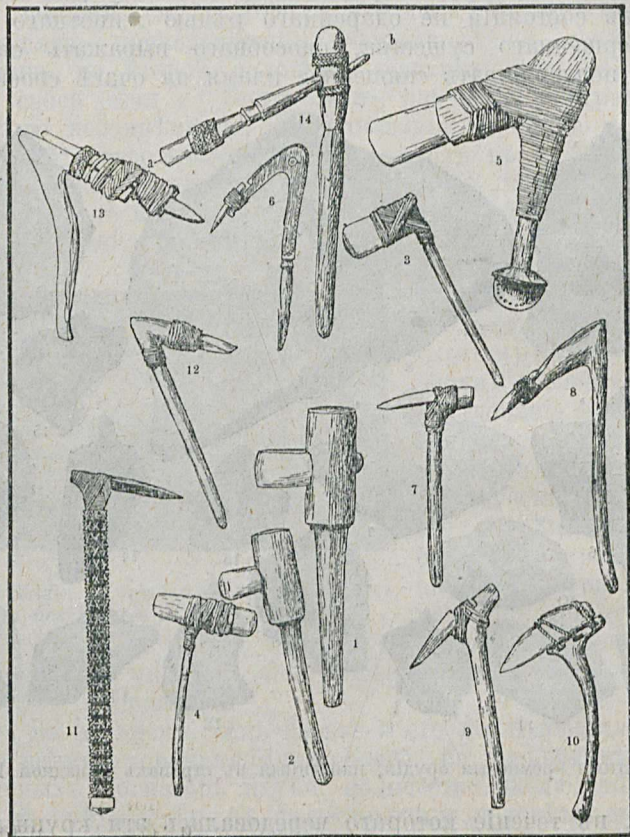
Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда наши предки приобрѣли способность рѣчи и затѣмъ, много вѣковъ спустя, научились обращаться съ огнемъ, человѣкъ подъ вліяніемъ измѣненій среды, самъ постепенно измѣнялся и, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе удалялся отъ животныхъ, съ которыми былъ связанъ своимъ происхожденіемъ.

Благодаря слѣдамъ дѣятельности человѣка, сохранившимся въ пещерахъ и по берегамъ рѣкъ и озеръ, благодаря различнымъ остаткамъ, относящимся къ тѣмъ вѣкамъ, которые предшествуютъ историческимъ временамъ, археологи имѣли возможность устано-

вить присутствіе первобытнаго человѣка въ различныхъ частяхъ свѣта и выяснить постепенный ходъ цивилизаціи. Они пытались даже описывать различныя доисторическія народности, ихъ степень родства и границы ихъ распространенія.

Результатомъ всѣхъ этихъ продолжительныхъ и упорныхъ изслѣдованій явился прежде всего тотъ выводъ, что въ теченіе эволюціи, усложняемой перѣдкими частичными задержками, люди постепенно совершенствуются все болѣе и болѣе въ умѣнны и въ

Каменные топоры первобытныхъ людей.

искусствѣ дополнять и увеличивать свои индивидуальныя силы при помощи различныхъ предметовъ внѣшней среды—каменей, дерева и металловъ. Въ самыя первыя времена человѣкообразное существо, являющееся нашимъ предкамъ, довольствовалось, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что собирало опавшія вѣтви деревьевъ и камни, точно такъ же, какъ это дѣлаютъ обезьяны; подобно имъ же онъ употреблялъ эти предметы для своей защиты и въ качествѣ инструментовъ.

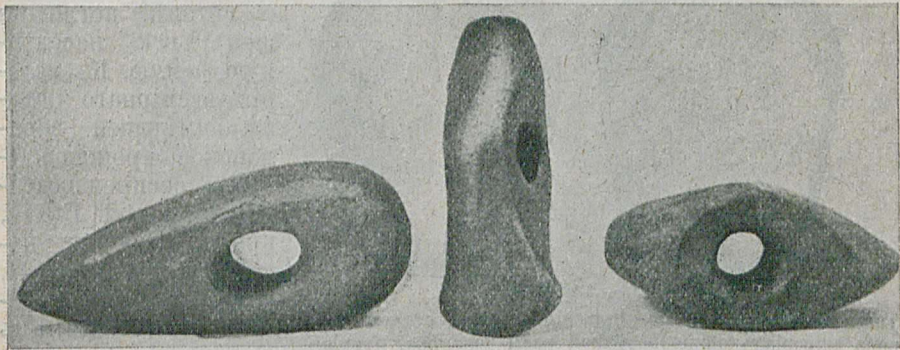
Послѣ этого начальнаго періода слѣдовалъ періодъ, называемый «эолитическимъ», когда первобытный человѣкъ научился употреблять, какъ орудіе, простые камни и осколки валуновъ. Періодъ этотъ начался, вѣроятно, въ срединѣ эоценовой эпохи. Новаторы того времени

научились выбирать камни неправильной формы и пользоваться ими: они приготовляли изъ нихъ палицы, ножи, скребниці, молотки и другіе инструменты.

Такое употребленіе первобытныхъ орудій, кое-гдѣ продолжающееся въ тѣхъ же древнихъ формахъ еще и до настоящаго времени, было истиннымъ началомъ человѣческой техники. Эти каменные орудія, сдѣланные преимущественно изъ кремня, археологи находятъ теперь тамъ, гдѣ ихъ оставили наши предки. Благодаря такимъ находкамъ, передъ нашимъ умственнымъ взоромъ встаетъ въ долинахъ Франціи, Бельгіи и Англіи, картина каменнаго вѣка, въ теченіе котораго человѣкъ жилъ въ сосѣдствѣ съ ископаемымъ слономъ и носорогомъ.

Затѣмъ дальнѣйшіе перевороты и постепенныя измѣненія привели къ тому, что съ теченіемъ вѣковъ человѣкъ научился обрабатывать камень и придавать ему путемъ отбивки такія формы, которыя дѣлали изъ него инструментъ для работы или орудіе для

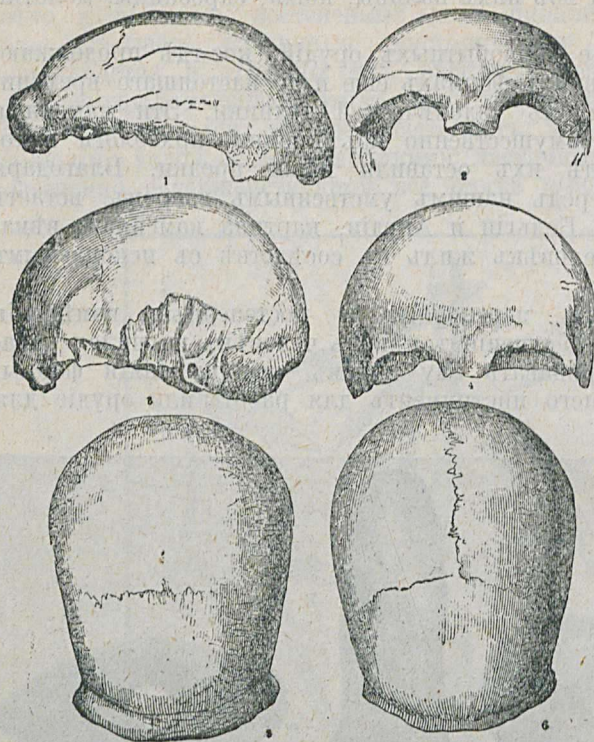
Шлифованные каменные топоры первобытныхъ людей.

борьбы. Еще позднѣе человѣкъ усовершенствовался еще болѣе въ отдѣлкѣ камней и сдѣлался уже художникомъ, стараясь придать вырабатываемымъ предметамъ домашняго обихода и своему оружію красивыя формы; это было время, предшествовавшее періоду обработки металловъ. Эти двѣ стадіи въ жизни человѣчества—эпоха, когда примѣнялся оббитый камень, и эпоха, когда человѣкъ началъ полировать камни,—носятъ обыкновенно названіе періодовъ «палеолитическаго» и «неолитическаго».

Каковы были промежуточные стадіи между этими чередующимися періодами въ исторіи человѣчества,—на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить лишь различными гипотезами. Въ теченіе доисторической эпохи, продолжительность которой неизвѣстна,—она составляла десятки тысячъ, быть-можетъ, милліоны лѣтъ,—измѣненія внѣшней среды были не рѣдко столь значительны, что являлись настоящими переворотами, иногда внезапными и ужасными, иногда постепенными, длившимися въ теченіе долгаго періода. Въ результатъ населеніе Земли претерпѣвало въ своей исторіи тоже перевороты, соотвѣтствовавшіе измѣненіямъ внѣшней среды: то ему приходилось избирать новыя мѣстности для обитанія, то

измѣнять образъ жизни, оставаясь на томъ же мѣстѣ. Такія явленія

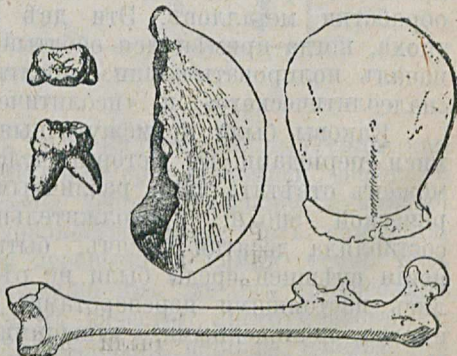

Такъ называемый «неандертальскій» черепъ, остатокъ черепа дилловіальной первобытной расы человѣка, приближавшагося къ животному. 1—въ профиль, 2—спереди, 3—сверху. Рядомъ—часто сравниваемый съ нимъ эгипетскій черепъ. 4—въ профиль, 5—спереди, 6—сверху.

подверженныхъ разрушительнымъ наводненіямъ. Точно такъ же въ мѣстностяхъ вулканическихъ существуютъ другія легенды, также оправдываемыя событіями далекаго прошлаго; въ нихъ рассказывается о каменныхъ дождяхъ, объ обрушивающихся горахъ, о внезапномъ появленіи и исчезновеніи озеръ, о провалѣ городовъ и т. п.

Влагодаря различнымъ остаткамъ каменныхъ и костяныхъ орудій, инструментовъ и домашней утвари, ученые спеціалисты высказали предположеніе, что людей «каменнаго вѣка» слѣдуетъ раздѣлить на нѣсколько расъ. Самая древняя раса, называется «неандертальской», по мѣстности находенія остатковъ ископаемаго человѣка. Эти остатки были найдены въ 1856 г. въ

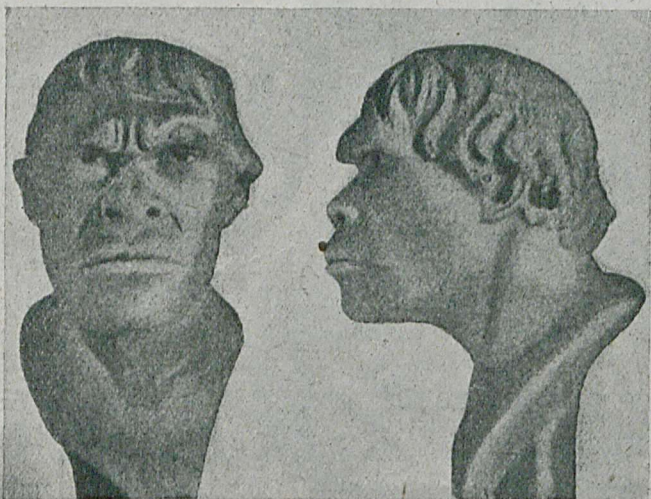
природы, какъ изверженіе вулкановъ, землетрясенія и провалы почвы, наводненія рѣкъ и затопленіе моремъ низменныхъ береговъ измѣняли перѣдко внѣшнія формы земного рельефа, уничтожая отчасти, или даже совершенно, цѣлыя народы. Объ этомъ свидѣлствуютъ, на примѣръ, столь многочисленныя преданія о потопѣ, поглотившемъ всю населенную землю. Къ исторіи всемірнаго потопъ, имѣющей вавилонское происхожденіе и воспроизведенной въ книгѣ Бытія, присоединяются подобныя же рассказы, сохранившіеся въ Китаѣ, въ Индіи, въ Египтѣ и въ Америкѣ, преимущественно въ мѣстностяхъ, по природѣ низменныхъ и

Кости обезьяно-человѣка (питекантропа), найденныя докторомъ Дюбуа на островѣ Явъ въ 1894 году.

одной изъ пещеръ Неандерталья близъ Дюссельдорфа въ Германіи. Среди другихъ частей скелета здѣсь оказалась превосходно сохранившаяся черепная крышка, изображеніе которой мы помѣщаемъ здѣсь. Неандертальскій черепъ былъ удивительно плоскимъ, а мощные костные валики, такъ называемыя «надбровныя дуги», надъ глазными впадинами должны были придавать неандертальскому человѣку крайне свирѣпый, поистинѣ звѣрскій видъ. Такое сильное развитіе надбровныхъ дугъ ближайшимъ образомъ напоминаетъ соответствующее образованіе у человѣкообразныхъ обезьянъ. Въ 1894 г. голландскій врачъ Е. Дюбуа нашелъ въ древнемъ вулканическомъ пеплѣ четвертичнаго періода на островѣ Явѣ, близъ Триниля, черепную крышку, бедренную кость и еще нѣсколько мелкихъ костей. Большинство ученыхъ признали, что черепъ и кости, найденныя Дюбуа, являются остатками существа, представлявшаго настолько рѣзко выраженныя

Предполагаемая внѣшность первобытнаго человѣка.

переходныя черты между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами, что это существо называли питекантропомъ эректусъ, т.-е. «выпрямившимся обезьяно-человѣкомъ». Другіе черепа древнихъ людей, какъ, напримѣръ, черепъ изъ пещеръ Энгисъ въ долинѣ рѣки Мааса, также обладаютъ сильно развитыми «надбровными дугами», что сближаетъ первобытныхъ людей съ высшими обезьянами. Однако емкость этихъ череповъ, даже черепа питекантропа болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза превосходитъ наибольшій объемъ мозга, встречаемый у самыхъ крупныхъ человѣкообразныхъ обезьянъ.

Были сдѣланы попытки опредѣлить время, протекшее съ той эпохи, когда на Землѣ обитали эти первобытные люди. Такъ, въ дельтѣ рѣки Нила были найдены глиняные сосуды, покрытые иломъ, толщина котораго, по вычисленію нѣкоторыхъ ученыхъ, соответствуетъ 15.000 лѣтъ. Однако подобныя опредѣленія сами по себѣ слишкомъ неточны для того, чтобы можно было придавать имъ сколько-нибудь серьезное значеніе. Можно, однако, съ увѣ-

ренностью сказать, что человѣческій родъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ оказывается распространеннымъ съ одного конца свѣта и до другого.

При началѣ историческаго періода, которое должно быть отнесено въ нѣкоторыхъ странахъ на нѣсколько вѣковъ назадъ, а въ другихъ на десять тысячъ лѣтъ, материки были населены почти во всѣхъ своихъ частяхъ. Единственными, совершенно пустынными пространствами были, какъ и въ настоящее время, крутые склоны горъ, снѣжные или ледяные поля, вязкія болота, песчаная пустыни и скалы, лишенные всякой растительности.

Борьба первобытнаго обезьяно-человѣка съ человѣкомъ.

Представить картину жизни первобытныхъ народовъ мы можемъ и теперь, познакомившись съ жизнью современныхъ дикихъ племенъ, или, вѣрнѣе, «отсталыхъ» народностей, еще мало подвергшихся вліянію народовъ-завоевателей. Изучая жизнь этихъ народовъ, мы можемъ увидать, какъ жили наши предки, и можемъ попытаться возстановить ходъ ихъ развитія въ прежнія времена и среди прежней географической среды, которая болѣе или менѣе отличалась отъ современной.

Безъ сомнѣнія, возстановить въ своемъ умѣ съ достаточной точностью образъ жизни существовавшихъ нѣкогда первобытныхъ народностей, отъ которыхъ сохранились лишь кости и орудія, задача трудная. Но надо сказать, что во многихъ мѣстностяхъ природа мало измѣнилась съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, и затѣмъ мы постоянно имѣемъ передъ собою, какъ нѣкоторый примѣръ для

сравненія, страны, гдѣ въ настоящее время обитаютъ народности, похожія по образу своей жизни на народности исчезнувшія.

Разстоянія вполнѣ соотвѣтствуютъ времени; мы можемъ такъ же легко переноситься мысленно изъ страны въ страну, какъ изъ одного вѣка въ другой. Миклуха-Маклай, напримеръ, находилъ, можно сказать, въ очень отдаленномъ прошломъ, когда слушалъ въ Новой Гвинее разказы стариковъ, говорившихъ ему о той недавней порѣ, когда ихъ племя еще не знало огня и не умѣло добывать его искусственнымъ способомъ. Если случалось, что въ одной хижинѣ гасли всѣ угли, то приходилось идти и искать огня у сосѣдей. Не является ли также племя та-ола, скрывающееся въ чащахъ дѣвственныхъ лѣсовъ острова Целебеса, погруженнымъ въ глубокій мракъ древнѣйшихъ временъ? Кромѣ того, если многіе народы, и главнымъ образомъ тѣ, отъ которыхъ происходимъ мы, непрестанно прогрессировали, то, съ другой стороны, сколько, можетъ-быть, народностей и племенъ пошло вѣять и вернулось къ своимъ прежнимъ мрачнымъ пещерамъ, лишеннымъ воздуха и свѣта!*

Типъ современнаго папуаса изъ Новой Гвиней.

III.

Вліяніе на человѣка окружающей среды.— Пища и жилище первобытныхъ народовъ.

Англійскій историкъ Томасъ Бокль, перечисляя различныя условія внѣшней среды, которыя съ наибольшей силой должны были въ томъ или иномъ отношеніи вліять на измѣненіе человѣка въ первобытнѣйшій періодъ его жизни, первое мѣсто отводитъ климату, а послѣ него ставитъ пищу, почву и общее очертаніе страны. Однако такое раздѣленіе имѣетъ лишь относительное значеніе и должно измѣняться въ различныхъ странахъ. Если зимній холодъ, то-есть климатическое явленіе, оказываетъ наиболѣе рѣшающее вліяніе въ полярныхъ странахъ, то, съ другой стороны, образъ жизни, характеръ и нравы жителей пустынь или морского побережья опредѣляются преимущественно песками и океаномъ.

Многочисленныя условія среды, вліяющія на человѣка, столь разнообразны въ различныхъ странахъ свѣта, что степень ихъ вліянія на населеніе можетъ быть опредѣлена лишь въ общихъ чертахъ. Въ тропическомъ поясѣ мы видимъ полный контрастъ съ одной стороны между пустынями безъ воды и безъ растительности и

съ другой — между областями, гдѣ нѣтъ ни одного квадратнаго вершка почвы, не покрытаго растеніями. Жизнь кратковременна въ этомъ климатѣ, гдѣ знойныя жары смѣняются періодомъ сильныхъ дождей; жизнь здѣсь спѣшитъ достигнуть наивысшаго развитія, но за нею торопливо слѣдуетъ смерть. Въ тропическомъ поясѣ гигантскія деревья жадно вдыхаютъ своими листьями струи угольной кислоты и превращаютъ ее внутри своихъ клѣтокъ въ многочисленные ткани и зерна крахмала; ростъ бамбуковъ почти замѣтенъ на глазъ. Въ этомъ благодатномъ климатѣ, гдѣ воздухъ проникнутъ тепломъ и насыщенъ влагой, растенія, идущія въ пищу человѣка, растутъ въ громадномъ изобиліи. Во многихъ областяхъ тропическаго пояса человѣку достаточно встряхнуть одинъ разъ вѣтку дерева или вытащить изъ земли нѣсколько кореньевъ, чтобы добыть себѣ пищу на цѣлый день.

Сцена изъ жизни дикарей на островахъ Великаго океана. Изъ книги XVIII вѣка.

Здѣсь человѣкъ почти не испытываетъ нужды, и жизнь достается ему такъ легко, что онъ почти не дорожитъ ею; человѣку не приходится поддерживать себя и своихъ близкихъ своимъ трудомъ, такъ какъ природа сама даетъ все, что ему нужно, и человѣкъ относится здѣсь къ природѣ почти безразлично за то, что она такъ щедро предлагаетъ ему свои дары. Поэтому дикарь тропическихъ странъ и умираетъ безъ сожалѣнія и муки, и вскорѣ послѣ того, какъ онъ навсегда сомкнетъ свои вѣки, его уже позабываютъ. Подобно грозovýmъ тучамъ, проносятся надъ этими странами различныя заразныя болѣзни, уносящія сотни и тысячи жертвъ; иногда даже голодъ губитъ все населеніе страны, не сумѣвшее позаботиться о томъ, чтобы сохранить на черный день нѣкоторый запасъ тѣхъ даровъ природы, которыми она щедро надѣляетъ человѣка въ тропическихъ странахъ. Но что значитъ тамъ смерть одного человѣка или даже цѣлыхъ племенъ? Толпа дѣтей занимаетъ мѣста исчезнувшихъ; дѣти растутъ какъ трава на лугу, гдѣ только что

прошла коса. Мягкость климата, плодородіе почвы, роскошное развитіе жизни и быстрая смерть—все это въ равной степени даетъ возможность человѣку оставаться безпечнымъ и отдаваться прирожденной лѣни. Не осмѣливаясь бороться съ мощной природой, онъ лишь молча преклоняется передъ ея величіемъ. Силы природы здѣсь могущественны въ своихъ проявленіяхъ; бурная жизнь идетъ праильно въ своихъ чередованіяхъ, такъ что слабое существо не можетъ стать независимымъ и освободиться изъ-подъ ея власти. Человѣкъ постоянно чувствуетъ на себѣ могучую руку природы и вотъ почему онъ поклоняется здѣсь всѣмъ проявленіямъ физическихъ силъ: лучамъ солнца, которые палятъ и умерщвляютъ; тучамъ, изъ которыхъ каждый день гремитъ громъ и блещутъ молніи; темъ

Сцена изъ жизни самоѣдовъ на крайнемъ сѣверѣ.

ному лѣсу, скрывающему змѣй и дикихъ звѣрей,—однимъ словомъ, всему, что окружаетъ его и постоянно можетъ причинить гибель. Громадная работа, непрерывно происходящая вокругъ него, не даетъ человѣку работать самому; вслѣдствіе этого онъ самъ не умѣетъ разсуждать; но если онъ и доходитъ, какъ, напримѣръ, индусъ, до размышленія и созерцанія законовъ природы, и создаетъ свою философію, то въ этой философіи преобладаетъ такая же неподвижность и постоянство, какъ и въ тѣхъ законахъ природы, которые отражаются въ умѣ человѣка.

Тропическая природа, вслѣдствіе самаго своего богатства, не можетъ благоприятно вліять на развитіе человѣчества, и въ нѣкоторыхъ болотистыхъ или песчаныхъ мѣстностяхъ человѣка нѣтъ еще и теперь. Полярная природа, въ свою очередь, еще менѣе пригодна для жизни человѣка. Немногочисленные племена бродятъ въ этихъ пустынныхъ непривѣтливыхъ областяхъ, гдѣ они съ боль-

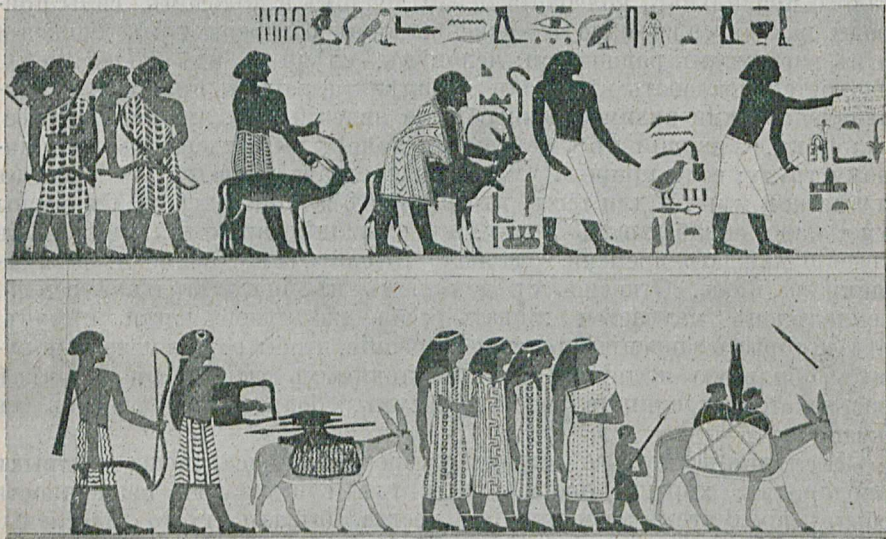
шимъ трудомъ борются съ холодомъ, отстаивая каждый день своего тяжелого существованія. Не имѣя возможности проникнуть внутрь острововъ и материковъ, вълѣдствіе громадныхъ ледниковъ и отсутствія растительности, эти племена строятъ свои бревенчатые или снѣговыя хижины на берегу океана. Сюда, по крайней мѣрѣ, вѣтры приносятъ хоть лѣтомъ струй теплаго воздуха, а южныя морскія теченія своимъ теплымъ дыханіемъ омываютъ холодные берега. Кромѣ того, когда море не взволновано бурей и поверхность его свободна отъ плавающихъ льдовъ, рыболовъ можетъ отправиться въ своей кожаной лодкѣ за тюленями и рыбой. Убивъ своимъ копьемъ неосторожныхъ животныхъ, человѣкъ возвращается въ темную нору, служащую ему жилищемъ, и здѣсь вмѣстѣ съ своей семьей поѣдаетъ пойманную добычу. Въ этой вонючей норѣ люди проводятъ, согрѣваясь огнемъ лампы, наполненной жиромъ, длинную полярную ночь. Солнце—этотъ очагъ земной жизни, не появляется въ полярномъ поясѣ въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ, и только сѣверное сіяніе, по временамъ замѣняющее его, разливаетъ свой блѣдный свѣтъ, настоящій призракъ дневного свѣта. Жизнь людей бываетъ трудна во время долгой и мрачной зимы; голодъ часто свирѣпствуетъ среди этихъ племенъ, и бывали случаи, когда вымирали цѣлыя племена, не оставляя никакого слѣда послѣ себя. Какимъ же образомъ отразился на духовномъ мірѣ гренландцевъ, эскимосовъ, самоѣдовъ и камчадаловъ безотрадный климатъ полярныхъ странъ? По словамъ всѣхъ путешественниковъ, достаточно самаго простого удовольствія, чтобы обрадовать этихъ наивныхъ людей, живущихъ слишкомъ однообразной жизнью. Въ своей трудной борьбѣ за существованіе, они не выработали почти никакихъ духовныхъ стремленій, такъ какъ главная ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы прокормиться, а почва ихъ страны не поддается никакой обработкѣ, и климатъ слишкомъ суровъ, чтобы они могли воздѣлывать землю. Люди полярныхъ странъ привѣтливы и кротки, потому что въ ихъ снѣговой хижинѣ семья замѣняетъ имъ весь міръ. Они такъ привязаны къ своей родинѣ, что умираютъ, когда имъ приходится покинуть ее; ихъ возрѣнія такъ же однообразны, какъ и страна, въ которой они родились, и только тамъ они могутъ испытывать тихія радости и простыя удовольствія, за которыми они отдыхаютъ отъ утомительной работы.

Оба умѣренные пояса, и въ особенности умѣренный поясъ сѣвернаго полушарія, представляютъ тѣ части поверхности нашей планеты, климатъ которыхъ всего болѣе благопріятствовалъ развитію человѣческаго рода; и когда образованные народы Западной Европы или Сѣверной Америки гордо приписываютъ своимъ собственнымъ качествамъ громадные успѣхи, достигнутые ими, то они не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что они въ значительной мѣрѣ обязаны этимъ успѣхомъ благопріятному климату ихъ странъ.

Отличительнымъ характеромъ умѣреннаго пояса является правильная періодическая смѣна теплыхъ и холодныхъ временъ года. Въ то время, какъ около экватора стоитъ вѣчное лѣто, а въ полярномъ поясѣ сильный холодъ лишь на нѣсколько недѣль смѣняется тепломъ,—въ областяхъ, лежащихъ между этими двумя крайними поясами тепла и холода, времена года правильно слѣдуютъ другъ за другомъ, согласно движенію солнца по эклиптикѣ.

Народы умѣренныхъ климатическихъ поясовъ пользуются благотворными смѣнами тепла и холода. Въ этихъ областяхъ крайнія температуры бываютъ всегда отдѣлены другъ отъ друга большими промежутками времени—недѣлями и мѣсяцами, и вліяніе противоположныхъ температуръ сказывается не сразу, а постепенными переходами. Природа умѣренного пояса принимаетъ поочередно то радостный, то унылый видъ. Въ теплое время года Земля какъ-будто улыбается; она покрывается цвѣтами и зеленью; воздухъ наполняется благоуханіями и жадно поглощаетъ лучи тепла и свѣта, посылаемые солнцемъ. Зимой почти вся зелень увядаетъ, почва покрывается снѣгомъ, какъ бы для того, чтобы изолировать себя отъ наружнаго холоднаго воздуха и чтобы молча и постепенно под-

Переселеніе евреевъ въ Египетъ около 1895 г. до Р. Х. Этотъ рисунокъ былъ найденъ на стѣнѣ одной гробницы у Бени Хассана въ Среднемъ Египтѣ.

готовить въ себѣ зачатки той жизни, которая расцвѣтетъ, когда наступитъ весна.

Такая періодическая смѣна временъ года не сопровождается настолько рѣзкими перемѣнами, чтобы отъ этого страдалъ организмъ человѣка, если только болѣзнь не успѣла ослабить его. Въ теченіе одного года человѣкъ испытываетъ самые различные климаты, наблюдаетъ постоянное обновленіе природы и видитъ поочередно вокругъ себя картины тропической и полярной жизни. Эта смѣна пейзажа имѣетъ то же значеніе для его тѣла и ума, что и переѣзды на нѣсколько сотъ миль: въ теченіе года человѣкъ въ умѣренныхъ поясахъ какъ бы постоянно путешествуетъ отъ полюса къ тропикамъ. Природа представляется ему въ полной красѣ, свойственной всѣмъ климатамъ, и лишь изрѣдка показывается передъ нимъ въ грозныхъ явленіяхъ, какія часто происходятъ подъ экваторомъ или у полюса. Жители странъ съ ровнымъ климатомъ сами отличаются правильностью въ своихъ дѣйствіяхъ и привычкахъ, ко-

торья легко могут перейти въ обычай. Наоборотъ, народы тѣхъ странъ умѣреннаго пояса, въ которыхъ смѣны временъ года сопровождаются слишкомъ рѣзкими контрастами, обладаютъ неустойчивостью характера и страстными порывами. Таковы, по словамъ Бокля, португальцы и испанцы, которыхъ страшный лѣтній зной заставляетъ бросать полевые работы, а на другомъ концѣ Европы—шведы и норвежцы, которыхъ зимній холодъ вынуждаетъ запереться въ своихъ жилищахъ.¹⁾

Благодаря разнообразію климатическихъ условій и равномерному чередованію ихъ, умѣренный поясъ сталъ наиболѣе населенной областью. Жизнь человѣка въ этихъ странахъ развивается лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Дѣятельность природы совершается здѣсь достаточно энергично и вмѣстѣ съ тѣмъ равномерно. Вслѣдствіе такого правильнаго колебанія между тепломъ и холодомъ, силы природы находятся въ одно и то же время въ непрерывномъ движеніи и въ извѣстномъ равновѣсіи; человѣкъ, слѣдя за ихъ колебаніемъ, научается познавать вѣчные и неизмѣнные законы природы, и обусловленное ими видимое разнообразіе явленій. Но, что еще важнѣе, человѣкъ, живущій въ умѣренномъ поясѣ, вынужденъ къ постоянному труду; если природа умѣренныхъ странъ и щедра, то лишь въ извѣстной мѣрѣ и для тѣхъ, кто изучаетъ и понимаетъ ее. Съ весны уже надо обрабатывать почву, въ ожиданіи прихода зимы, и въ теченіе каждаго времени года надо готовиться ко времени, слѣдующему за нимъ. Относясь съ довѣріемъ къ благотѣльной землѣ, земледѣлецъ научается лишать себя извѣстной части сѣмянъ, отъ которыхъ зависитъ его существованіе, чтобы со временемъ получить обильную жатву. Путемъ постоянныхъ усилій въ человѣкѣ развивается проницательность, разумъ, бодрость и любовь къ жизни.

Вслѣдствіе этого всѣ страны умѣреннаго пояса, почва которыхъ плодородна, хорошо орошается и гдѣ существуетъ возможность сбыта продуктовъ земледѣлія, всегда бывали густо населены, несмотря на войны, истребленія и набѣги. На пространствѣ въ 3300 километровъ шириною, между 25 и 55 градусами сѣверной широты, составляющемъ менѣе одной трети всей поверхности суши, живетъ двѣ трети населенія всего земного шара, при чемъ численность обитателей въ этой области возрастаетъ здѣсь постоянно съ большей быстротой, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Азіи, именно въ средней части умѣренныхъ странъ, находится богатый «Срединный цвѣтокъ», — Китай, заключающій въ себѣ болѣе четверти всего человѣческаго рода. На другой оконечности Старого Свѣта, въ средней части того же пояса, въ Бельгіи, Англіи и въ Сѣверной Франціи плотность населенія всего гуще. Въ Бельгіи приходится на каждую десятину земли почти по три человѣка, то-есть, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ больше, чѣмъ въ остальной части Европейскаго материка. Плотность населенія Греціи, представляющей одну изъ наименѣе населенныхъ странъ умѣренной Европы, все-таки втрое превосходитъ среднюю плотность населенія всей суши вообще.

Такимъ образомъ, хотя человѣчество и появилось впервые на Землѣ въ теплыхъ странахъ тропическаго пояса, но главнымъ мѣс-

¹⁾ Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи.

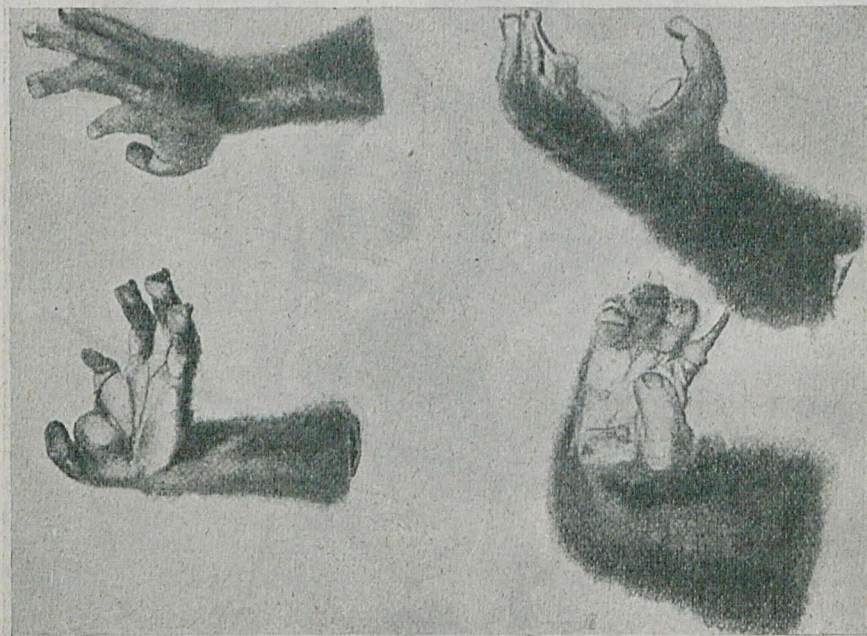
Первобытные охотники. Съ картины Кормона въ Парижѣ.

томъ своего пребыванія оно избрало болѣе умѣренныя страны, постепенно заселяя всѣ благопріятныя для жизни области. Что же заставляло первобытнаго человѣка покидать родину и переселяться въ невѣдомыя страны? Въ большинствѣ случаевъ, переселенія племенъ вызывались, какъ и переселенія въ мірѣ животныхъ, поисками за пищей. Когда въ данной мѣстности населеніе возрастало, а стѣдобныхъ продуктовъ становилось мало, тогда часть племени или даже все племя отправлялось на поиски новой «обѣтованной»

земли, гдѣ естественныя произведенія природы могли бы обезпечить существованіе людей.

Какова же была пища первобытныхъ людей? Наблюденія надъ современными «первобытными» народами даютъ намъ на это достаточно подробный отвѣтъ. Пища некультурныхъ народовъ является различной въ зависимости отъ климата, отъ характера почвы и отъ развитія цивилизаціи. Первоначально жители теплыхъ странъ должны были ограничиваться плодами деревьевъ, зернами и зелеными побѣгами растений; добавленіемъ къ нимъ позднѣе стали являться дичь, рыба и другіе морскіе продукты, даваемые въ изобиліи моремъ; въ лѣсахъ первобытные люди научились ѣсть медъ и орѣхи.

Руки высшихъ видовъ обезьянъ.

Съ заселеніемъ континентальныхъ странъ умѣренного пояса, можетъ-быть, въ ледниковый періодъ, когда погибла большая часть растительности, люди научились употреблять въ пищу мясо убитыхъ четвероногихъ животныхъ.

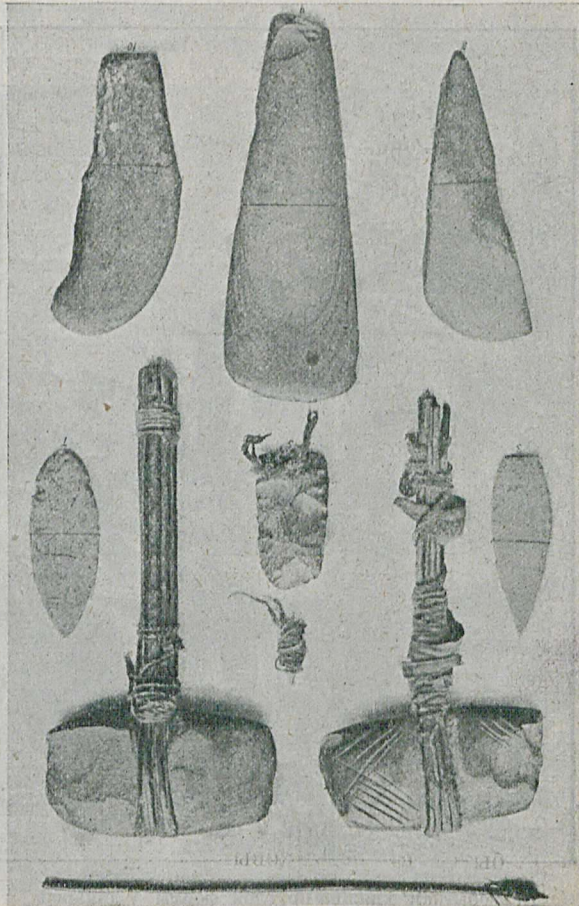
*Внѣшняя среда создаетъ условія питанія животныхъ, точно такъ же она обусловливаетъ и питаніе человѣка, и, въ зависимости отъ мѣста и времени, различія могутъ быть столь значительными, что та пища, которая для одного народа является самой любимой, у другого вызываетъ лишь отвращеніе. Одного монгола, служившаго проводникомъ Пржевальскому, тошнило при видѣ того, какъ путешественники ѣли жареную утку, между тѣмъ какъ самъ онъ спокойно и съ аппетитомъ ѣлъ даже не вымытыя кишки барана. Цѣлыя народности довольствуются зернами и плодами, тогда какъ другіе необходимо кровавое сырое мясо. Сколько еще народовъ въ различныхъ частяхъ земного шара пьютъ кровь другихъ людей, своихъ

враговъ? Это дѣлается или просто изъ жестокости и воинственнаго увлеченія, либо вслѣдствіе какого-нибудь религіознаго или національнаго предразсудка, или, наконецъ, вслѣдствіе постоянныхъ голодовокъ, которыя и превратили человѣка въ хищное животное.

Вѣроятно, уже въ началѣ магдалэнскаго періода человѣкъ познакомился съ хлѣбными злаками, такъ какъ изображенія колосевъ нашли вырѣзанными на камняхъ въ пещерахъ, относящихся къ этой эпохѣ. Виноградная лоза также росла въ Западной Европѣ, изображенія ея находятъ на украшенияхъ, относящихся къ бронзовому вѣку. Въ эту эпоху обитатели Италіи уже пили настоящее виноградное вино, употребленіе котораго распространилось затѣмъ и въ другихъ странахъ. Въ тѣ доисторическія времена, въ періодъ свайныхъ построекъ, обитатели средней Европы уже умѣли готовить опьяняющій напитокъ изъ перебродившаго сока малины и ежевики ¹⁾. Эти напитки, какъ и вино, позволяли человѣку временно забываться и уйти отъ суровой дѣйствительности. Употребленіе этихъ одуряющихъ напитковъ составляло часть религіознаго культа и опьяняющіе напитки считались «даромъ» боговъ.

Пока люди, подобно своимъ сородичамъ, обезьянамъ, располагали лишь естественнымъ оружіемъ—мышцами, ногтями и зубами, къ которымъ они иногда добавляли при случаѣ оторванную отъ дерева вѣтку или отломанный отъ скалы камень,—они должны были вести жизнь, главнымъ образомъ, на деревьяхъ или, по крайней мѣрѣ, оставаться обитателями лѣса, дававшего имъ защиту противъ дикихъ звѣрей; пища ихъ должна была состоять изъ ягодъ, корней и плодовъ. Но, затѣмъ, по прошествіи длиннаго

Каменные топоры первобытныхъ людей.

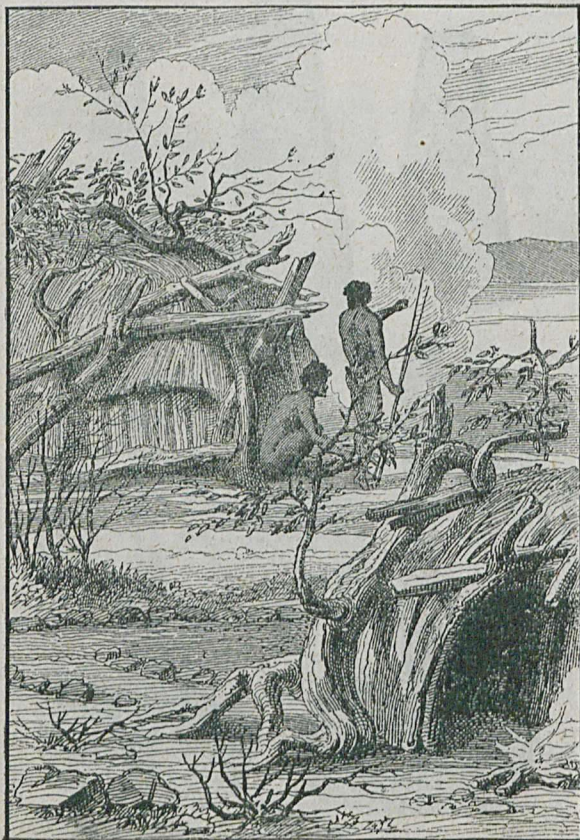
¹⁾ G. Mortillet. Les boissons fermentées.

ряда вѣковъ, изъ которыхъ каждый приносилъ съ собою запасъ новыхъ свѣдѣнй, основанныхъ на опытѣ, долженъ былъ появиться какой-нибудь первобытный Архимедъ, который научился различать заостренный по краямъ, рѣзущй кремь отъ тупого безформеннаго камня. Съ этого времени силы человѣка сравнялись съ силами дикихъ звѣрей, и онъ могъ спуститься съ своихъ высокихъ древесныхъ жилищъ и вступить въ бой съ хищниками на ихъ собственной почвѣ, вооруженный равнымъ оружіемъ; ихъ когтямъ и

зубамъ онъ могъ противопоставить каменный топоръ. Ему не было болѣе надобности спасаться отъ нихъ бѣгствомъ, онъ могъ съ ними бороться, и потому всѣ его привычки, его нравы и вся его жизнь должны были сильно измѣниться.

Эта перемѣна образа жизни выразилась, главнымъ образомъ, въ томъ, что человѣкъ началъ строить жилище на землѣ. Въ тропическихъ странахъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, протекло первое дѣтство человечества, густыя заросли кустарниковъ, вѣроятно, послужили первымъ жилищемъ человѣка на землѣ. Въ такихъ уголкахъ можно простымъ способомъ увеличить удобства, предоставляемые природой, достаточно, на примѣръ, связать вер- хушками нѣсколько

Первобытная хижина круглой формы у дикарей на островахъ Великаго океана.

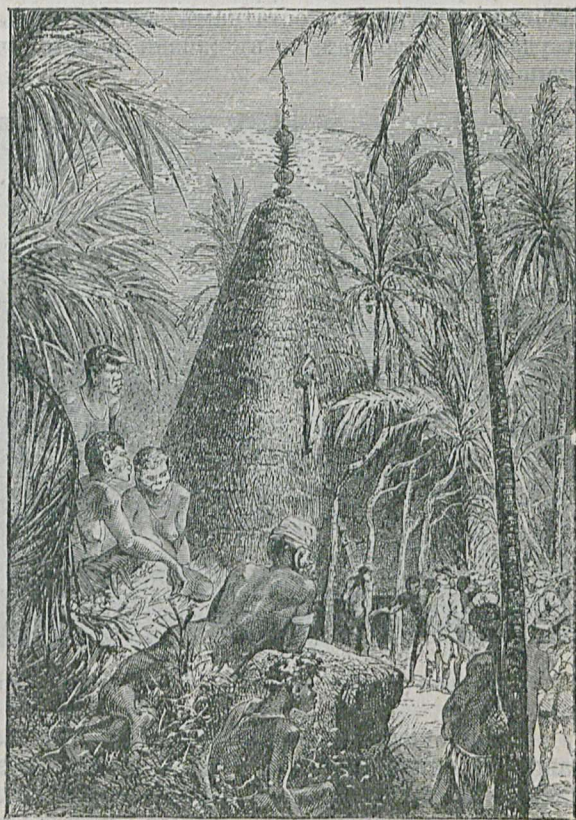
тонкихъ кустовъ или молодыхъ деревьевъ, чтобы образовалось нѣчто въ родѣ остроконечнаго шалаша; если переплести эти стволы вѣтвями, то такимъ способомъ у хижины получатся стѣны.^{*)} Переходъ отсюда къ болѣе сложнымъ постройкамъ не труденъ: стволы деревьевъ, поставленные рядомъ или положенные одинъ на другой, образуютъ стѣны, перекладины изъ нихъ и плетенки разгораживаютъ жилище на комнаты; листья, положенныя толстымъ слоемъ, образуютъ кровлю, а колючій кустарникъ, расположенный кругомъ около жи-

*) Viollet le Duc. Histoire de l'habitation humaine, p. 67.

лица, защищаетъ обитателя шалаша отъ нападенія хищныхъ звѣрей и враговъ. Таково было начало хижины, измѣнявшейся въ своихъ относительныхъ размѣрахъ и въ деталяхъ своей архитектуры, сообразно съ природой и мѣстной растительностью. Двѣ основныя формы первобытныхъ построекъ—кругъ и четырехугольникъ—зависятъ, само собою разумѣется, отъ матеріала, находящагося въ распоряженіи строителя, и отъ работы, потребной для того, чтобы придать ту или иную форму жилищу. Чаще всего у дикихъ народовъ примѣняется круглая форма; эта форма жилища заимствована людьми

у животныхъ,—такой формы хижины бобровъ, муравейники, гнѣзда птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ. Позднѣе, когда строительное искусство достигаетъ довольно большаго развитія, такъ что человѣкъ можетъ придавать своимъ хижинамъ любую форму, консервативный духъ и традиціи нерѣдко удерживаютъ въ теченіе многихъ вѣковъ одни и тѣ же типы жилищъ, которые передаются по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такимъ образомъ даже въ настоящее время Африка дѣлится на двѣ части по отношенію къ типу жилищъ: въ одной части мы встрѣчаемъ округлыя хижины, а въ другой—четыреугольныя.

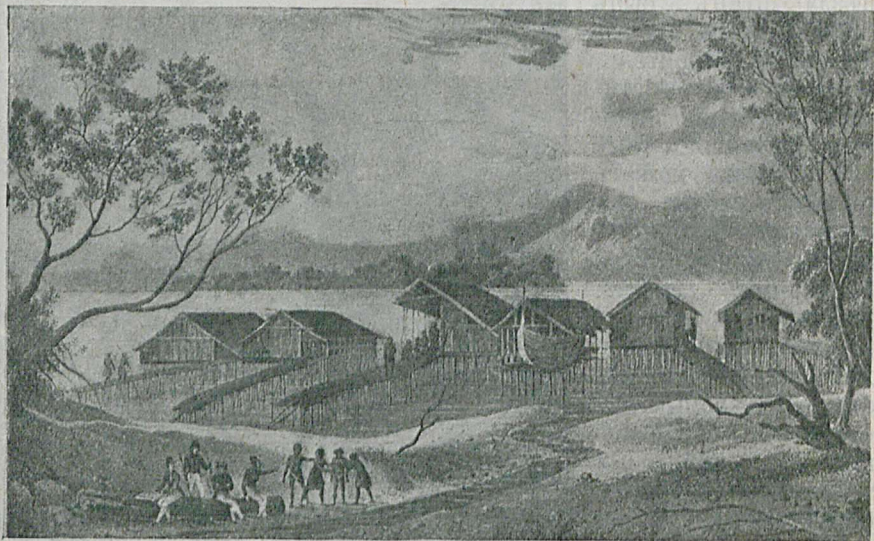
Круглая остроконечная хижина негровъ пле-
менъ въ Африкѣ.

Кромѣ лѣсовъ и кустарныхъ зарослей, природа предоставляетъ человѣку, въ качествѣ убѣжища, также многочисленныя пещеры. Для человѣка, какъ и для животнаго, пещера, образовавшаяся благодаря размыванію горныхъ породъ проточной водою, является вполне естественнымъ пріютомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ почва и горы состоятъ изъ известняковыхъ породъ, пещеры и подземные гроты довольно многочисленны, такъ что все первобытное населеніе такихъ областей вело пещерный образъ жизни. Обитатели подобныхъ мѣстностей приспособляли пещеры общими усиліями для своихъ нуждъ: закрывали входы въ нихъ большими камнями, выравнивали полъ и сглаживали выступы

спускавшіеся съ потолка. Нѣкоторыя изъ такихъ подземныхъ жилищъ образуютъ цѣлые города, такъ какъ галлерей ихъ расходятся въ разныя стороны на большое пространство. Многолюдныя общины могли находить въ нихъ убѣжище вмѣстѣ со своими стадами; тамъ жители могли не бояться осады, особенно въ томъ случаѣ, если у пещеръ было много выходовъ, незнакомыхъ врагамъ.

Во многихъ такихъ доисторическихъ жилищахъ человѣка подъ известковыми отложеніями археологи находили многочисленные остатки различныхъ орудій, костей, обугленного дерева и т. п. Благодаря этимъ-то остаткамъ, найденнымъ въ пещерахъ, ученымъ и удалось разбраться въ жизни доисторическихъ временъ и восстановить ее ¹⁾.

Жизины четырехугольной формы на сваяхъ у дикарей Новой Гвиней.

По прошествіи первыхъ вѣковъ дѣтства человѣчества предки наши, съ одной стороны, подъ вліяніемъ возникшаго у нихъ стремленія къ искусству, съ другой—подъ давленіемъ необходимости, научились видоизмѣнять форму своихъ первобытныхъ жилищъ. Еще задолго до наступленія историческихъ временъ человѣкъ умѣлъ уже воздвигать строенія, сильно различавшіяся между собою въ зависимости отъ матеріаловъ, которые ему предоставляла окружающая природа. Съ того самаго времени, какъ онъ сталъ употреблять орудія изъ камня и научился вить веревки, онъ могъ уже, когда было нужно, отпиливать вѣтви деревьевъ, вырывать стволы съ корнемъ; затѣмъ онъ научился помѣщать одинъ стволъ на другой и складывать такимъ образомъ стѣны, покрывать ихъ крышей, снабжать свой домъ дверями и окнами. Такимъ способомъ возникали, напримѣръ, избы сарматовъ, совершенно подобныя тѣмъ избушкамъ, въ которыхъ живутъ теперь русскіе крестьяне.

1) Julien Fraipont. Les cavernes et leurs habitants.

Далѣе, когда различныя племена научились существовать за счетъ домашнихъ животныхъ, они получили возможность пользоваться шкурами этихъ животныхъ и стали устраивать изъ нихъ палатки, защищающія отъ солнца. Позднѣе племена, открывшія способы тканья матерій, стали дѣлать такія же палатки изъ этихъ послѣднихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ люди узнали свойство глины дѣлаться твердой подъ вліяніемъ огня и научились готовить кирпичи и складывать изъ нихъ стѣны зданій. Наконецъ изъ всѣхъ этихъ различныхъ формъ жилищъ возникали смѣшанные способы постройки, которые получили нѣкоторыя оригинальныя черты, сообразно съ мѣстными условіями, такъ какъ человѣкъ, даже переселяясь въ новую страну, всегда удерживалъ въ памяти внѣшній видъ прежнихъ жилищъ и старался построить жилище такого же рода.

IV.

Вліяніе на человѣчество земного рельефа.—Плоскогорья, горы, холмы и равнины.

Различіе въ строеніи земной поверхности, вмѣстѣ съ разнообразіемъ климатовъ, вызвало многообразіе въ исторіи человѣчества. Народы, населяющіе горныя области, плоскогорья или равнины, имѣютъ различную исторію, и это различіе зависитъ во многомъ отъ строенія рельефа данной страны. Обширныя плоскогорья имѣютъ наибольшее значеніе въ исторіи человѣчества. Возвышаясь среди равнинъ, съ особенной системою горъ, рѣкъ и озеръ, со своей собственной флорой и фауной, съ особымъ климатомъ, всегда болѣе холоднымъ, чѣмъ климатъ прилегающихъ низменностей,—плоскогорья представляютъ для народовъ наиболѣе трудныя преграды для переходовъ. Великіе океаны, бывшіе нѣкогда непроходимыми, въ настоящее время легко переплываются на судахъ, а въ странахъ, лежащихъ на противоположныхъ берегахъ моря, поселяются народы одного и того же происхожденія, все болѣе и болѣе сближающіеся между собою, благодаря путешествіямъ и торговымъ сношеніямъ. Плоскогорья же холодныхъ или умѣренныхъ странъ не только служатъ границами между народами, но многія изъ нихъ, кромѣ того, сами представляютъ незаселенныя пустыни съ бесплодною почвою и съ суровымъ климатомъ. Плоскогорья жаркаго пояса, по большей части, представляютъ также пустыни, вслѣдствіе сухости воздуха и почвы, или же благодаря покрывающимъ ихъ мощнымъ солончакамъ; но нѣкоторыя плоскогорья тропическаго пояса представляютъ иногда страны, наиболѣе благопріятныя для развитія человѣчества. Эти плоскогорья, подобно обширнымъ висячимъ садамъ, поднятымъ на 1000, 2000 и 2500 метровъ высоты, на мраморныхъ или гранитныхъ пьедесталахъ, являются какъ бы участками умѣреннаго пояса, съ его климатомъ и произведеніями природы. Такъ, плоскогорье Эіопіи, населенное народомъ, который отличается отъ всѣхъ другихъ африканскихъ племенъ по уму и храбрости, возвышается, какъ громадная цитадель, между пустынями запада, болотистыми равнинами сѣвера и юга и знойными берегами Краснаго моря. То же самое мы видимъ и въ Америкѣ. Перуанскія плоскогорья, населенныя нѣкогда инками; возвышенности Новой Гренады, гдѣ обитали нѣкогда муиски; «альтосы»

Гватемалы и Анагуакъ—являются почти единственными странами Новаго Свѣта, гдѣ развились своеобразныя цивилизаціи, какъ цвѣты, которые могли распуститься только на такой почвѣ.

Такимъ образомъ, соотвѣтственно широтамъ и очертанію окружающихъ странъ, плоскогорья оказываютъ благопріятное или неблагопріятное вліяніе на судьбы человѣчества. Одни плоскогорья, какъ, напримѣръ, Гоби, необитаемы, вслѣдствіе рѣдкаго выпаденія дождей; населеніе другихъ очень рѣдко, потому что сильныя ливни наводняютъ всѣ низины и превращаютъ ихъ въ нездоровыя болота.

Горы являются, въ свою очередь, однимъ изъ тѣхъ элементовъ внѣшней среды земной поверхности, которые всей совокупностью своихъ физическихъ условій сильнѣе всего придаютъ особый характеръ обитателямъ и болѣе всего вліяютъ на выработку своеобразныхъ нравовъ и привычекъ, иногда крайне оригинальныхъ и своеобразныхъ. Поднимаясь стѣной надъ равниной, горы представляютъ рѣзкій контрастъ со степями и пустынями. Въ горахъ весь міръ кажется ограниченнымъ ихъ крутыми склонами, и, дѣйствительно, границы, образуемыя стѣною горъ, бываютъ рѣзки. Населеніе жметъ у подошвы горы и здѣсь оно многочисленно, подвижно, полно жизни, какъ волны озера, блещущаго у подножія утесовъ. Выше, въ горахъ начинаются крутя, обрывистыя скалы и голыя каменистыя пространства,—ихъ избѣгаетъ человѣкъ.

Но все же иногда чрезмѣрная населенность равнины заставляетъ людей, въ поискахъ за средствами къ существованію, проникать въ ущелья горъ и заселять области, которыя на первый взглядъ кажутся недоступными, но въ дѣйствительности вполне благопріятны для жизни людей. Въ горныхъ странахъ мы нерѣдко находимъ пространства, долины, замкнутыя и окруженныя высокими стѣнами горъ; это совершенно особые міры, иногда достаточно обширные и настолько богатые природными благами, что позволяютъ существовать обширному населенію; благодаря своей обособленности, такія мѣстности могутъ явиться колыбелью новой, своеобразной цивилизаціи. Иногда долины рѣкъ, окруженныя великолѣпнымъ амфитеатромъ снѣжныхъ горъ, снабжающихъ долину въ изобиліи водою, являются роскошными садами; такова чудная долина Кашмира, покрытая огромными озерами.

Но если складки горъ и заключаютъ иногда обширныя и удобныя для обитанія человѣка мѣстности, то въ большинствѣ случаевъ жителямъ горъ приходится все-таки довольствоваться узкими долинами, окруженными скалами и голыми утесами. Сообщеніе такихъ естественныхъ темницъ съ остальнымъ міромъ совершается лишь съ большимъ трудомъ. Горные проходы бываютъ настолько затруднительны, что въ Альпахъ южной Франціи имъ даютъ названіе «клузовъ», свидѣтельствуя этимъ, что это настоящіе запоры, замыкающіе горную долину отъ внѣшняго міра. Каждая такая замкнутая долина населена маленькой, затерянной въ горахъ, группой людей, представляющей какъ бы отдѣльное человѣчество. Принужденныя полагаться лишь на свои собственныя силы, изолированныя общины этихъ замкнутыхъ долинъ не могутъ, само собою разумѣется, быть носителями столь же сложной цивилизаціи, какъ обитатели просторныхъ низменныхъ равнинъ; имъ

приходится [придерживаться первобытной техники, заниматься воздѣлываніемъ своихъ крохотныхъ клочковъ пахотной земли, уходомъ за стадами и охотой на горныхъ животныхъ.

Всѣ мы—путешественники, посѣщающіе горы временно, во время лучшаго сезона, не можемъ представить себѣ, какова была на самомъ дѣлѣ жизнь первобытныхъ обитателей горъ и какова жизнь теперешняго населенія, замкнутаго въ горныхъ долинахъ, которыя лѣтомъ такъ живописны и привлекательны. Въ настоящее время насъ доставляютъ въ эти замкнутые мірки желѣзныя дороги, насквозь пронизывающія горные хребты. Уставъ отъ обыденныхъ занятій нашей жизни, истощенные тѣломъ и душою, мы, попавъ въ горы, наслаждаемся тамъ чистымъ горнымъ воздухомъ, ароматомъ травъ и чудными альпійскими цвѣтами. Среди величественныхъ горныхъ вершинъ намъ все кажется прекраснымъ; не то скажутъ, однако, мѣстные жители,—они хорошо знаютъ, какъ тяжело жить въ горныхъ тѣснинахъ. Подобно полярнымъ странамъ, многія долины Альпъ совершенно не видятъ солнца въ теченіе нѣкоторой части года, и въ зимніе дни тамъ нѣтъ прямого и яркаго свѣта, а замѣчается лишь нѣкоторое ослабленіе ночной тьмы, и только вдали, за высокими хребтами, распространяется отблескъ дневного свѣтила.

Какая радость для жителей горныхъ ущелій, живущихъ всю зиму во тьмѣ, когда весною покажется, наконецъ, изъ-за горъ сначала краешекъ лучезарнаго свѣтила, а затѣмъ и весь его дискъ, и оно загорается на небосклонѣ. Во многихъ мѣстахъ Альпъ появленіе солнца встрѣчается съ особеннымъ торжествомъ. Еще недавно въ долинѣ Годмаръ, въ Альпахъ, жители собирались въ концѣ лѣта на мосту, переброшенномъ черезъ рѣку, чтобы проводить солнце, а затѣмъ, черезъ сто два дня, въ началѣ февраля выходили снова встрѣчать его, и когда солнце показывалось изъ-за горы, жители подносили ему круглую лепешку изъ яиць, которая служила какъ бы грубымъ символомъ, напоминавшимъ солнце по цвѣту и формѣ; этимъ даромъ жители старались какъ бы расположить къ себѣ солнце и заставить его позаботиться о скудныхъ продуктахъ земледѣлія возрастающихъ на безплодной почвѣ.

Отсутствіе свѣта въ горныхъ долинахъ дѣлаетъ мѣстность нездоровою: человѣкъ плохо развивается на днѣ вѣчно мрачныхъ и сырыхъ ущелій; его суставы сводитъ, онъ дѣлается рахитичнымъ, нерѣдко зобатымъ, иногда даже кретиномъ. Населеніе въ Гималаяхъ, Пиренеяхъ, на Кавказѣ и въ Андахъ является, въ большинствѣ случаевъ, чахлымъ и больнымъ. Ослабленіе солнечнаго свѣта и тепла влечетъ за собою, несомнѣнно, соответственное уменьшеніе полноты душевной жизни и умаленіе свободы духа.

Обыкновенно хвалятъ храбрость жителей горъ, и это качество ихъ является опять-таки слѣдствіемъ окружающей среды и ихъ образа жизни. Сохраняя въ своихъ владѣніяхъ свободу и независимость, благодаря стѣнѣ горъ, которая ихъ защищаетъ, обитатели горныхъ долинъ вполнѣ естественно считаютъ, что преимущества, доставляемые окружающей природой, зависятъ отъ ихъ собственныхъ высокихъ качествъ. Они признаютъ людей, живущихъ на равнинѣ, за существа болѣе низкія, чѣмъ они сами. Но обитатели горъ—храбрые защитники своей страны при нападеніи, въ то же время

очень слабы какъ нападающіе. Они никогда не являются серьезными завоевателями. Глаза горцевъ, привыкшіе вглядываться съ высоты горъ въ долину и уже издали различать прячущееся въ разсѣлинѣ скалъ животное, смотрятъ гордыми и пропичательнымъ взглядомъ. Въ чертахъ многихъ горныхъ жителей, живущихъ въ благопріятныхъ условіяхъ, видны отвага и смѣлость; ровной и спокойной походкой, увѣреннымъ шагомъ взбираются горцы на крутыя скалы и смѣло перепрыгиваютъ черезъ трещины ледниковъ, преслѣдуя серну, каменнаго барана или вигоня. Они отличаются храбростью, но въ то же время они миролюбивы, какъ и живущія съ ними животныя: собаки, коровы и ослы. Горцы вынуждены упорнымъ трудомъ поддерживать свое существованіе; во многихъ мѣстахъ имъ приходится сѣять хлѣбъ на такихъ крутизнахъ, гдѣ невозможно пользоваться даже рабочимъ скотомъ. Часто имъ приходится на своихъ плечахъ поднимать на горы плодородную почву, смытую съ ихъ полей горными потоками или лавиной. Но при всемъ этомъ горные жители сильно привязаны къ своей родинѣ и только горькая нужда можетъ заставить горца навсегда покинуть ее. Эта привязанность къ родной землѣ является единственной причиной того, что народы Кавказа, Альпъ или Пиренеевъ, столь храбрые, когда дѣло идетъ о защитѣ своей родины, никогда не совершали прочныхъ завоеваній въ сосѣднихъ странахъ. Послѣ каждой побѣды они возвращались въ свои родныя долины а въ это время побѣжденные жители равнины вновь образовывали могучіе союзы. Народами-завоевателями являлись преимущественно тѣ племена, которыя обитали на ровныхъ плоскогорьяхъ или на низменныхъ равнинахъ.

По сравненію съ горами и съ замкнутыми долинами степныя и луговныя равнины, съ ихъ плоской поверхностью, съ ихъ рѣками и болотами являются мѣстностями съ неограниченнымъ горизонтомъ: они тянутся въ безконечную даль, какъ море, и въ степи, подобно тому, какъ на морѣ можно убѣдиться въ округлости нашей планеты по формамъ предметовъ, вырисовывающихся на краю горизонта.

Нигдѣ человѣкъ не испытываетъ такого увлеченія пространствомъ, какъ на этихъ безграничныхъ равнинахъ травянистыхъ степей, описанныхъ съ такою любовью Гоголемъ и Тургеневымъ и воспѣтыхъ съ такимъ энтузіазмомъ венгерскимъ поэтомъ Петеффи. Однородная сѣрая поверхность земли безъ выдающихся предметовъ, на которыхъ останавливался бы взоръ, допускаетъ свободный размахъ воображенія, и въ этомъ безграничномъ мірѣ, ничѣмъ не останавливающимъ полета мысли, человѣкъ можетъ вообразить себя столь же свободнымъ сыномъ воздуха и свѣта, какъ антилопа или степная птица.

Обитатели степи свободны идти, куда имъ захочется, но, тѣмъ не менѣе, они не бродятъ по степному приволью безъ всякаго плана,—они руководствуются особенностями мѣстности и обиліемъ травы; въ то же время они любятъ группироваться семьями и племенами,—необходимость взаимной помощи и естественное влеченіе человѣка къ человѣку являются здѣсь основой образованія общественныхъ группъ, подобныхъ стадамъ тѣхъ травоядныхъ животныхъ, которыя сдѣлались спутниками человѣка. Однако источ-

ники пищи могутъ изсякнуть, трава, сѣдненная скотомъ, не вырастаетъ и степные звѣри разбѣгаются отъ присутствія человѣка; все это заставляетъ жителей равнинъ переселяться въ тѣ области степи, которыя расположены въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, мало-по-малу устанавливаются, такимъ образомъ, періодическія переселенія, регулируемыя временами года.

Жизнь на обширной и свободной равнинѣ, голой, лишенной древеснаго покрова и какого бы то было разнообразія ландшафтовъ, является, однако, монотонной и однообразной настолько, что обитатели степей не могутъ измѣняться и прогрессировать сколько-нибудь быстро подъ вліяніемъ окружающей среды. Если не происходитъ какихъ-либо сильныхъ потрясеній, причиняемыхъ набѣтами чужихъ племенъ, продолжительными засухами, пожарами степей или какими-либо другими событіями, которыя вынуждаютъ населеніе переселяться въ другія мѣстности, они остаются въ своихъ степяхъ, въ теченіе безконечнаго ряда вѣковъ, застывъ на одной и той же ступени цивилизаціи.

Земледѣльческія народности, живущія на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, находящіяся въ различныхъ условіяхъ,—въ одномъ мѣстѣ—въ долинахъ горъ, въ другомъ—на побережьяхъ озеръ или рѣкъ или на опушкѣ лѣсовъ,—не могутъ собираться вмѣстѣ и образовывать огромныя орды, какъ кочевники. Ихъ, къ тому же, удерживали бы мѣстные интересы и привязанности, извѣстный консервативный духъ, свойственный всѣмъ земледѣльческимъ общественнымъ группамъ. Другое дѣло—кочевыя пастушескія племена: эти племена объединены занятіемъ, нравами, образомъ жизни и самою окружающей природой; привыкнувъ странствовать по степямъ, они легко могутъ собраться въ большія массы (въ какомъ-нибудь одномъ уголкѣ степи).

Если такія области земного шара, какъ травянистыя степи, облегчаютъ перемѣщеніе человѣка и развиваютъ въ немъ инстинктивную страсть къ переселеніямъ, то, съ другой стороны, имѣются также и области Земли, которыя могутъ разсматриваться какъ настоящія темницы,—такъ ограничены въ нихъ владѣнія человѣка. Такой областью является дѣвственный лѣсъ, особенно тропическій. Непрерывный лѣсъ, безконечныя лѣсныя заросли на Амазонкѣ, въ Индіи или въ области рѣки Конго образуютъ на земной поверхности элементъ консервативный по преимуществу: племена живутъ въ нихъ безъ всякихъ сколько-нибудь значительныхъ перемѣтъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Они сохраняютъ здѣсь свой первобытный образъ жизни гораздо лучше, чѣмъ въ оазисахъ пустынь, въ горахъ или среди ледяныхъ пустынь сѣвера, такъ какъ окружающая среда вокругъ нихъ измѣняется лишь съ чрезвычайной медленностью, и въ теченіе длинныхъ вѣковъ они могутъ жить, совершенно не приходя въ соприкосновеніе съ другими людьми,—этому содѣйствуетъ окружающая ихъ лѣсная чаща и затруднительность путей, ведущихъ къ ихъ убѣжищамъ. Именно въ лѣсахъ приходится находить въ настоящее время племена, если не вполнѣ первобытныя, то все же наиболѣе дикія. Во многихъ мѣстностяхъ названіе «дикихъ» и «лѣсныхъ» людей являются полными синонимами.

Среди обитателей лѣсовъ встрѣчаются представители наиболѣе древнихъ типовъ, какъ по формѣ и строенію тѣла, такъ и по взглядамъ и понятіямъ. Карликовыя племена Африки и Остъ-Индіи сохранились исключительно въ наиболѣе густыхъ и непроходимыхъ лѣсахъ, и ихъ жизнь тѣснѣйшимъ образомъ привязана къ первобытному дѣвственному лѣсу. Какимъ способомъ можетъ измѣниться ихъ умственная жизнь въ этихъ мѣстностяхъ, куда не проникаютъ вовсе люди другого племени и другихъ взглядовъ?

Даже въ цивилизованной Европѣ, покрытой густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, дровосѣки, угольщики и смолокуры, живущіе въ дремучихъ лѣсахъ, являются постоянно самыми вѣрными хранителями старыхъ завѣтовъ, сказокъ и легендъ, давно позабытыхъ людьми, живущими на гладкихъ равнинахъ.

Говоря вообще, мы можемъ сказать, что странами, топографическій рельефъ которыхъ дѣйствуетъ наиболѣе благоприятно на развитіе людей, являются въ умѣренномъ поясѣ тѣ области, которыя обладаютъ волнистымъ рельефомъ. Ровныя долины, обильно орошаемыя рѣчками и рѣками, смѣняются здѣсь невысокими холмами; такія мѣстности, перерѣзанныя въ разныхъ направленіяхъ холмами и долинами, красивы; сообщеніе здѣсь легко и свободно, контрасты мягки и нѣтъ утомительнаго однообразія. Большая часть Франціи, Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки представляютъ именно такія условія, и въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ сравнительно быстрыхъ успѣховъ на пути цивилизаціи, достигнутыхъ населеніемъ этихъ странъ.

Что касается Франціи, то здѣсь естественная гармонія между Землей и Народомъ настолько поразительна, что, когда мы говоримъ о Туренѣ, Пуату, обѣ Овернѣ, Ламаршѣ и Лимузенѣ, Сентонжѣ и Перигорѣ, Ландахъ и Арманьякѣ, передъ нами въ одно и то же время рисуется и мѣстоположеніе этихъ странъ и образъ ихъ жителей. Это разнообразіе, этотъ контрастъ между различными провинціями содѣйствуетъ всего болѣе силѣ и процвѣтанію націи, если только такія противоположности не слишкомъ многочисленны и не вызываютъ обособленія и соперничества, и обитатели различныхъ провинцій могутъ слиться въ одну большую націю.

Каждой почвѣ свойственно свое особое племя. Гранитъ, известнякъ, песчаникъ, пески, бесплодныя глины, горныя склоны, болота и лѣса—всѣ оказываютъ разностороннее вліяніе на живущіе на нихъ народы, препятствуя излишнему однообразію въ развитіи ума и нравовъ земледѣльцевъ большихъ плодородныхъ равнинъ. Правда, земледѣліе—мать всѣхъ цивилизацій: землепашцы привязываются къ почвѣ, дающей пищу имъ и ихъ дѣтямъ; они ненавидятъ войну, которая, подобно бурѣ, опустошаетъ ихъ поля, сжигаетъ хижины и убиваетъ ихъ сыновей. Заимствуя у почвы свойства своего характера, они становятся настойчивыми, терпѣливыми и спокойными; отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе, они пассивно сопротивляются насилію и гнету, и ихъ постоянство, въ концѣ-концовъ, утомляетъ самую сильную власть и побуждаетъ самыхъ гордыхъ и могущественныхъ завоевателей. Эти стойкія качества наиболѣе необходимы для сплоченія людей въ одно цѣлое, для образованія сильной націи; но если бы земле-

дѣльцы равнинъ не приходили въ соприкосновеніе съ болѣе подвижными племенами горныхъ склоновъ, плоскогорій и приморскихъ областей, то нація земледѣльцевъ скоро остановилась бы въ своемъ развитіи и всякій прогрессъ ея, въ концѣ-концовъ, сдѣлался бы невозможенъ.

Земледѣльцы, придерживающіеся своихъ привычекъ и обычаевъ съ такой же правильностью, съ какой времена года совершаютъ свой годичный кругъ, прикрѣпленные, такъ сказать, къ почвѣ, находящіеся всецѣло «во власти земли», земледѣльцы имѣли бы въ такомъ случаѣ единственнымъ своимъ закономъ рутину, а своимъ идеаломъ—неподвижность, и стремились бы поэтому сохранить и поддержать уже отжившій порядокъ вещей.

V.

Вліяніе на челоѡка моря и рѣкъ.—Острова, болота и озера.—Путешествія и торгующіе народы.

Постоянное движеніе моря оказываетъ почти на всѣхъ людѣй странное, притягивающее дѣйствіе; несомнѣнно, это дѣйствіе много способствовало заселенію морскихъ береговъ. Въ особенности дикари, всегда повинующіеся инстинкту, легко уступаютъ этому обаянію морскихъ водъ. На островахъ Великаго океана, населенныхъ еще до и сихъ поръ дикими племенами народовъ, жители тѣснятся только по берегамъ, и ихъ деревни образуютъ вокругъ внутреннихъ горъ такой же правильный поясъ, какъ поясъ коралловыхъ рифовъ.

Но сколько народовъ, пришедшихъ изъ степей, спустившихся съ горъ или покинувшихъ родные лѣса, останавливалось на берегу моря въ полномъ безсиліи, объятые ужасомъ передъ безграничною ширью разстилающихся передъ ними водъ, передъ грознымъ роковымъ волнѣ, разбивающихся о берегъ! Море, которому позднѣе пришлось носить на себѣ побѣдившіе его корабли, было первоначально совершенно непреодолимой преградой для всѣхъ обитателей суши и порождало въ душахъ ихъ суевѣрный ужасъ.

Однако постепенно челоѡкъ привыкалъ къ морю и знакомился съ нимъ все ближе и ближе; онъ узналъ, сколько неисчислимыхъ богатствъ таитъ море въ своихъ нѣдрахъ,—познакомился съ этими богатствами ему приходилось во время отливовъ, когда между прибрежными камнями и въ мелкихъ заливахъ оставалось много рыбы и разныхъ морскихъ животныхъ. Охота за этими «плодами моря» должна была увлечь обитателей океаническаго побережья далеко за предѣлы полосы, подвергающейся приливамъ и отливамъ; точно такъ же молодое поколѣніе ихъ должно было стремиться въ море, влекомое каждой приключеній. Можно ли предположить, чтобы дѣти прибрежныхъ жителей могли избѣжать увлекательной борьбы съ морскими волнами? Ежедневно предъ ихъ глазами волны катятся длинными рядами, вздуваются все сильнѣе и сильнѣе при приближеніи къ берегу, на нихъ вырастаютъ острые гребни, увѣнчанные бѣлою пѣной, и затѣмъ они, послѣдовательно, съ шумомъ обрушиваются своей водною массой на берегъ. Это постоянное движеніе, этотъ шумъ прибоя опяняетъ юношу, полного силъ и жаждущаго борьбы, — онъ бросается въ волны, борется съ ними

и онѣ то поднимають его на свои гребни, то заставляють погружаться въ воду. Благодаря такимъ играмъ въ морскихъ волнахъ, играмъ, развивающимъ силу и ловкость, человѣкъ привязывается къ морю съ самого своего дѣтства и привыкаетъ плавать по немъ съ такою же легкостью и проворствомъ, какъ какое-нибудь морское животное. То, что путешественники рассказываютъ намъ объ обитателяхъ Каролинскихъ острововъ, о полинезійцахъ и другихъ островитянахъ, живущихъ въ теплыхъ водахъ тропическихъ морей, кажется поистинѣ удивительнымъ. Эти туземцы могутъ держаться на морскихъ волнахъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ, даже цѣлыхъ дней, и чувствуютъ себя на водѣ какъ въ своей родной стихіи.

Судоходство по морю должно было развиваться позднѣе плаванія, и первоначально морскія лодки были крайне примитивныя. Чернокожее племя батанга, обитающее на побережьѣ Африки между Камеруномъ и Габономъ, пользуется и сейчасъ челнами, вѣсящими не болѣе пятнадцати фунтовъ; такой челнъ человѣкъ, приставъ къ берегу, свободно беретъ подъ мышку; челнъ этотъ слегка вытянутъ въ длину и туземцы садятся на него верхомъ и дѣйствуютъ ногами, чтобы управлять имъ, сохранять равновѣсіе и предохранять его отъ наполненія водою. Европейцевъ положительно приводитъ въ изумленіе необычайный видъ, представляемый этими курьезными всадниками, скользящими на своихъ удивительныхъ лодкахъ, какъ насѣкомыя, бѣгущія по поверхности воды. Въ тѣхъ моряхъ, гдѣ дуютъ правильные вѣтры, чередуясь днемъ и ночью или смѣняясь по временамъ года, предприимчивые и отважные люди находили особенно много причинъ, побуждавшихъ ихъ пуститься въ море; точно такъ же влечетъ жителей въ море и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на горизонтѣ виднѣются острова: любопытство заставляетъ добраться до нихъ.

Море оказываетъ могущественное вліяніе на умственное развитіе сколько-нибудь цивилизованнаго прибрежнаго населенія и даже въ наше время побуждаетъ моряковъ къ новымъ открытіямъ. Всѣ наши преданія, всѣ литературныя произведенія, начиная съ Одиссеи, въ которой прославляется могущество «тысячеголосаго» Океана, говорятъ намъ о величіи моря; моряки, однако, совершенно иначе ощущаютъ это величіе. Имъ не приходится, какъ жителямъ суши, смотрѣть на море лишь съ эстетической точки зрѣнія,—они живутъ моремъ и благодаря морю; оно является ихъ кормильцемъ, ихъ другомъ, а случается, и злѣйшимъ врагомъ, лишающимъ ихъ жизни. Они любятъ море, обожаютъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуютъ себя всецѣло въ его власти, они какъ бы очарованы и въ то же время взирають съ нѣкоторымъ ужасомъ на его воды, такъ какъ многимъ изъ нихъ приходитъ на мысль при видѣ волнъ, что когда-нибудь имъ, можетъ-быть, придется оочить подъ холоднымъ покровомъ ихъ. Это-то постоянное предчувствіе и придаетъ морякамъ свойственную имъ серьезность,—въ ихъ спокойномъ взорѣ подмѣчается какъ бы отблескъ смерти, близость которой они постоянно чувствуютъ.

Подобно тому, какъ въ приморскихъ странахъ жители поселяются, главнымъ образомъ, на самомъ берегу моря, точно такъ же и внутри материковъ люди селятся преимущественно по берегамъ озеръ или вдоль рѣкъ и другихъ проточныхъ водъ, которыя китайцы

справедливо называютъ «сыновьями моря». Города, мѣстечки, дома и сады, воздѣланные поля и огороды тянутся непрерывной каймой по обоимъ берегамъ всѣхъ большихъ рѣкъ умѣренной Европы. Сену, Темзу, Рейну, Рону, Луару и другія рѣки часто называютъ длиннымидвигающимися улицами, соединяющими другъ съ другомъ части огромнаго города, который окаймляетъ ихъ отъ истоковъ до устья.

Вліяніе рѣкъ на исторію человѣчества настолько могущественно, что нѣкоторые мыслители, какъ, напримѣръ, Левъ Мечниковъ¹⁾, придаютъ имъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ развитія цивилизаціи народовъ. Дѣйствительно, какъ могла не отразиться на духовной жизни населенія большая рѣка, несущая вѣчно свои глубокія и широкія воды и отражающая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, многія поколѣнія людей. Она должна была казаться древнимъ людямъ вѣчной и незблемой, какъ само Провидѣніе, и притомъ благодаря своимъ ежегоднымъ разливамъ, своимъ бурнымъ волнамъ и подергивающей ее легкой ряби, она являлась безконечно разнообразной и измѣнчивой! Откуда берется этотъ могучій потокъ воды? Первобытные люди, жившіе на берегу рѣки, не могли себѣ составить объ

Негры рыбаки въ устьѣ Конго на своемъ узкомъ челнокѣ.

этомъ никакого представленія. Въ чемъ заключалась, напримѣръ, «тайна» Нила и тайна столькихъ другихъ рѣкъ, обитатели которыхъ не знали ихъ происхожденія и потому воображали, что эти рѣки вытекаютъ изъ урны какого-либо бога или что сами рѣки являются божествами?

Бѣгущая вода представляется человѣку живымъ существомъ. Курціусъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи доказываетъ, что греки, выйдя уже изъ первобытнаго состоянія, видѣли въ бѣгущихъ водахъ живыя, дѣятельныя существа, не лишеныя страстей, и принимающія близкое участіе въ жизни людей, живущихъ по ихъ берегамъ. Мы, современные цивилизованные люди, проводимъ всю свою жизнь въ безконечномъ множествѣ мелочныхъ занятій и получаемъ ежедневно огромное количество впечатлѣній, которыя уничтожаютъ одно другое. Вотъ почему мы не можемъ себѣ составить даже сколько-нибудь полнаго представленія о томъ влеченіи, о томъ могучемъ призывѣ въ даль, какое оказываетъ на человѣка видъ вѣчно текущей воды,—среди мертвой окружающей природы потокъ кажется

¹⁾ Левъ Мечниковъ. Великія историческія рѣки.

живымъ и одухотвореннымъ, онъ является въ то же время и носителемъ и распредѣлителемъ жизни!

По берегамъ рѣкъ, находящихся постоянно въ движеніи, — по берегамъ этихъ настоящихъ «движущихся дорогъ» — открытіе способъ передвиженія по водѣ было, такъ сказать, уже предначертано заранѣе: не достаточно ли было для открытія судоходства плывущаго ствола дерева, которое могло привлечь на себя вниманіе дикарей, плескавшихся у берега? Не пользовались ли также на глазахъ у людей такимъ естественнымъ средствомъ передвиженія водяныя птицы, иногда даже лѣсные животныя?

Точно такъ же, вѣроятно, нерѣдко человѣку приходилось совершать невольныя путешествія по водѣ, вслѣдствіе внезапнаго разлива рѣки, вода могла подхватить его на какомъ-либо случайно образовавшемся плоту и т. п. Быть-можетъ, въ другихъ случаяхъ человѣку удалось найти древесный стволъ, полый съ одной стороны, вслѣдствіе того, что дерево выгнило внутри; такой стволъ ока-

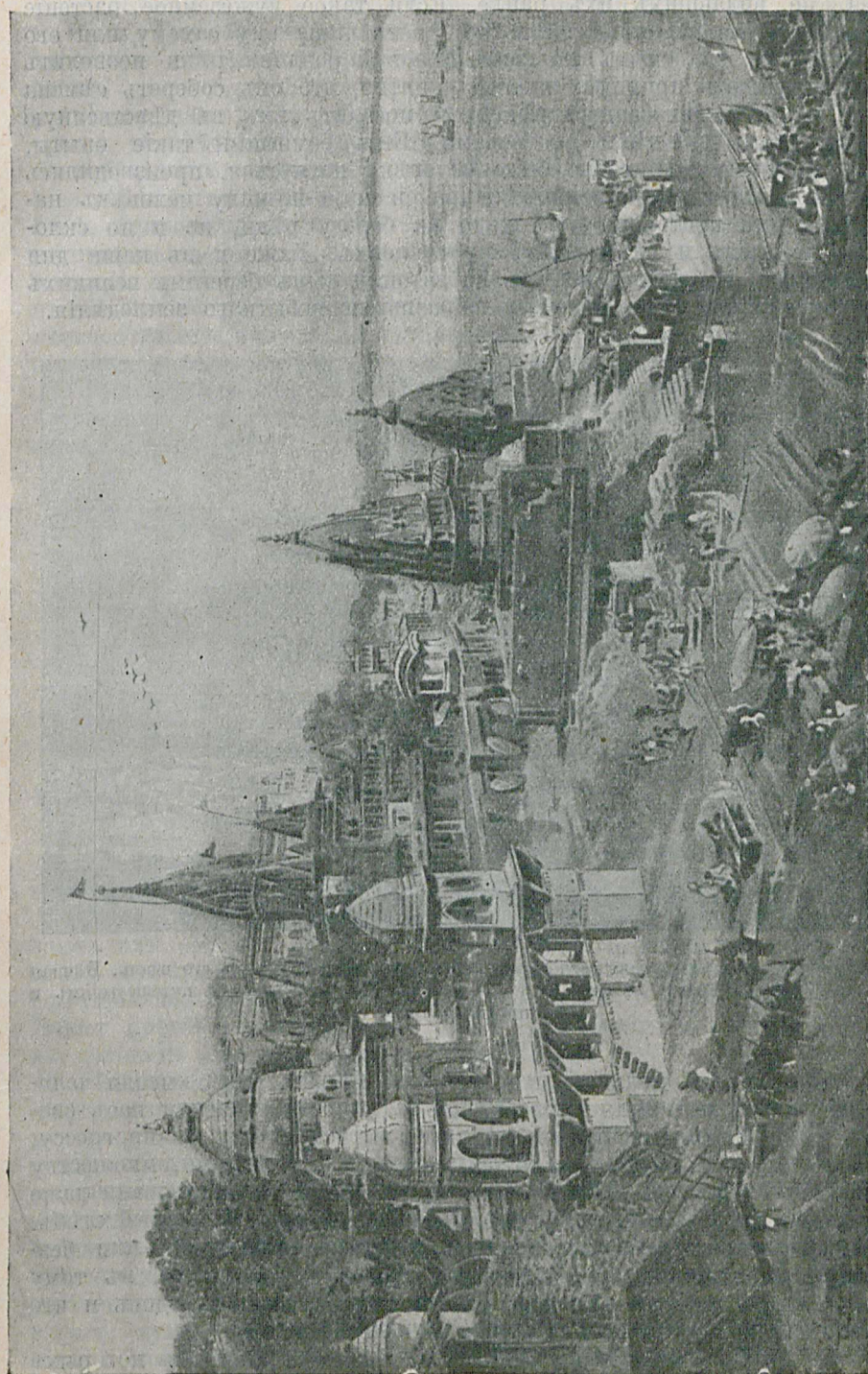
Древняя египетская лодка (съ оригинала Британскаго музея въ Лондонѣ).

зывался удобнымъ, не переворачивающимся въ водѣ челнокомъ, и, пригнавъ его къ себѣ домой, человѣкъ началъ пользоваться имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялось необходимымъ переправиться черезъ рѣку, спуститься по ея теченію или подняться вверхъ.

По всей вѣроятности, первые люди, пустившіеся по водѣ на вертлявомъ и неустойчивомъ древесномъ стволѣ, были предметомъ насмѣшекъ со стороны своихъ соплеменниковъ; ихъ болѣе мудрые и благоразумные собратья, оставшіеся на берегу, конечно, смѣялись отъ чистаго сердца надъ этими искателями приключеній, надъ этими сумасбродами, которые, рискуя жизнью, пускались въ даль отъ надежной твердой земли. Вѣдь этой земли никогда не рѣшались ранѣе покинуть ихъ предки!

Рѣка, послужившая первымъ учителемъ судоходства и вызвавшая взаимный обмѣнъ знаній у сосѣднихъ народовъ, была въ то же время и первымъ природнымъ факторомъ, научившимъ человека земледѣлію. Рѣчныя воды постоянно размываютъ и намываютъ почву, принося не только плодородный илъ, но также и корни, сѣмена и ростки растений, которыя быстро прорастаютъ на новомъ мѣстѣ и вызываютъ удивленіе и интересъ мѣстныхъ жите-

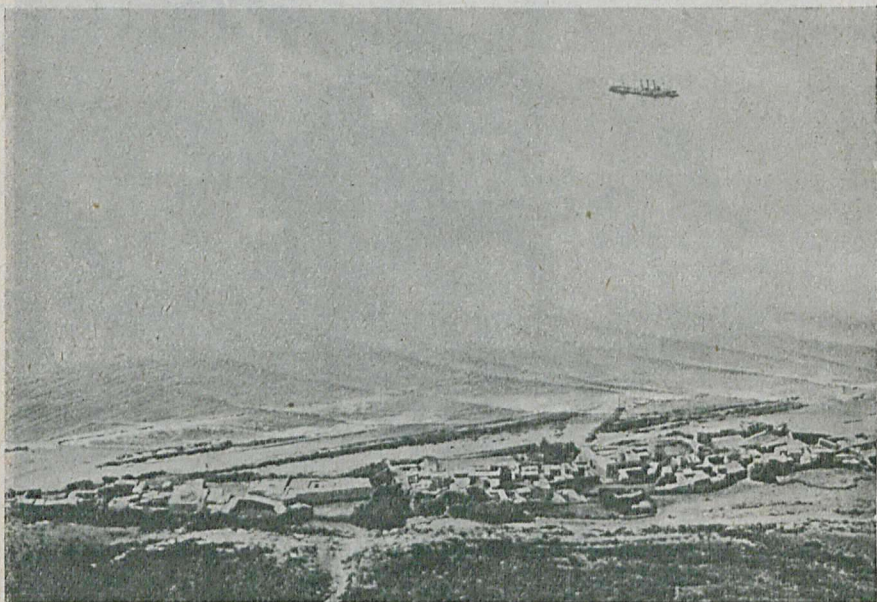

Ріка Ганг у Бенареса в Індії.

лей, не выдавшихъ ихъ ранѣ. Если такое чужеземное растеніе пригодно для человѣка тѣмъ, что даетъ пищу ему самому или его домашнимъ животнымъ, то каждый новый разливъ рѣки позволить ему подражать природѣ: вполне понятно, что онъ соберетъ сѣмена или корни, принесенныя рѣкой, и посадить ихъ въ дѣвственную почву, намытую тѣми же водами. Безъ сомнѣнія, такіе опыты, для которыхъ достаточно было человѣку нагнуться, производились во многихъ мѣстахъ земного шара, и мало-по-малу человѣкъ научился ихъ повторять не только на берегу рѣки, но и по склонамъ холмовъ и на лѣсныхъ проталинахъ. Даже и въ наши дни еще можно наблюдать кое-гдѣ по затопляемымъ берегамъ великихъ американскихъ рѣкъ подобные образцы первобытнаго земледѣлія.

Безбрежное море, разстилающееся передъ взоромъ человѣка, манитъ его вдаль. Вѣчная смѣна волнъ развиваетъ въ немъ охоту къ передвиженію, любовь къ путешествіямъ и къ приключеніямъ.

Итакъ, чѣмъ только мы не обязаны рѣкамъ! Онѣ вывели человѣчество изъ состоянія первобытной инертности, увлекли насъ своимъ движеніемъ, превратили въ людей, стремящихся къ прогрессу, и научили насъ, путемъ сближенія съ другими людьми, множеству различныхъ ремеслъ и искусствъ и, наконецъ, содѣйствовали даже тому, что мы получили возможность добывать свой насущный хлѣбъ. Мы привязаны, слѣдовательно, къ рѣкамъ, сознательно или безсознательно, безконечной вереницей событій, мы знаемъ, къ тому же, что долины ихъ служили путями переселенія народовъ и что жизнь цѣлыхъ націй развивалась на ихъ берегахъ.

Великія цивилизаціи, отпрысками и наслѣдниками которыхъ мы являемся и безъ которыхъ не существовало бы человѣчества въ совершенномъ смыслѣ слова, не могли бы развиваться, если бы не

было Желтой рѣки и Голубой, не было бы Инда и Ганга, Евфрата и Нила, Сенегала и Нигера. Съ чувствомъ искренняго сыновняго уваженія долженъ произносить мыслящій человѣкъ эти великія имена!

Если, какъ мы видѣли, текущая вода рѣкъ способствуетъ прогрессу человѣчества и соединяетъ людей, то стоячая и спокойная вода большихъ озеръ и болотъ обыкновенно разъединяетъ народы и задерживаетъ ихъ развитіе. Замкнутыя долины горъ, дремучіе лѣса, непроходимыя болота, островки и озера являются консервативными элементами въ исторіи человѣчества. Къ такимъ же элементамъ принадлежатъ и морскіе уединенные острова. Затерянный въ океанѣ островъ, на который попало какимъ-либо путемъ извѣстное количество людей, становится отдѣльнымъ міркомъ, чрезвычайно сильно отличающимся отъ сосѣднихъ странъ.

Обитатели болотистыхъ мѣстностей и озеръ, подобно жителямъ острововъ, являются иногда совершенно изолированными, и въ этомъ случаѣ они вѣками сохраняютъ старинные обычаи; измѣ-

Высадка норманновъ въ XI вѣкѣ на берега Англіи. Часть рисунка на старинномъ коврѣ, хранящемся въ музеѣ города Байе во Франціи.

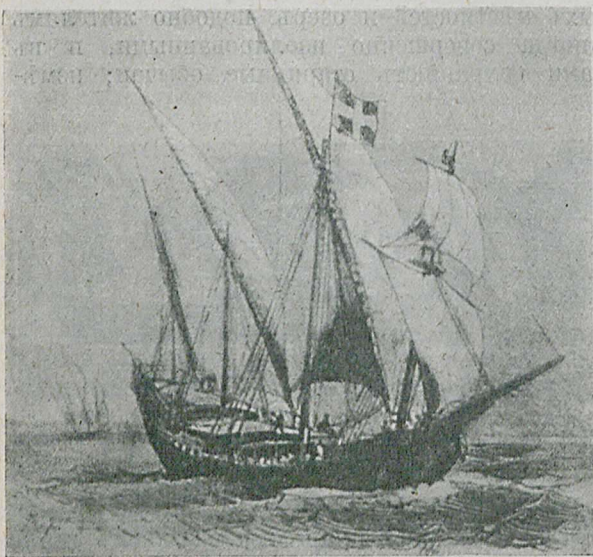
ненія, которыя происходятъ въ окружающемъ ихъ внѣшнемъ мірѣ, совершаются гдѣ-то въ недоступной дали и нисколько не затрагиваютъ ихъ. Жители этихъ мѣстностей рѣдко отваживаются пуститься въ далекое путешествіе и ихъ кругозоръ узокъ и ограниченъ. Окружающая среда не будитъ въ нихъ отваги и стремленія вдаль. Какая противоположность въ этомъ отношеніи между вліяніемъ на человѣка бурнаго моря и тихаго озера!

Люди, которые живутъ на берегу моря и изъ своихъ жилищъ могутъ слышать шумъ его волнъ, любятъ путешествовать и знакомиться съ дальними странами. Безконечный горизонтъ, разстилающийся передъ ними, манитъ ихъ вдаль; вѣчная смѣна волнъ развиваетъ въ нихъ охоту къ движенію, вслѣдствіе этого у приморскихъ народовъ развивается любовь къ путешествіямъ, что благопріятствуетъ, въ свою очередь, развитію торговли. Однимъ изъ условий, способствующихъ процвѣтанію торговли и мореплаванія младенческихъ народовъ надо признать сосѣдство острова или архипелага, туманныя очертанія котораго рисуются вдаль на синевѣ моря и который манитъ къ себѣ издали своей чарующей таинственностью. Острова Эгейскаго моря привлекали моряковъ Малой Азіи; островъ Кипръ служилъ финикіянамъ мѣстомъ отдыха на пути въ

разныя стороны по незнакомымъ водамъ. У острова Эльбы, едва замѣтнаго съ береговъ Тосканы, также останавливались мореплаватели на пути, лежавшемъ черезъ Корсику и Балеарскіе острова къ отдаленнымъ берегамъ Испаніи. Великобританія, бѣлые утесы которой показываются иногда надъ Ламаншемъ, какъ миражъ, постоянно манила къ себѣ жителей противоположнаго берега. Этимъ объясняется множество вторженій и завоеваній, которымъ подверглась эта страна, ставшая, въ концѣ-концовъ, главнымъ торговымъ складомъ цѣлаго міра. Именно островамъ, этимъ «жемчужинамъ моря», поверхность нашей планеты обязана нѣкоторыми особенно красивыми чертами; благодаря торговлѣ, народы этихъ же земель обязаны въ значительной степени и своей цивилизаціей.

Однако, пока дальнее плаваніе не связало еще между собой всѣ точки земной поверхности, острова лишь въ томъ случаѣ могли имѣть важное значеніе въ исторіи человѣчества, когда они были расположены непосредственно возлѣ материка и, такъ сказать, прилежали къ землѣ съ плодородными равнинами и многочисленнымъ населеніемъ. Острова же, затерянные далеко въ морѣ, служили какъ бы тюрьмой для населяющихъ ихъ племенъ.

Каравелла время Христофора Колумба.

Такимъ образомъ, расположеніе которыхъ всего лучше способствуетъ

успѣхамъ человѣчества, могутъ быть названы великія материковыя равнины, откуда взоръ проникаетъ черезъ море до сосѣднихъ острововъ или архипелаговъ. Эти плодородныя страны, по большей части, прежніе морскіе заливы, заполненные наносами, привлекаютъ многихъ жителей, основывающихъ здѣсь многочисленные поселенія. На этихъ гладкихъ приморскихъ равнинахъ развивается земледѣліе; здѣсь съ сосѣдними гаванями завязывается торговля, начинается обмѣнъ товаровъ, люди начинаютъ узнавать другъихъ людей, обмѣниваться между собою мыслями. Почти всѣ большіе города расположены на границѣ берегового пояса съ земледѣльческими областями; тутъ скучиваются многолюдныя поселенія, потому что здѣсь сталкиваются великіе интересы человѣчества. Въ силу своеобразнаго контраста, земледѣльческое населеніе, наиболѣе неподвижное и всего болѣе расположенное къ застою, оказывается здѣсь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ морскимъ населеніемъ, наиболѣе подвижнымъ, наиболѣе дѣятельнымъ, любя-

щимъ путешествія и приключенія. Такое сближеніе между людьми, столь различными по своимъ правамъ, является однимъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ въ исторіи прогресса.

Для многихъ приморскихъ народовъ вся жизнь—непрерывное путешествие, и океанъ—ихъ отечество. Такъ, норманы, называвшіе себя «викингами», королями моря, плавали постоянно отъ одного берега къ другому, всюду наводя ужасъ своими набѣгами. Позднѣе, на своихъ легкихъ судахъ они направились черезъ весь безпредѣльный океанъ и открыли американскій материкъ еще лѣтъ за четыреста до Колумба. То же можно сказать и о пиратахъ Зондскихъ острововъ, безчисленные суда которыхъ пѣнять воды Великаго океана. Но и уроженцы береговъ Бретани или Англіи большую часть своей жизни проводятъ также на вахтенной скамьѣ, подъ мачтой, среди снастей и волнъ, созерцая облака и синеву неба. Морскіе народы отважны: они слишкомъ часто вступаютъ въ жесточайшую борьбу съ бурей, съ порывами вѣтра, и привыкли смотрѣть въ глаза смерти. Они обладаютъ стойкостью и хладнокровіемъ, потому что борьба со стихіями продолжается безъ отдыха, и одна минута разсѣянности можетъ погубить ихъ; чтобы побѣждать разгнѣванную природу, имъ нужно не порывистое, а обдуманное мужество. Возрѣнія ихъ трезвы и тверды, но они однообразны, какъ море; они рѣдко бываютъ изящны или нѣжны, но большею частью сильны, а порою жестоки. Въ жизни моряковъ, дѣтей океана, какъ будто отражаются тѣ могучія волны, которыя убаюкиваютъ ихъ въ раннемъ дѣтствѣ.

VI.

Сліяніе климатическихъ контрастовъ.—Какъ измѣняется вліяніе среды, смотря по уровню цивилизаціи.—Человѣкъ самъ является средою для другихъ людей.

Выше мы разсмотрѣли въ самыхъ общихъ чертахъ вліяніе различныхъ климатовъ на народонаселеніе, разсмотрѣли этнологическія различія, вызываемыя различіемъ между поясами, материковыми рельефами, различіе въ качествѣ почвы и въ направленіи склоновъ къ той или другой странѣ свѣта. Эти контрасты, впрочемъ, очень рѣдко обнаруживаются вполне рѣзко и опредѣленно: границы между народами нельзя проводить при помощи линейки и циркуля. Климаты земного шара, благодаря различнымъ причинамъ, непрерывно перемѣщаются и перемѣшиваются между собою. Часто противоположныя силы стремятся уровновѣсить другъ друга, вслѣдствіе чего контрасты смягчаются и сглаживаются. Такъ, почти во всѣхъ холодныхъ странахъ сѣвера преобладаютъ низменности, на пространствахъ которыхъ солнце лѣтомъ грѣетъ сильнѣе, чѣмъ на высотахъ. Поэтому жители сѣверныхъ странъ сходны по своему характеру, въ одно и то же время, съ горцами, такъ какъ ихъ окружаетъ суровая природа, а отчасти съ народами равнинъ, такъ какъ ихъ поля расположены въ низменностяхъ. Жители горъ или плоскогорій умѣреннаго и даже жаркаго пояса могутъ считать себя одновременно и сѣверянами и южанами: съ одной стороны они окружены снѣгами, съ другой же стороны лучи солнца падаютъ на нихъ съ зенита, а подъ ихъ ногами разстилаются земли съ самой роскошной растительностью. Точно такъ же житель горы,

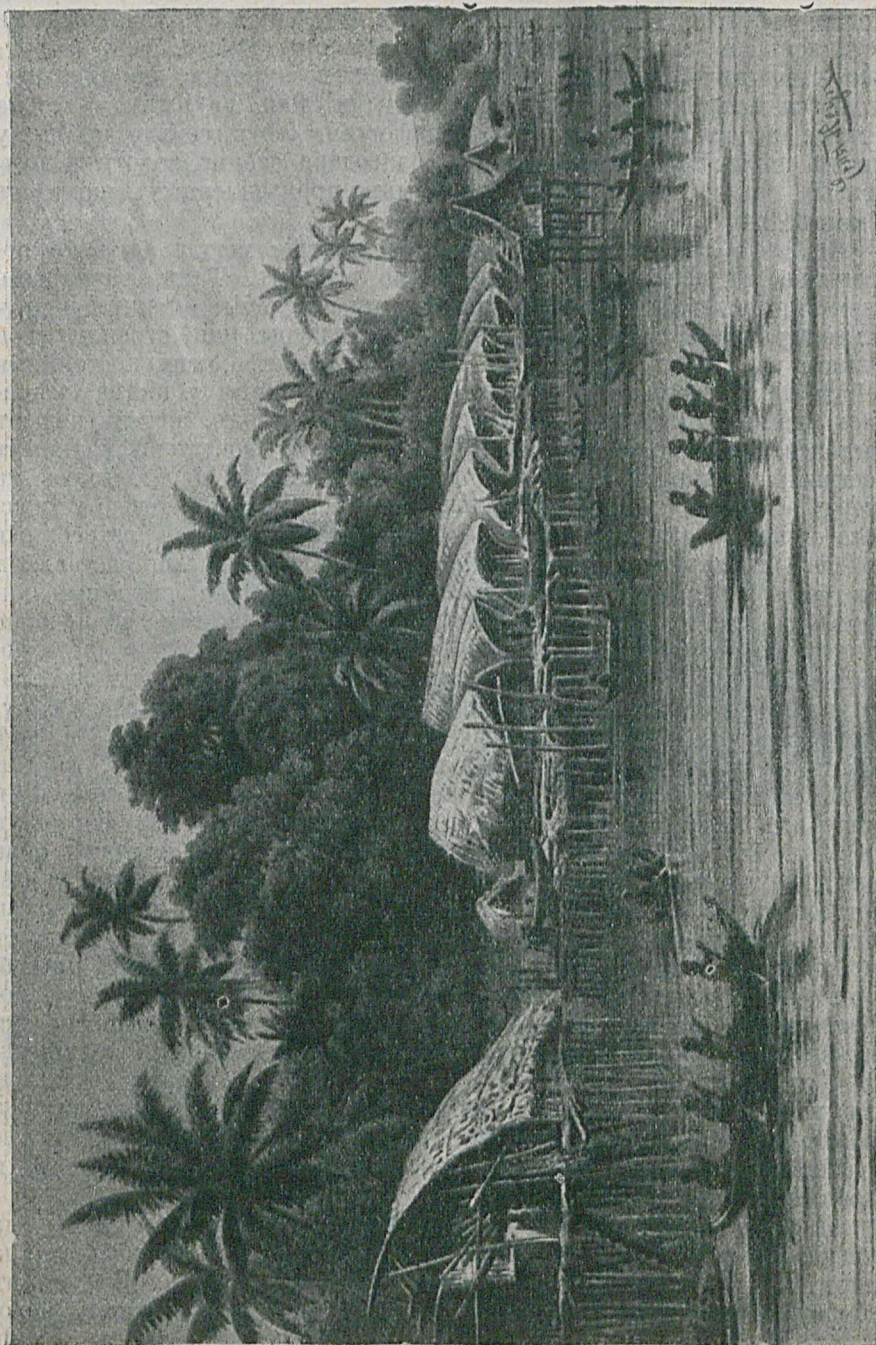

поднимающейся среди океана, может назвать себя сыномъ моря; характеръ его, безъ сомнѣнія, представитъ рѣзкія отличія отъ характера горнаго жителя материковъ. Безконечное разнообразіе воды, воздуха и мѣстностей, болѣе или менѣе быстрыя колебанія свѣтовыхъ и магнитныхъ волнъ постоянно измѣняютъ общія свойства среды. Каждая провинція, каждый городъ, каждая деревня имѣютъ свою особую внѣшнюю среду, которая измѣняется постоянно. Всѣ климатическія явленія сливаются другъ съ другомъ, и, слѣдовательно, о вліяніи ихъ на народы можно судить только съ общей точки зрѣнія.

Кромѣ того, народы не остаются вѣчно на одномъ и томъ же мѣстѣ, на той почвѣ, на которой они родились: между ними и ихъ сосѣдями происходитъ болѣе или менѣе дѣятельный обмѣнъ мыслей и смѣшеніе другъ съ другомъ. Иногда народы насильственно соединяются завоевателями, которые перемѣщаютъ цѣлыя народонаселенія; иногда же цѣлыя племена переселяются по своей инициативѣ за моря или въ горы въ поискахъ лучшей обстановки. Попавъ въ новую среду, прежній типъ человѣка измѣняется и постепенно на новой родинѣ вырабатывается новый типъ людей, мало похожихъ на своихъ предковъ. Эта борьба между прошлымъ и настоящимъ, между людьми и окружающей ихъ средой, а никакъ не рассказы о битвахъ и о жестокостяхъ правителей, составляетъ настоящую исторію, то-есть развитіе человѣка въ его отношеніяхъ къ Землѣ.

Впрочемъ, даже и въ томъ случаѣ, когда народы не мѣняютъ своего стараго отечества и не смѣшиваются съ другими народами, ихъ нравы и укладъ жизни все-таки измѣняются съ теченіемъ времени вслѣдствіе того, что вліяніе окружающей природы на человѣка съ теченіемъ времени также измѣняется. Такъ, напримѣръ, обширные лѣса дѣлаются ненужными человѣку, когда онъ становится земледѣльцемъ. Тогда деревья, одно за другимъ, падаютъ подъ ударами топора; все увеличивающіяся лѣсныя поляны превращаются въ хлѣбныя нивы; климаты измѣняются, и это измѣненіе дѣйствуетъ на людей, которые живутъ въ этихъ мѣстахъ. Большія судоходныя рѣки, со всей системой ихъ притоковъ, почти бесполезны для дикихъ племенъ. Для доказательства этого достаточно одного примѣра: громадная рѣка Амазонка, лучшій изъ торговыхъ путей внутри материковъ, никогда во всѣ прошлые вѣка не имѣла замѣтнаго вліянія на развитіе цивилизаціи у жителей ея береговъ. Рѣки, которыя для народовъ первобытныхъ или обладающихъ лишь зачаточной цивилизаціей, могутъ служить только неодолимыми преградами, для народовъ развитыхъ становятся, напротивъ, главными физическими дѣятелями прогресса, пока устройство искусственныхъ путей снова не уменьшитъ относительную важность этихъ дорогъ, проведенныхъ природой. Деревни сгущаются вдоль пробѣдныхъ путей даже и въ томъ случаѣ, если послѣдніе не идутъ по дну долинъ, а пробѣгаютъ по открытымъ плоскогорьямъ, страдающимъ отъ недостатка воды. Иногда вся дорога превращается въ застроенную длинную улицу, въ родѣ любопытныхъ деревень Альермона въ Нормандіи, построенныхъ вдоль тропинки стариннаго, нынѣ уже не существующаго лѣса: каждому поселянину хотѣлось быть ближе къ дорогѣ, по которой

Видъ современныхъ снайныхъ построекъ на островѣ Новой Гвинеи.

проѣзжали торговцы. Въ свою очередь желѣзныя дороги перемѣщают населеніе, и каждая станція становится центромъ притяженія, вокругъ котораго скучивается населеніе. Мѣстонахожденія металловъ, залежи каменнаго угля, мрамора, гипса, соли и другихъ геологическихъ богатствъ, смотря по уровню цивилизаціи, остаются неизвѣстными или неощущенными, или же имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи. Калифорнія, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ почти неизвѣстная, теперь, благодаря своимъ золотымъ рудникамъ, стала однимъ изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ земного шара.

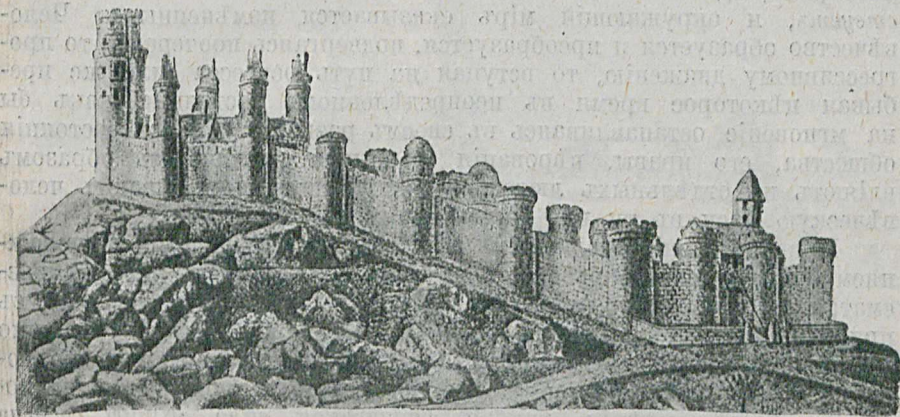
Рельефъ страны и общее ея расположеніе могутъ быть то полезными, то невыгодными, смотря по эпохамъ. Такъ, варварскія племена, предшествовавшія современному населенію Франціи и другихъ странъ Европы, укрывались въ пещеры или строили свои хижины на сваяхъ, вбитыхъ среди озеръ. Позднѣе, когда постоянныя войны между сосѣдями, нападенія и безцѣльные убійства смѣнились менѣе тревожнымъ общественнымъ состояніемъ, жители пещеръ постепенно оставили свои мрачныя жилища. Обитатели свайныхъ построекъ покинули свои нездоровыя хижины и переселились на твердую землю, подъ тѣнь большихъ деревьевъ. Въ теченіе ужаснаго вѣка феодальнаго строя бароны, сооружая свои ястребиныя гнѣзда на вершинѣ какой-либо недоступной скалы, заставляли ютиться у величественныхъ стѣнъ своихъ замковъ скромныя хижины подвластныхъ имъ поселянъ. Даже цѣлые города, подобно замкамъ, укрывались на вершинахъ горъ, куда трудно было добраться. Тогда безопасность отъ непріятеля была главною заботой; жилища скучивались по уединенно стоящимъ вершинамъ, люди окружали себя стѣнами и защищались высокими башнями. На югѣ Франціи, въ Испаніи, на берегахъ Лигуріи, въ Тосканѣ, въ Сициліи почти всѣ старинныя селенія расположены на высотахъ, и снизу ихъ нависшія стѣны кажутся какими-то странными обрывами утесовъ. Въ домахъ, прилегающихъ къ наружной оградѣ, окна замѣнены узкими бойницами; по угламъ находятся башни съ рѣшетками и съ множествомъ отверстій для огнестрѣльнаго оружія; церковь, построенная на самомъ высокомъ мѣстѣ селенія, была въ то же время и цитаделью. Но въ новѣйшее время главной потребностью для всѣхъ стала работа; поэтому жители мало-по-малу покидаютъ свои птичьи гнѣзда и переселяются на морское побережье, на берегъ рѣки или на край дороги, проходящей по равнинѣ. Подобно морскимъ животнымъ, оставляющимъ раковину, ставшую для нихъ неудобной, люди оставляютъ свои каменные жилища на вершинахъ горъ и строятъ себѣ дома, быть-можетъ, менѣе красивыя по своему расположенію, но гораздо болѣе здоровыя и удобныя.

Даже въ наименѣе цивилизованныхъ странахъ Европы города спускаются съ высокихъ, крутыхъ вершинъ и основываются на открытыхъ мѣстахъ. Крупные склоны, утесы, затрудняющіе доступъ и считавшіеся преимуществомъ въ то время, когда жизнь человѣка находилась постоянно въ опасности, представляютъ теперь большія неудобства, такъ какъ вызываютъ потерю времени и служатъ причиной культурной отсталости. Вершины высокихъ горъ не будутъ считаться благопріятными мѣстами для основанія горо-

довъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не овладѣетъ воздухомъ и не будетъ направлять черезъ него свои воздушныя суда, для которыхъ лучшими мѣстами остановокъ будутъ выдающіеся остроконечныя вершины и гребни горъ.

Послѣдовательныя перемѣны въ большемъ или меньшемъ приспособленіи земли къ населяющимъ ее народамъ касаются не только очертаній различныхъ странъ и материковъ, но и мелкихъ особенностей въ устройствѣ мѣстности. Такъ, Греція, имѣвшая нѣкогда такое важное значеніе, благодаря тысячамъ своихъ бухтъ, своимъ полуостровамъ и островамъ, перестала быть великимъ очагомъ жизни съ тѣхъ поръ, какъ населеніе береговъ океана вошло въ составъ цивилизованнаго міра. Побережье Европы изрѣзано также многочисленными бухтами; его окаймляютъ во всѣхъ направленіяхъ полуострова, въ значительной степени содѣйствовавшіе первенствующему значенію населенія этой части свѣта въ исторіи. Всѣ эти преимуще-

Образецъ средневѣковаго феодальнаго замка, находившагося около Парижа на холмѣ Монлери.

щества теряютъ, однако, свою относительную важность по мѣрѣ того, какъ искусственные пути сообщенія умножаются во внутренней части страны. Можно сказать даже, что во всѣхъ странахъ, перерѣзанныхъ желѣзными дорогами, извилины береговъ, нѣкогда столь полезныя, вслѣдствіе того, что онѣ представляли для судоходства природныя дороги, теперь стали скорѣе неудобствомъ, чѣмъ преимуществомъ. Въ прежнее время большія торговыя гавани неизбѣжно должны были устраиваться внутри углубленія, образуемаго заливомъ, или на берегу открытаго рѣчного устья; такое положеніе помогало подвозу къ гаванямъ по самымъ краткимъ путямъ изъ сосѣднихъ странъ большой массы товаровъ. Въ наши дни обстоятельства измѣнились, благодаря устройству всюду желѣзныхъ дорогъ, и центры морской торговли все чаще и чаще возникаютъ на концахъ полуострововъ. Множество городовъ, которые, подобно городу Мадриду, были избраны столицами, вопреки географическому положенію, изъ-за военныхъ или административныхъ соображеній, или даже просто по прихоти правителя, тѣмъ не менѣе, стали теперь естественными центрами торговли, благодаря

проведенію изъ нихъ во всѣ стороны желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Такимъ образомъ каждое событіе измѣняетъ отношеніе человѣка къ Землѣ, на которой онъ живетъ, и вслѣдствіе этого вліяніе среды постоянно видоизмѣняется.

Къ вліянію среды въ пространствѣ, характеризующейся тысячами внѣшнихъ явленій, слѣдуетъ присоединить вліяніе среды во времени, ея непрерывныя измѣненія въ исторіи. Если, по словамъ Мишле, исторія начинаетъ становиться «совершенной {географіей», то и географія становится постепенно исторіей, благодаря непрерывному воздѣйствію человѣка на своихъ ближнихъ. Каждый новый человѣкъ, появляющійся на свѣтъ и отличающійся своими поступками, своими исканіями новаго, своими мыслями и воззрѣніями, становится либо героемъ, созидающимъ нѣчто новое, либо мученикомъ; но будетъ ли онъ чувствовать себя счастливымъ, или, наоборотъ, сдѣлается несчастнымъ,—онъ, такъ или иначе, *дѣйствуетъ*, и окружающій міръ оказывается измѣненнымъ. Человѣчество образуется и преобразуется, подвергаясь поочередно то прогрессивному движенію, то вступая на путь регресса или же пребывая нѣкоторое время въ неопредѣленномъ состояніи, какъ бы на мгновеніе останавливаясь въ своемъ развитіи. Но всѣ состоянія общества, его нравы, вѣрованія и обычаи различнымъ образомъ вліяютъ на отдѣльныхъ людей, видоизмѣняютъ и выливаютъ человеческую расу въ ту или иную форму.

Приспособленіе различныхъ народовъ къ внѣшней средѣ, усложняемое постоянной борьбою съ другими народами, не должно разсматриваться какъ результатъ исключительно одной борьбы съ природою или съ другими людьми. Находясь почти постоянно въ полномъ невѣдѣніи истиннаго значенія жизни, мы нерѣдко говоримъ, что прогрессъ обусловливается одержанной жестокой побѣдой,—безъ сомнѣнія, грубая физическая сила мышцъ всегда почти сопровождаетъ силу воли человѣка, однако послѣдняя не можетъ быть ею замѣнена. Въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ мы постоянно употребляемъ слова «борьба», «побѣда», какъ будто мы въ состояніи измѣнить внѣшнюю среду, пользуясь какими-то другими силами, кромѣ силъ природы. Въ дѣйствительности же всѣ мы сами должны приспособляться къ явленіямъ природы, вступать въ тѣснѣйшую связь съ ея силами, и, по возможности, призывать къ себѣ на помощь товарищей, которые обладали бы такою же способностью понимать природу, какъ и мы сами,—только въ этомъ случаѣ мы можемъ разсчитывать создать нѣчто способное сохраниться на долгое время.

VII.

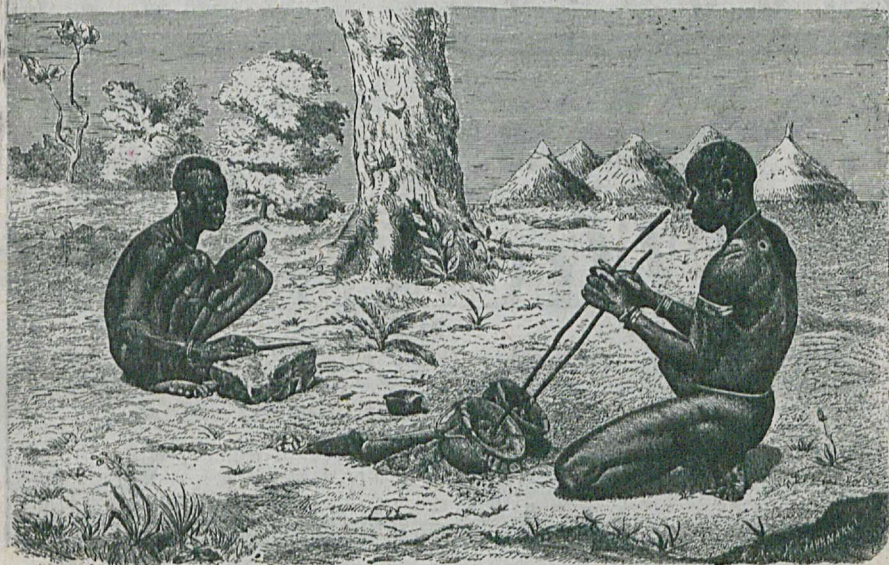
Распределеніе людей на земномъ шарѣ.—Востокъ и Западъ.—Старый и новый свѣтъ.—Сѣверъ и Югъ.

*Человѣчество населяетъ, главнымъ образомъ, умѣренные и теплыя страны, а также острова и земли холоднаго пояса сѣвернаго полушарія. Область обитанія людей, или, какъ называетъ ее Фридрихъ Ратцель, *эйкумена*, образуетъ поясъ измѣнчивой ширины, самый сѣверный пунктъ котораго въ сѣверномъ полушаріи лежитъ въ области 80 градуса сѣв. шир., а въ южномъ полушаріи

въ области 55 градуса южн. широты. Разсматривая распредѣленіе людей въ этихъ предѣлахъ, мы видимъ, что сѣверное полушаріе даетъ пріютъ большому числу людей, чѣмъ южное, и что оно представляетъ имъ болѣе обширныя и разнообразныя области, вслѣдствіе чего въ сѣверномъ полушаріи люди встрѣчаютъ болѣе благоприятныя условія для своего развитія.

Распространеніе человѣка на Землѣ, такъ же, какъ растений и животныхъ, зависитъ отъ связи материковъ на сѣверѣ и ихъ раздѣленія на югѣ. Поэтому, если мы взглянемъ на человѣчество какъ на единое цѣлое, то замѣтимъ, что сѣверныя его части находятся во взаимной связи между собою, тогда какъ южныя значительно раздѣлены между собою громадными пространствами океановъ. Обращая вниманіе на расы, мы замѣчаемъ, что люди черной

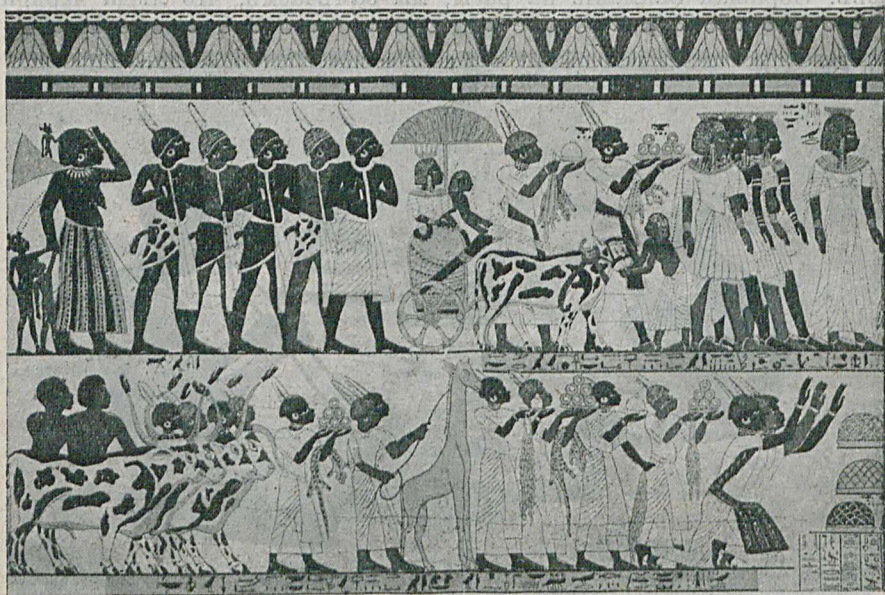
Кузнецы-негры.

расы населяютъ южное полушаріе, тогда какъ сѣверное полушаріе населено людьми бѣлой и желтой расы. Высшія формы культурнаго развитія встрѣчаются также къ сѣверу отъ экватора. Такую же противоположность между племенами сѣвера и юга мы находимъ и во многихъ этнографическихъ частностяхъ. Такъ, народы, не знакомые съ употребленіемъ лука, населяютъ южныя части земного шара, а въ сѣверномъ полушаріи лукъ и стрѣлы распространены отъ Лапландіи до восточной Гренландіи и Мексики.

Широкая пропасть, какую образуетъ Атлантическій океанъ въ поясѣ *эйкумены*, служить, или, по крайней мѣрѣ, служила большимъ препятствіемъ для расселенія человѣка, и этотъ океанъ способствовалъ развитію этнографическихъ различій между народами востока и запада. Америка—это самый крайній востокъ человѣчества,—говоритъ Ратцель,—здѣсь можно найти болѣе древнія формы развитія, чѣмъ въ Африкѣ и въ Европѣ, образующихъ крайній западъ.

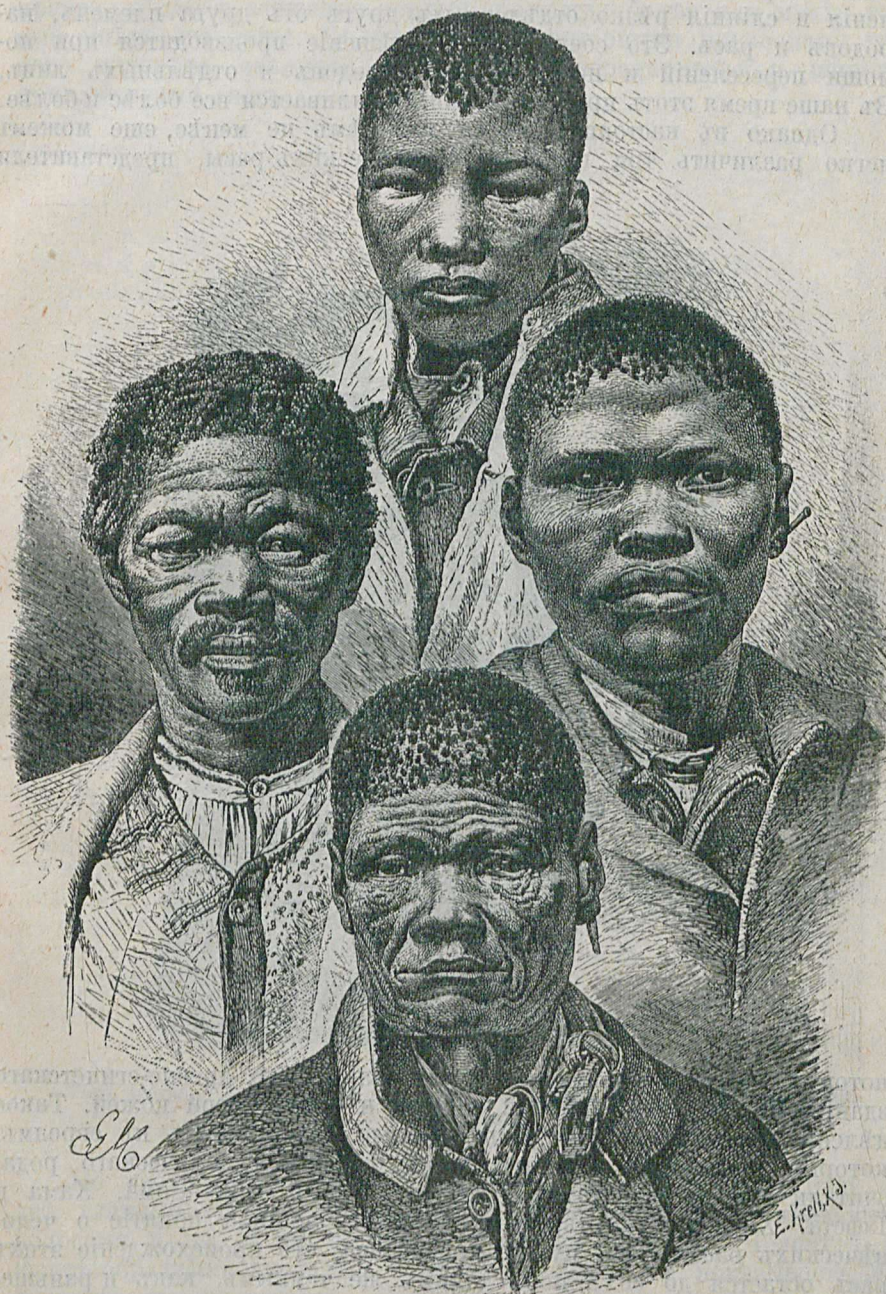
Съ точки зрѣнія естествоиспытателя, всѣ люди—особи одного и того же вида. Каждый отдѣльный человѣкъ—членъ одного и того же *человѣчества*. Несмотря на различіе культуры, внѣшняго вида и цвѣта кожи, всѣмъ людямъ присущи разумъ и рѣчь, и всѣ они способны къ развитію. Представители всѣхъ расъ обладаютъ нѣкоторыми важнѣйшими завоеваніями культуры, каковы, напримѣръ, огонь, одежда, жилище, простѣйшія оружія и орудія для добычанія себѣ пищи. Такимъ образомъ, если мы отбросимъ всѣ случайные признаки и всѣ различія степени культуры современнаго человѣчества, то мы увидимъ, что подъ ними покоится въ видѣ фундамента общность самыхъ главныхъ приобрѣтеній культуры. Эта общность позволяетъ говорить о *единствѣ человеческого рода*.

Древне-египетская живопись, найденная на стѣнахъ одной гробницы и изображающая представителей трехъ расъ: бѣлой, черной и желтой.

на Землѣ. Дѣйствительно, существуетъ только одинъ человѣческій видъ; измѣненія его многочисленны, но не глубоки. Человѣкъ—гражданинъ Земли въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Онъ проникаетъ даже туда, гдѣ не можетъ жить постоянно. Изъ всѣхъ существъ, связанныхъ съ почвой, онъ—одно изъ самыхъ подвижныхъ. Отдѣльныя вѣтви племенъ и народовъ сплетаются между собою, и изъ этого сплетенія постепенно создается единое человѣчество. Если ходъ культурнаго прогресса въ послѣднихъ историческихъ періодахъ отчасти настолько ускорился, что нѣкоторыя народныя группы выдвинулись далеко впередъ по сравненію съ другими, то все-таки мы можемъ легко найти значительный остатокъ общаго достоянія и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ нынѣшняго человѣчества. Если мы будемъ доискиваться начала этого общаго достоянія, то придемъ къ выводу, что этимъ началомъ является способность человѣчества къ развитію, къ совершенствованію.

Типы чернокожих Южной Африки.

Если мы признаемъ вмѣстѣ съ большинствомъ современныхъ антропологовъ единство происхожденія человѣческаго рода, то весь историческій процессъ представится намъ, какъ процессъ соединенія и слянія рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга племенъ, народовъ и расъ. Это соединеніе и смѣшеніе производится при помощи переселеній и передвиженій народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Въ наше время этотъ процессъ слянія усиливается все болѣе и болѣе.

Однако въ настоящее время мы, тѣмъ не менѣе, еще можемъ легко различить три главныхъ человѣческихъ расы, представители

Готтентотъ на охотѣ.

которыхъ были изображены на стѣнахъ одного древне-египетскаго зданія. Это народы съ бѣлой, темной и свѣтлобурой кожей. Такое дѣленіе народовъ на три расы перешло отъ египтянъ къ евреямъ, которые, признавая единство происхожденія человѣческаго рода, считали эти расы потомками трехъ сыновей Ноя—Сима, Хама и Іафета. Хотя съ того врмени наука разработала понятіе о человѣческихъ расахъ, но нужно признаться, что происхожденіе этихъ расъ остается до сихъ поръ такимъ же темнымъ, какъ и раньше.

Оставляя вопросъ о происхожденіи этихъ расъ, мы опишемъ здѣсь кратко лишь отличительные признаки главнѣйшихъ человѣческихъ расъ и посмотримъ, чѣмъ именно отличаются черные, бѣлые и желтые люди другъ отъ друга. Описаніе это мы начнемъ

со стоящаго на наиболѣе низкой ступени развитія, съ чернаго человека.

Отличительными признаками *чернаго* человека служить его, правда, рѣдко совершенно черный, но всегда болѣе или менѣе темный цвѣтъ его кожи. Кромѣ этого, характерными признаками *чернаго* человека являются выдающіяся впередъ губы и широкій приплюснутый носъ.

Типъ жителя Соломоновыхъ острововъ. По модели этнографическаго музея въ Лейпцигѣ.

По свойству волосъ мы можемъ раздѣлить черную расу на двѣ главныя группы: на людей съ шерстообразными, курчавыми волосами и на людей съ паклеобразными волосами. Человекъ съ шерстообразными волосами отличается, какъ это показываетъ его названіе, шерстовиднымъ, курчавымъ строеніемъ своихъ волосъ. По формѣ черепа эти люди бываютъ короткоголовыми, среднеголовыми и длинноголовыми. На самой низкой ступени развитія стоитъ шерстообразный—короткоголовый человекъ, отличающійся, кромѣ того,

своимъ малымъ ростомъ. Къ такимъ племенамъ принадлежать жители Филиппинскихъ острововъ — *негритосы*.

Къ длинноголовымъ шерстоловымъ чернымъ людямъ принадлежать собственно африканскіе негры, которыхъ мы просто называемъ неграми, группа меланезійцевъ и группа африканскихъ карликовыхъ племенъ. Расовая группа африканскихъ карликовъ стоитъ, повидому, на самой низкой ступени умственного развитія. Изъ принадлежащихъ къ этой группѣ народовъ наиболѣе извѣстны только два племени — бушмены и готтентоты. Бушмены, такъ какъ и готтентоты, имѣютъ коричневый цвѣтъ кожи, курчавые во-

Типъ австралійца.

лосы и отличаются малымъ ростомъ. Они живутъ маленькими ордами и не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, а кочуютъ по степямъ южной Африки, занимаясь охотой. Готтентоты представляютъ собою осѣдлый народъ, живущій сѣвернѣе бушменовъ, главнымъ образомъ, въ нѣмецкихъ владѣніяхъ южной Африки. Готтентоты занимаются скотоводствомъ, строятъ хижины изъ глины краали и носятъ одежду изъ кожи; ихъ вырѣзанныя на скалахъ различныя изображенія свидѣлствуютъ о болѣе высокой степени умственного развитія. Къ одной расовой группѣ съ бушменами и готтентотами слѣдуетъ причислить и нѣкоторые другіе изъ африканскихъ карликовыхъ народовъ, такъ, напр., живущее въ западной Африкѣ племя *обоню*, въ средней

Африкѣ — племя *акка*; но эти народы мало извѣстны.

Гораздо многочисленнѣе группы карликовыхъ народовъ расовая группа *меланезійцевъ*, называемыхъ такъ по обитаемой ими большой группѣ острововъ Меланезіи, простирающейся отъ Острова Новой Гвиней на юго-востокъ до Новой Каледоніи и острововъ Фиджи. Слово Меланезія означаетъ островное море или островной міръ черныхъ людей, такъ какъ всѣ меланезійцы отличаются въ болѣе или меньшей степени темнымъ цвѣтомъ кожи.

Расы меланезійцевъ различаются лучше всего по обитаемымъ имъ островамъ. Такъ, напримѣръ, жителей архипелага Бисмарка, острововъ Соломоновыхъ, Санта Крузъ, Новыхъ Гебридовъ, Лояльта, а также островитянъ архипелага Фиджи можно считать представителями различныхъ, но родственныхъ между собою расъ.

На главномъ островѣ Меланезіи, на Новой Гвинее, едва ли можно предположить существованіе одной только расы. У обитателей этого острова, *папуасовъ*, отличительные признаки меланезійцевъ выразились наиболѣе рѣзкимъ образомъ. Папуасы крѣпкаго и довольно стройнаго тѣлосложенія. Они, несомнѣнно, длинногловые, съ выступающей нижней частью лица, съ широкимъ, хотя и папоминающимъ еврейскій типъ, носомъ, съ черными, курчавыми, иногда свалывшимися въ густой войлокъ волосами и съ темнымъ цвѣтомъ кожи. У жителей Новой Гвинее замѣтны извѣстный умъ и нѣкоторый художественный вкусъ. Папуасы любятъ краски, украшаютъ свое тѣло и свое оружіе, строятъ просторныя хижины, выказываютъ довольно основательныя знанія въ мореплаваніи и въ постройкѣ лодокъ; въ качествѣ земледѣльца живетъ осѣдло, одѣвается плохо, но соответствуетъ климату. Народонаселеніе Новой Гвинее распадается на множество мелкихъ общинъ. Нравственность стоитъ довольно высоко, что выражается почти совершеннымъ отсутствіемъ многоженства.

Подобно папуасамъ и другимъ меланезійцамъ, третья расовая группа курчавыхъ черныхъ людей обитаетъ въ Африкѣ и извѣстна подъ наименованіемъ *негровъ*. У негровъ, такъ же, какъ у папуасовъ,

Типъ негритянскаго вождя.

курчавые волосы и темный цвѣтъ кожи. Но у нихъ болѣе широкіе и менѣе выступающіе носы, болѣе толстыя мясистыя губы и нижняя часть лица болѣе выступаетъ впередъ—они безобразнѣе папуасовъ. Негры заселяютъ, за исключеніемъ крайняго сѣверо-востока и области карликовыхъ племенъ, часть Африки, лежащую на югъ отъ пустыни Сахары. Это весьма обширная и однообразная область и можно было бы предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одной расой. И, дѣйствительно, различныя племена нег-

ровъ стоять весьма близко другъ къ другу. Однако число негрскихъ племенъ чрезвычайно велико, и такъ какъ ни одно изъ нихъ

Типы чернокожихъ нубійцевъ. Мужчина и дѣвушка.

не можетъ считаться совершенно чистымъ представителемъ черной расы, то и до сихъ поръ не удалось подвести имена негровъ подъ какую нибудь систему. Тѣмъ не менѣе, по языку можно различить двѣ группы негрскихъ племенъ: негры банту и собственно негры.

Негры банту населяютъ преимущественно Южную Африку, приблизительно до пятого градуса сѣверной широты. Ихъ языкъ отли-

Типы чернаго челоука съ паклеобразными волосами.

африканскіе народы, жители Конго и т. д. Негры банту имѣютъ довольно однообразные признаки главной расы негровъ, но этого нельзя сказать о неграхъ, обитающихъ въ Средней Африкѣ и Суданѣ. Въ этихъ областяхъ попадаются мѣстности съ свѣтлокожимъ населеніемъ, и многочисленныя смѣшенія расъ внесли такое разно-

образіе въ племена Судана и Средней Африки, что разобраться въ нихъ чрезвычайно трудно. Однако мы можемъ различить здѣсь нѣкоторые отдѣльные народы, какъ, напримѣръ, негры *дагома* и родственные имъ *ашанти* въ Западной Африкѣ, *гауссы*, *чиллуки* и негры, обитающіе въ верховьяхъ рѣки Нила.

Ко второй главной расовой группѣ черного человѣка, къ людямъ съ *паклеобразными* волосами, принадлежатъ прежде всего, какъ главная раса, *австралійцы*, т. е. жители австралійскаго материка. Австралійцы отличаются отъ прочихъ людей съ черной кожей не только волосами, но также и цвѣтомъ кожи. У нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ цвѣтъ кожи бываетъ даже красновато-желтымъ. Другими отличительными признаками австралійца служатъ сильно обросшіе волосами туловище и члены, продолговатая форма головы, глубокія впадины глазъ, вдавленная переносица и сильно выступающая нижняя часть лица. Умственный уровень австралійца стоитъ безспорно ниже негра и папуаса.

Вторая и послѣдняя главная раса черныхъ людей съ паклеобразными волосами — это *первобытный индусъ*. Въ Индіи и на островѣ Цейлонѣ живутъ остатки черной человѣческой расы, стоящіе на весьма низкой ступени развитія. Къ этимъ народамъ принадлежитъ немногочисленное племя ведда на Цейлонѣ, *дравиды* и *тамилы* на материкѣ Индіи. Всѣ эти племена по тѣлеснымъ признакамъ стоятъ близко къ австралійцамъ и представляютъ на материкѣ Азіи какъ бы послѣдніе остатки черной расы.

При описаніи черного человѣка мы видѣли, что слово «черный» нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ. Это слово означаетъ только, что черный человѣкъ въ общемъ темнѣе желтаго. Точно такъ же и по отношенію къ *желтому* человѣку, слово «желтый» означаетъ, что этотъ человѣкъ, въ общемъ, свѣтлѣе черного человѣка и

Типъ сѣверо-американскаго индѣйца.

темнѣ бѣлаго. По ширинѣ носа желтый человѣкъ также занимаетъ среднее мѣсто между бѣлымъ и чернымъ, у него носъ средней ширины. Отъ того и отъ другого желтокожій человѣкъ отличается своими волосами; эти волосы длинны и чрезвычайно грубы, они напоминаютъ волосъ конскаго хвоста. Желтая раса подраздѣляется на отдѣльныя группы: индѣйцевъ, океанійцевъ, малайцевъ и монголовъ.

Главная расовая группа *индѣйцевъ* обитаетъ въ Америкѣ. Къ

Типъ маори съ Новой Зеландіи.

этой группѣ принадлежатъ, за исключеніемъ живущихъ на крайнемъ сѣверѣ Америки эскимосовъ, всѣ человѣческія расы, существовавшія въ Америкѣ въ эпоху ея открытія, въ 1492 г. Общимъ отличительнымъ признакомъ этой группы, помимо короткой головы и свойства черныхъ волосъ, является темный, отъ красноватаго до оливковаго оттѣнка цвѣтъ кожи.

Къ главной расовой группѣ индѣйцевъ принадлежатъ три различаемые по высотѣ роста главныхъ народа: *перуанцы* (малаго роста), *гуарани*, живущіе на верховьяхъ рѣки Парангва (средняго роста) и собственно *индѣйцы* Сѣверной Америки, отличающіеся высокимъ ростомъ и мѣднокраснымъ цвѣтомъ кожи. Однако въ Америкѣ мы видимъ теперь лишь жалкіе

остатки кореннаго населенія; и расовыя смѣшенія, которыя болѣе, нежели гдѣ-либо, имѣли мѣсто въ Америкѣ, не даютъ полной увѣренности въ точности раздѣленія индѣйскихъ расъ.

Вторую главную расовую группу желтаго человѣка составляютъ *океанійцы*, обитатели нѣкоторыхъ островныхъ группъ Великаго океана. Одну изъ главныхъ расъ океанійцевъ представляютъ *полинезійцы*, называемые такъ по мѣсту своего обитанія.

Подъ названіемъ Полинезій (островнаго міра) извѣстны группы острововъ Великаго океана, лежація на западъ отъ острововъ

Фиджи въ жаркомъ поясѣ. Отличительными признаками полинезийцевъ служатъ прямые волосы, пріятныя, иногда даже красивыя черты лица и темно-желтый цвѣтъ кожи. Умственное развитіе ихъ стоитъ на довольно высокой ступени. Болѣе извѣстные народы полинезийской расы—это *маори*, *самоа* и жители Сандвичевыхъ острововъ. Маори живутъ на островахъ Новой Зеландіи.

Близко къ океаніицамъ подходятъ *малайцы*, составляющіе третью главную группу желтой расы. Малайцы живутъ, главнымъ образомъ, на островахъ Малайскаго архипелага, лежащихъ къ западу отъ Меланезіи. Кромѣ этого, малайцами населены также Филиппинскіе острова и полуостровъ Малакка. Несмотря на свою замкнутость и молчаливость, на свою жестокость и мстительность, малайцы стоятъ по умственному развитію выше младенчески-безпечныхъ океаніицевъ.

Область обитанія малайцевъ, даже, если не принимать во вниманіе далеко разсѣянныхъ группъ этой вѣтви желтой расы, весьма обширна. Но еще обширнѣе область, занимаемая четвертой главной расовой группой желтаго человѣка, занимающая помимо большей части огромнаго азіатскаго материка и восточно-азиатскихъ острововъ, также и крайній сѣверъ Америки и нѣкоторыя части Европы. Многочисленные народы, принадлежащіе къ этой группѣ, извѣстны подъ общимъ наименованіемъ *монголовъ*.

Опредѣлить точно естественныя отношенія родства между монголами до сихъ поръ не удалось, да врядъ ли когда-нибудь и удастся. Однако отличить монгола не трудно по его желтому цвѣту кожи, чернымъ прямымъ волосамъ, низкому росту, узкимъ, косо поставленнымъ глазамъ и выдающимся скуламъ. Но какъ только мы захотимъ различить главные вѣтви монгольской расы, то тотчасъ же теряемъ почву подъ ногами. Современные ученые обыкновенно различаютъ три главные вѣтви монгольской расы: малайскомонгольскую, монгольскую въ собственномъ смыслѣ и сѣверо-монгольскую.

Малайско-монгольская вѣтвь, которую называютъ также иногда малайско-китайской, а также индо-китайской, заселяетъ большую часть Индо-Китая, область Гималайскихъ горъ, высокое плоскогорье Тибета и большую часть Китая. Наиболѣе извѣстными пред-

Татуировка на лицѣ маориса.

ставителями этой расы являются *китайцы, тибетцы, сямцы, тонкинцы* и другіе народы. Къ монголамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова

Типъ человека малайской расы. Вождь съ острововъ Фиджи.

принадлежать прежде всего восточно-азиатскіе народы, *японцы, корейцы, тунгузы и манчжуры*, а также обитатели Монголіи—*монголы*. Къ этой же расовой вѣтви принадлежатъ и *тюркскіе* народы, къ которымъ, кромѣ *османовъ* или *турокъ*, причисляется большинство сибирскихъ и среднеазиатскихъ народовъ.

Особую вѣтвь монгольской расы составляютъ *финскіе* народы, между которыми различаютъ *лапландцевъ*, собственно *финновъ* сѣверной Европы и *мадьяровъ* Венгріи.

Всѣ перечисленные народы, а также и еще многія другія родственныя имъ расы такъ трудно различаются между собою, что мы не имѣемъ возможности разобрать здѣсь всѣ ихъ различія.

Точно такъ же трудно установить различіе между расами сѣверомонгольскихъ племенъ. Среди этихъ народовъ различаютъ *эскимосовъ, самоэдовъ, чукчей, коряковъ, камчадаловъ, югакировъ* и т. д.; къ этимъ же племенамъ причисляются и необычайно густо покрытые волосами почти по всему тѣлу обитатели сѣверныхъ японскихъ острововъ—*айно*.

Въ древности родъ человѣческій дѣлили, какъ мы видѣли выше, на три расы, называя ихъ по именамъ сыновей Ноя—Сима, Хама и Іафета, и отъ нихъ производили черныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ людей. Современная наука не причисляетъ, однако, къ семитамъ и хамитамъ черныхъ и желтыхъ людей, а примѣняетъ эти названія къ двумъ главнымъ расовымъ группамъ *бѣлаго человека*; третью расовую группу *бѣлаго человека* можно было бы назвать потомками Іафета, но эту группу предпочитаютъ называть индоевропейцами или же *арійцами*. Аріицевъ, семитовъ и хамитовъ иногда объединяютъ въ одну расу, которую называютъ *средиземноморской*, такъ какъ народы этой расы съ древнихъ временъ заселяли побережье Средиземнаго моря.

Типы монгольской расы. Тунгузъ и тунгузка.

Средиземецъ или бѣлый человѣкъ имѣеть большею частью тонкій носъ, волнистые волосы и, если не совсѣмъ бѣлую, то, въ общемъ, болѣе свѣтлую кожу, чѣмъ человѣкъ монгольской расы. Въ умственномъ отношеніи бѣлый человѣкъ стоитъ, въ общемъ, выше желтаго и чернаго человѣка.

Между тремя главными расовыми группами бѣлаго человѣка, между хамитами, семитами и арійцами, ниже всего стоятъ хамиты. Они довольно высоки ростомъ, по формѣ головы могутъ быть причислены къ среднеголовымъ, но въ развитіи отстали и отъ семитовъ и отъ арійцевъ. Однако къ хамитамъ причисляется одинъ изъ значительныхъ культурныхъ народовъ древности — *египтяне*, потомки которыхъ *феллахи* и *копты* живутъ въ Египтѣ и въ настоящее время. Обитатели сосѣдняго съ Египтомъ высокаго плоскогорья Габешъ или Абиссиніи — *абиссинцы* — принадлежатъ также къ хамитамъ. Къ нимъ же причисляются *нубійцы* и жители сѣверо-восточной Африки, народы: *галла*, *сомали*, *массаи*, а также населяющіе сѣверо-западную Африку *берберы* и *фульба*. Но всѣ эти племена уже утратили чистоту расы. Въ однихъ изъ нихъ преобладаетъ семитская кровь, а въ другихъ негрская. У нѣкоторыхъ есть и семитская и негрская кровь вмѣстѣ.

Семиты въ общемъ свѣтлѣе по цвѣту своей кожи, чѣмъ хамиты. Въ умственномъ отношеніи они также стоятъ выше хамитовъ и дѣлятся на сѣверныхъ и южныхъ семитовъ. Главнѣйшая отрасль южныхъ семитовъ — *арабы*, игравшіе нѣкогда важную роль въ исторіи человѣчества, какъ распространители искусства и знанія. Къ сѣверной вѣтви семитовъ принадлежали древніе *сирійцы*, *халдеи*, *ассирійяне*, *авилюныяне*, *финикіяне* и *евреи*. Но ни одинъ изъ этихъ народовъ не можетъ считаться совершенно чистымъ въ расовомъ отношеніи.

Войждь-малаецъ съ острова Борнео.

Если принять во вниманіе, что у древних ассиріянь и вавилонянь процвѣтали науки и искусства, что финикіяне были мореплавателями, колонизаторами и купцами и что изъ еврейской религіи вышло христіанство, то нельзя ставить слишкомъ низко умственную силу семитовъ, хотя она и не достигла такого развитія,

Типъ молодой японки — представительницы монгольской расы.

какъ у арійцевъ. Арійцы, отдѣльныя вѣтви которыхъ, хотя и вызываютъ неравенство въ умственныхъ способностяхъ, тѣмъ не менѣе, въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ достигли высшей ступени, которой можетъ достигнуть человѣческой умъ. Арійцы отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и волосъ, чѣмъ семиты; среди нихъ преобладаютъ длинноголовые. Къ арійцамъ принадлежитъ большинство европейскихъ народовъ и часть азіатскихъ; между послѣд-

ними къ арійцамъ принадлежать живущіе въ Малой Азіи *армяне и курды*, затѣмъ *иранцы*, т.-е. жители Персіи, Афганистана и Бѣлуджистана и свѣтлокожіе *индусы*. Между европейскими арійцами *италійцы и греки* извѣстны подъ именемъ *греко-романовъ* и составляютъ группу, отличающуюся отъ *кельтовъ, германцевъ и славянъ*.

Кельты, занимавшіе въ древности значительную часть Европы, были прародителями современныхъ французовъ, среди которыхъ и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранился древній кельтскій языкъ. Потомки кельтовъ встрѣчаются еще въ Уэльсѣ (въ Англіи) и въ Ирландіи, а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи. Славяне занимали въ древности восточную часть Европы и нѣкоторыя мѣста средней Европы и Балканскій полуостровъ. Къ славянамъ принадлежатъ: русскіе, поляки, чехи, словаки, хорваты,

Лапландцы.

сербы, болгары и другіе. Германскія племена заняли среднюю часть Европы, а также Скандинавскій полуостровъ и часть Великобританіи. Къ германцамъ причисляютъ *англо-саксовъ, скандинавовъ, исландцевъ, нѣмцевъ и австрійцевъ*. Но какъ чистыхъ германцевъ съ самымъ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и волосъ, такъ и чистыхъ славянъ, кельтовъ и романцевъ въ настоящее время отыскать трудно. Въ Европѣ между всѣми этими племенами происходили многократныя смѣшенія и первоначальные типы племенъ слились вмѣстѣ, создавъ смѣшанный типъ европейца.

Говоря вообще, ни одна раса не представляетъ совершенно обособленной, естественной группы. Въ этомъ отношеніи человѣческія расы нельзя даже и сравнивать съ видами растений или животныхъ. Подобно тому, какъ на деревѣ нельзя найти двухъ совершенно одинаковыхъ листьевъ, на Землѣ не существуетъ также и двухъ совершенно тождественныхъ народовъ, хотя бы они и принадлежали къ одной и той же расѣ. *

VIII.

Количество людей на Землѣ.— Густота населенія.

* Въ настоящее время число всѣхъ людей, живущихъ на Землѣ, опредѣляется въ 1600 или даже въ 1700 милліоновъ. Изъ этого количества почти половину составляютъ бѣлые люди; представителей монгольской расы насчитывается болѣе 600 милліоновъ человѣкъ, а чернокожихъ насчитывается около 200 милліоновъ.

Численность людей находится въ тѣсной зависимости отъ почвы, оказывающей значительное вліяніе на развитіе. Ростъ народовъ зависитъ также отъ ихъ общаго развитія. На низшихъ ступеняхъ развитія часто наблюдается колебаніе въ численности населенія, вызываемое войнами, повальными болѣзнями и эпидеміями. Мало-численное населеніе уже само въ себѣ заключаетъ причину упадка; его небольшая численность легче подвергается ослабленію и исчезновенію. Основоу здравому развитію народа должна быть приблизительно одинаковая численность представителей обоихъ половъ; у дикихъ народовъ она, по большей части, нарушается; кромѣ того, дикіе народы весьма далеки отъ идеальнаго здоровья, какое приписывалось имъ многими писателями; только негровы Африки можно назвать дѣйствительно крѣпкой расой. Напротивъ, австралійцы, океанійцы и американцы гораздо болѣе подвержены болѣзнямъ и труднѣе переносятъ перемѣны климата, чѣмъ культурные бѣлые люди.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ то время, какъ въ исторіи европейскихъ народовъ уже въ теченіе тысячелѣтій обнаруживается вмѣстѣ съ ростомъ культуры численный ростъ народовъ, многіе дикіе народы вымираютъ и исчезаютъ съ лица Земли, уступая свое мѣсто народамъ болѣе культурнымъ и приспособленнымъ.

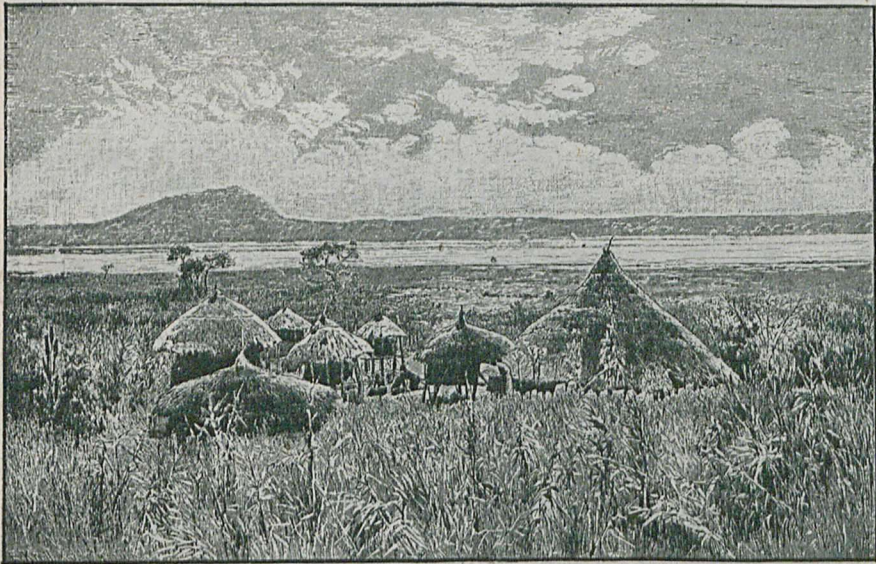
Всѣ народы и племена живутъ на Землѣ малыми и большими группами, отдѣленными другъ отъ друга необитаемыми пространствами. Высшія животныя также живутъ и кочуютъ стадами; однако такія громадныя скопленія живыхъ существъ, какими являются современные города, наблюдаются только у людей. Люди не случайно живутъ вмѣстѣ въ городахъ, деревняхъ и поселкахъ, а потому, что повинуются въ этомъ случаѣ своему инстинкту общности. Чѣмъ выше развитіе культуры, тѣмъ тѣснѣе сближаются люди; такое объединеніе усиливается улучшенными путями сообщенія.

Разсматривая распредѣленіе людей на земномъ шарѣ, мы видимъ, что поселенія людей разсѣяны по Землѣ въ самомъ пестромъ порядкѣ. На границахъ *эйкумены*, въ областяхъ, гдѣ возможна лишь скудная жизнь среди безчисленныхъ опасностей, населеніе повсюду становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Въ арктическихъ странахъ, на Огненной Землѣ, въ пустыняхъ, по краямъ обширныхъ необитаемыхъ пространствъ живутъ лишь маленькіе народцы, образуя какъ бы оазисы; одинъ человѣкъ приходится здѣсь на нѣсколько тысячъ квадратныхъ километровъ. Такъ, Гренландія занимаетъ болѣе двухъ милліоновъ квадратныхъ километровъ, а заселена всего только десяткомъ тысячами жителей; если мы примемъ въ расчетъ всего лишь восемьдесятъ восемь тысячъ квадратныхъ

километровъ, свободныхъ отъ материковаго льда, то и въ этомъ случаѣ здѣсь придется только одинъ человѣкъ на десять квадратныхъ километровъ. Въ западной части Огненной Земли населеніе такъ рѣдко, что на одного жителя приходится сорокъ квадратныхъ километровъ.

Плотность населенія зависитъ не только отъ климатическихъ условій, но также и отъ занятія жителей. Охотничьи народы живутъ крайне рѣдко, а кочующія пастушескія племена могутъ жить болѣе плотно. Плотность населенія въ нѣкоторыхъ пастушескихъ странахъ достигаетъ 5—6 человѣкъ на кв. кил. Народы, занимающіеся земледѣліемъ, могутъ жить еще болѣе плотно, такъ, напримѣръ, въ Китаѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи на одинъ квадратный километръ приходится по двѣсти человѣкъ. Народы,

Негрская деревня въ верховьяхъ Нила.

занимающіеся торговлей и промышленностью, могутъ селиться еще плотнѣе, чѣмъ народы земледѣльческіе. Въ прусскомъ округѣ Дюссельдорфъ на одинъ квадратный километръ приходится 475 человѣкъ, въ бельгійской провинціи Брабантъ 397, въ Англіи 220 человѣкъ.

Въ уплотненіи народонаселенія въ извѣстной странѣ можно видѣть извѣстную зрѣлость этой страны. Страны, гдѣ населеніе рѣдко, представляютъ обыкновенно страны молодыя, не такъ давно выступившія на историческую арену. Пока народы живутъ маленькими, широко разбросанными группами, они ближе къ природѣ, чѣмъ другъ къ другу, въ такихъ странахъ нѣтъ еще большихъ городовъ и общій уровень культуры стоитъ невысоко. Въ странахъ же, гдѣ развиваются торговля и промышленность, населеніе сгущается, и въ концѣ-концовъ образуются большіе города, которые являются промышленными центрами. Въ такихъ центрахъ со временемъ обнаруживаются отрицательныя явленія слишкомъ большой

скученности населенія: болѣзни, большая смертность и т. д. Такимъ образомъ все, что задерживаетъ скученность населенія, на примѣръ, запасы свободныхъ областей для заселенія ихъ избыткомъ народа, сохраняетъ молодость и силу даннаго общества. Средиземноморскія страны, соотвѣтственно всей ихъ природѣ, скорѣе заселились и раньше состарились, нежели сѣверныя страны. Изъ этихъ странъ дольше всего сохранили свою молодость восточныя страны, какъ, напр., Россія, между тѣмъ, какъ западъ исторически является болѣе старымъ.

Сравнивая плотность населенія страны съ ея размѣрами, мы

Панорама Парижа. Образецъ большого современнаго города.

должны сказать, что на ряду со степенью культуры и историческимъ возрастомъ большое значеніе имѣетъ также и величина страны. Маленькія страны при равныхъ прочихъ условіяхъ бываютъ населены плотнѣе большихъ странъ. Въ Европѣ государства по плотности своего народонаселенія располагаются слѣдующимъ образомъ: на первомъ мѣстѣ стоитъ Бельгія (230 человѣкъ на одинъ квадратный километръ), затѣмъ Англія (215 чел. на кв. кил.), Голландія (160 чел. на квадр. кил.), Италія (115 чел.), Германія (105 чел.) и Франція (73 чел.). Въ Россіи средняя плотность населенія опредѣляется въ 19 человѣкъ на одинъ квадратный километръ. Россія представляетъ, слѣдовательно, единственныя въ Европѣ типъ обширнаго государства съ молодою культурой.

Внѣевропейскія части свѣта всѣ заселены значительно рѣже, чѣмъ Европа. По сравнительной густотѣ населенія материкъ распо-

лагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Европѣ приходится въ среднемъ 40 человѣкъ на квадратный километръ, въ Азіи 20, въ Африкѣ 6, въ Америкѣ 3 и въ Австраліи и на океаническихъ островахъ по 1 человѣку на каждый квадратный километръ. Соотвѣтственно этому въ Азіи мы встрѣчаемъ рядъ странъ съ очень плотнымъ населеніемъ; къ такимъ странамъ принадлежатъ Остъ-Индіа (57 чел. на кв. кил.), Китай, во многихъ провинціяхъ котораго плотность населенія достигаетъ 200 человѣкъ на квадратный километръ, и Японія, гдѣ средняя плотность населенія опредѣляется въ 110 человѣкъ. Однако среднее количество жителей на единицу пространства сильно уменьшается въ Азіи обширнѣйшими, почти совершенно незаселенными пространствами, каковы сѣверная и средняя Азія, Аравія и степи Ирана, гдѣ въ среднемъ приходится на одинъ квадратный километръ менѣе одного жителя. Въ Африкѣ, въ Сахарѣ, составляющей одну пятую часть африканскаго материка, приходится всего по полчеловѣку на квадратный километръ. Въ Африкѣ только на островѣ Занзибарѣ приходится по 82 человѣка на одинъ квадратный километръ. Въ Америкѣ сравнительно гуще заселена область острововъ (22 чел. на кв. кил.). Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки средняя плотность населенія опредѣляется въ 8

Улица въ рабочемъ кварталѣ Парижа. Въ большихъ городахъ бѣдные люди вынуждены ютиться въ тѣсныхъ и грязныхъ улицахъ, куда не проникаютъ лучи солнца. Такія условія дѣлаютъ жизнь въ большихъ городахъ невдоровой.

чел. на кв. кил., однако, въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ, напри-
мѣръ, въ Массачусетсѣ, плотность населенія достигаетъ 130 чело-
вѣкъ на кв. кил., а въ Родъ-Эйландѣ 132 человѣка. Зато въ
молодыхъ и обширныхъ штатахъ запада плотность народонаселенія
падаетъ до одного человѣка на десять квадратныхъ километровъ.
По сравненію съ этими цифрами народонаселеніе Европы распе-
дѣлено, какъ видно, значительно равномернѣе; такое равномерное
распределеніе народонаселенія является также характернымъ при-
знакомъ болѣе старыхъ народовъ.

Однако нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ населеніе было бы распредѣлено по территоріи совершенно равномерно. Въ каждой странѣ замѣчаются области съ плотнымъ и рѣдкимъ населеніемъ, между которыми существуютъ какъ бы трещины, или пустые промежутки. До сихъ поръ культурное и политическое превосходство всегда было на сторонѣ странъ съ болѣе плотнымъ населеніемъ. Въ этомъ смыслѣ вся исторія есть движеніе отъ рѣдкой плотности народонаселенія къ болѣе густой. Прогрессъ начинается съ того момента, когда въ скученныхъ массахъ людей начинается раздѣленіе труда, которое и создаетъ жизнеспособные и творческіе контр-а-
расты.*

IX.

Историческій процессъ.—Раздѣленіе и ритмъ исторіи.—Ходъ цивилизаціи.

Описывать движеніе народовъ черезъ материки и моря и отмѣчать непрерывное вліяніе на нихъ почвы и климата есть дѣло историковъ. Но географъ также можетъ дѣлать экскурсіи въ область исторіи, такъ какъ каждая гора, каждый мысъ или островъ, каждое озеро или рѣка имѣли и имѣютъ свое значеніе въ исторіи человѣчества. Однако Земля и сами историческія событія прошлыхъ вѣковъ слишкомъ еще мало извѣстны ученымъ для того, чтобы можно было приступить къ подробному изложенію тѣхъ соотношеній, какія существовали и существуютъ между человѣчествомъ и планетой, на которой оно живетъ и развивается. Мы можемъ попытаться только въ общихъ чертахъ опредѣлить степень и характеръ вліянія главныхъ областей Земли въ развитіи народовъ.

Если мы заглянемъ въ прошлое человѣчества настолько далеко, насколько позволяетъ намъ перспектива событій, извѣстныхъ въ исторіи и добытыхъ открытіями современныхъ ученыхъ, то мы убѣдимся въ томъ, что до недавней эпохи большая часть земной поверхности была раздѣлена на занятые отдѣльными народностями области, которыя были такъ изолированы одна отъ другой или, по крайней мѣрѣ, такъ сильно различались по своей природѣ, что географическая связь между ними оставалась неизвѣстной самимъ ихъ обитателямъ.

Въ Африкѣ, представляющей массивный материкъ, туземцы не имѣли возможности войти въ болѣе или менѣе близкія сношенія съ другими народами земного шара. Только на сѣверѣ этого материка племена берберовъ, занимающія склоны Атласскихъ горъ, обращенныхъ къ Средиземному морю и отдѣленныхъ отъ остальной Африки великой пустыней, приняли нѣкоторое незначительное участіе въ цивилизаціи Европы. Что же касается Египта, оказавшаго большое вліяніе на Грецію и на Малую Азію, то это былъ замкнутый, изолированный міръ, для котораго остальная часть материка оставалась неизвѣстной страной. Пользуясь постояннымъ тепломъ и неистощимымъ плодородіемъ почвы, египтяне не стремились увеличивать культурныя блага страны. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, они жили изъ вѣка въ вѣкъ точно такъ же, какъ и ихъ предки; поэтому цивилизація ихъ въ теченіе многихъ вѣковъ сдѣлала лишь незамѣтные успѣхи. Почти до нашего времени большая часть африканцевъ, принадлежащихъ къ

самымъ различнымъ племенамъ, остаются въ состояніи, близкомъ къ первобытному варварству.

Многочисленные архипелаги острововъ, разбѣянные въ Великомъ океанѣ, подобно Африкѣ, были столь же неблагоприятны для развитія культуры. До открытія этихъ острововъ мореплавателями каждый изъ этихъ роскошныхъ острововъ былъ маленькимъ отдѣльнымъ міркомъ, гдѣ, благодаря плодородію почвы, развивалось первобытное общество людей. Благодаря удобству плаванія по этимъ спокойнымъ морямъ, переселеніе людей происходило здѣсь въ большихъ размѣрахъ; но эти переселенія не приводили къ постояннымъ сношеніямъ между разными племенами: дикари, отправлявшіеся въ новое отечество, навсегда порывали связь съ прежнимъ. Та-

Памятникъ египетской культуры—пирамида Хеопса.

кимъ образомъ разьединеніе островитянъ Великаго океана мѣшало имъ имѣть какой-либо общій интересъ или какое-нибудь общее стремленіе. Эта часть человѣчества оставалась раздѣленной на свои составныя звенья, которымъ врядъ ли будетъ суждено когда-нибудь соединиться.

На востокѣ Азіи обитатели китайскаго побережья и японскихъ острововъ были счастливѣе островитянъ Великаго океана. Въ этихъ странахъ Старога Свѣта отцы могли, по крайней мѣрѣ, завѣщать дѣтямъ промышленность и нѣкоторыя познанія; племена могли соединиться другъ съ другомъ, и одни народы могли научаться отъ другихъ. «Срединная имперія»—область достаточно широкая и плодородная, чтобы прокормить сотни милліоновъ обитателей, обладаетъ, кромѣ того, и другими преимуществами. Она слегка наклонена къ морю, ее орошаютъ широкія судоходныя рѣки, морской берегъ ея изрѣзанъ бухтами и мысами, а умѣренный климатъ съ правильнымъ чередованіемъ временъ года побуждаетъ къ труду.

Памятникъ китайской цивилизаціи—сѣверный алтарь Храма Неба въ Пекинѣ.

Островная часть ея состоитъ изъ архипелага въ нѣсколько тысячъ острововъ и островковъ, группирующихся вокругъ болѣе значительныхъ земель, сообщеніе между которыми не представляетъ затрудненій. Благодаря всѣмъ этимъ естественнымъ условіямъ племена народовъ въ Китаѣ и въ Японіи достигли собственными силами довольно высокаго культурнаго развитія и въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ стояли, вѣроятно, впереди всего человѣчества по развитію земледѣлія, торговли и промышленности. Однако эта цивилизація крайняго Востока могла распространяться лишь въ одну сторону, гдѣ простирался почти пустынный Великій океанъ; но даже и съ этой стороны для желтой расы былъ закрытъ доступъ къ другимъ материкамъ и къ другимъ народамъ.

Страны, тянущіяся по діагонали черезъ весь Старый Свѣтъ, отъ Цейлона и береговъ Ганга до Британскаго архипелага, бла-

годаря формѣ своихъ очертаній и распредѣленію горныхъ хребтовъ, пользуются болѣе значительными преимуществами, чѣмъ Китай и Японія. Спускаясь съ плоскогорья Памира и сосѣднихъ областей къ Индостану, Бактріанѣ и Малой Азіи, арійская раса не раздѣлялась на совершенно отдѣльные народы. Несмотря на высокіе хребты Солиманъ - Дага и Гиндукуша, на солончаковыя плоскогорья Персіи и поперечные гребни Эльбруса, Арарата Тавра, сообщенія между пограничными странами никогда не прерывались; промышленныя и умственные пріобрѣтенія народовъ не оставались тайной для ихъ сосѣдей. Каждая отдѣльная цивилизація, вырабатываясь внутри особой области, пользовалась въ то же время опытомъ тѣхъ цивилизацій, которыя развивались на другихъ отдаленныхъ плоскогорьяхъ или равнинахъ; миѳы и гѣни Индіи, унаслѣдованные отъ древнихъ арійцевъ, были извѣстны персамъ, а религіозныя ученія персовъ были знакомы индусамъ. Наконецъ религія и философія тѣхъ и другихъ, видоизмѣнявшіяся съ теченіемъ времени, смѣшивались и сливались съ цивилизаціей семитическихъ народовъ—халдеевъ, финикійцевъ, евреевъ и кароагенянъ.

* Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, отъ какихъ странъ исходилъ первый импульсъ къ развитію, мы должны признать вѣроятнымъ, что область, занятая 3000 лѣтъ тому назадъ народами, имѣвшими уже сознаніе своей исторической жизни, находилась около Средиземнаго моря. Долины и плоскогорья Ассиріи и Халдеи, страна хиттитовъ, потомковъ Израиля и Измаила, побережье финикійцевъ, сабеянъ и гимаритовъ, берега Нила, острова Кипръ и Критъ, наконецъ, нѣкоторыя части передней Азіи, а позднѣе полуостровъ и острова Греціи—вотъ тѣ страны, гдѣ зародилась цивилизація древняго міра и гдѣ она достигла высокаго развитія. Войны, торговля, путешествія, великія переселенія вызывали по-

Памятникъ царя Ассоргадона—покорителя Египта. Памятникъ изображаетъ царя въ ростъ выше человѣческаго. Передъ нимъ на козлѣхъ два покоренныхъ царя. Вверху направо—символы зодіака. Нижняя часть передней стороны и вся задняя покрыты надписями седьмого столѣтія до Р. Х., содержащими повѣсть завоеванія Египта.

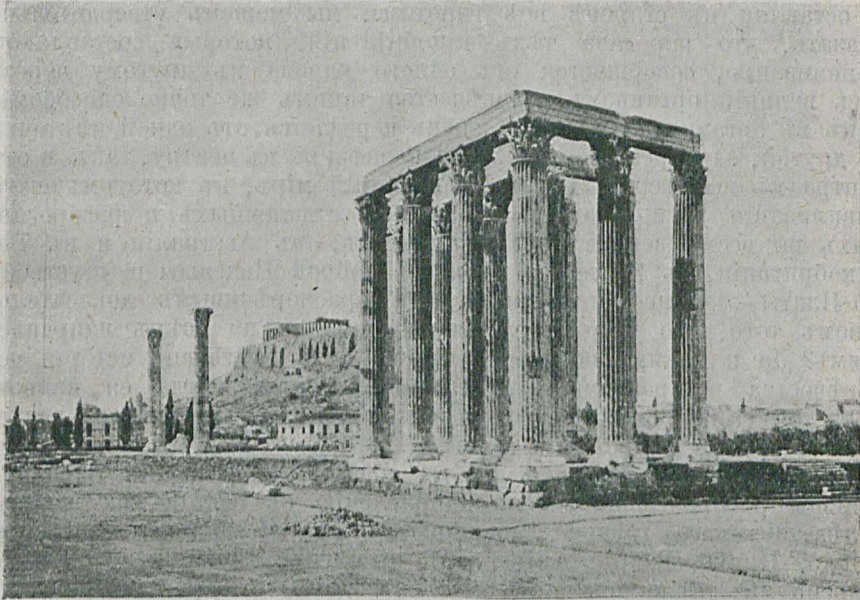
стоянныя сношенія между различными пунктами этой области мировой цивилизации. Гармоническое сочетаніе разныхъ воззрѣній и представлений о мірѣ произошло въ прекрасной Греціи, которая далеко выдавалась въ море за Критомъ и Цикладскими островами, какъ бы для того, чтобы служить мѣстомъ встрѣчи кораблей Египта, Финикіи, Кипра, Эфеса и Трои. Все великое и прекрасное, о чемъ только мечтали древніе, наиболѣе развитые люди, осуществилось на маленькомъ полуостровѣ Элладѣ. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ не существуетъ болѣе гармоническихъ формъ высокихъ долинъ и полуострововъ, горъ и заливовъ. Здѣсь очертанія горныхъ вершинъ, несмотря на незначительную ихъ высоту, такъ красивы, что эти горы нисколько не уступаютъ по своему величію исполинамъ Альпъ, Андъ и Гималаевъ; и, быть-можетъ, никогда названія Монте-Розы, Антизана и Тауризанкара не будутъ такъ извѣстны въ исторіи, какъ горы Пинда, Кноерона, Парнаса и Олимпа—жилища боговъ. Небольшая Греція на крайне ограниченномъ пространствѣ представляетъ всѣ главныя черты материковъ. Здѣсь встрѣчаются и плоскогорья, и горныя цѣпи, долины и равнины и своя система рѣкъ и озеръ. На ея извилистыхъ берегахъ такъ много заливовъ и бухтъ, что окончаніе полуострова походить на лапчатый листъ, плавающий на водѣ. Въ Греціи у каждого города была своя рѣка, свои горы, плодородныя поля и выходъ къ морю. Однимъ словомъ, почти на каждомъ уголкѣ ея территоріи были соединены всѣ условія для развитія свободнаго общества, а близкое соосѣдство городовъ поддерживало постоянное соревнованіе. Поэтому никогда и нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не было столь замѣчательныхъ республикъ, предоставлявшихъ отдѣльнымъ личностямъ столь широкую свободу. Городъ Аѣины, прославленный Эсхиломъ, Софокломъ, Фидіемъ, Демосоеномъ, Платономъ и многими другими гениями, даже спустя слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ все еще остается лучезарнымъ центромъ исторіи. «О, вы, потомки Эрехтея,—говорилъ Эврипидъ аѣинянамъ,—вы обладаете мудростью, которая является плодомъ вашей почвы; вы двигаетесь въ сіяющемъ эфирѣ вашего неба, гдѣ девять музъ воспитали свое общее дитя—Гармонію съ золотистыми кудрями»¹⁾.

Въ то время, когда процвѣтали эллинскія республики, въ Италіи, въ Сициліи, въ Испаніи и въ Галліи развивались свои мѣстныя цивилизаціи. Вслѣдствіе географическаго положенія этихъ странъ ихъ народы воспользовались всѣми уметвенными и нравственными пріобрѣтеніями Греціи и Востока. Изъ вѣка въ вѣкъ движеніе идей передавалось непрерывно изъ одной страны въ другую, отъ равнинъ Индостана къ равнинамъ Западной Европы. Извѣстно, какую эволюцію пережили народы Западной Европы. Мы знаемъ, какъ послѣ длиннаго и тягостнаго мрачнаго періода среднихъ вѣковъ человѣчество «возродилось», благодаря двумъ великимъ открытіямъ, опредѣлившимъ направленіе историческаго развитія цивилизованныхъ народовъ. Въ то время, какъ европейскіе ученые и поэты пятнадцатаго вѣка отыскивали въ сокровищахъ древности свободныя мысли Греціи и сильный духъ Рима, Христофоръ Колумбъ и другіе мореплаватели открыли оба материка Америки и

¹⁾ Эврипидъ. Медея, 824.

установили, такимъ образомъ, единство нашей планеты. Съ тѣхъ поръ постепенная цивилизація всѣхъ народовъ, благодаря распространенію научныхъ знаній и идей справедливости и свободы, была обезпечена, несмотря на всѣ насилія, войны и грубое невѣжество, царившее среди народныхъ массъ. Съ того времени успѣхи каждаго народа становились успѣхами всего человѣчества; всѣ острова, всѣ материки земного шара какъ бы соединились для того, чтобы стать общимъ жилищемъ людей. Когда же благодаря открытіямъ Коперника и Кеплера, люди узнали, что наша Земля, считавшаяся безпредѣльной и громадной, является въ дѣйствительности небольшимъ въ сравненіи съ другими планетами, шаромъ, постоянно вращающимся въ пространствѣ, то

Развалины храма Юпитера въ Аѣнахъ.

Земля перестала быть центромъ міра; но именно съ этой минуты обитатели этой крошечной планеты пришли къ сознанію своего величія, и изъ массы крупныхъ и мелкихъ народовъ стало складываться единое человѣчество.

Обычные взгляды на исторію являются, по существу, эгоцентрическими, то-есть каждый историкъ придаетъ первенствующее значеніе своему народу. Нѣкоторыя народности видятъ въ своей родной странѣ настоящій центръ всего міра и потому воображаютъ, что начало исторіи было положено ихъ «избраннымъ народомъ». Таково было въ прежнія времена убѣжденіе евреевъ, таково же и убѣжденіе китайцевъ. Вполнѣ естественно, что такая точка зрѣнія со временемъ должна была уступить мѣсто болѣе широкому воззрѣнію на вещи. Однако и до сихъ поръ, подъ вліяніемъ недостаточно глубокаго пониманія, историки пишутъ исторію съ узкопартийной точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, многіе историки дока-

зываютъ, что «цивилизациа движется съ востока къ западу, по направленію движенія солнца». Эти историки, несомнѣнно, имѣютъ въ виду специально развитіе народностей, говорящихъ на арійскихъ языкахъ и къ которымъ они принадлежатъ сами. Дѣйствительно, развитіе этихъ племенъ направлялось по болѣе или менѣе извилистому пути отъ береговъ Евфрата къ берегамъ Сены и Темзы. Исторія цивилизациа за послѣднія 10.000 лѣтъ отъ Вавилона до Чикаго, черезъ промежуточные этапы Аѳинъ, Рима, Парижа, Лондона и Нью-Йорка, даетъ столь ясный примѣръ движенія цивилизациа съ востока на западъ, что возведеніе въ законъ этого совпаденія хода цивилизациа съ движеніемъ солнца не должно насъ особенно изумлять.

Во всякомъ случаѣ, придерживаясь точныхъ данныхъ исторіи и оставляя въ сторонѣ всѣ гипотезы, мы можемъ утвердительно сказать, что передача тѣхъ приобрѣтеній, которыя составляютъ цивилизациу, совершается отъ одного народа къ другому черезъ весь великій организмъ человѣчества такимъ же точно способомъ, какъ въ организмѣ человѣка жизнь передается отъ одной клѣточки къ другой, одновременно какъ отъ периферіи къ центру, такъ и отъ центра къ периферіи. Нашъ современный міръ, въ которомъ очаги цивилизациа располагаются въ самыхъ отдаленныхъ и разбросанныхъ по всему земному шару пунктахъ,—въ Австраліи и въ Великобританіи, въ Японіи и на мысѣ Доброй Надежды и у устьевъ Ла-Платы,—не является ли и онъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что культура распространяется по всѣмъ направленіямъ? Да и какимъ образомъ можетъ быть раздѣлена исторія человѣчества на различные отдѣльные періоды, когда ея канвою является сама Земля со всѣми ея явленіями—климатомъ, рельефомъ, горами, флорой и фауной.

Но, какъ бы то ни было, въ общемъ, цивилизациа Западной Европы распространялась по направленію съ востока на западъ; вълѣдствіе чего гавани Западной Европы,—Кадиксъ, Лиссабонъ, Бордо, Нантъ, Гавръ, Антверпенъ, Гамбургъ, Лондонъ, Бристоль, Ливерпуль—сдѣлались какъ бы электродами, откуда электрическій токъ достигаетъ до противоположной стороны американскаго материка. Однако на этомъ материкѣ общее направленіе хода цивилизациа должно было измѣниться. Новый Свѣтъ расположенъ не такъ, какъ великія историческія страны Стараго Свѣта, то-есть онъ не вытянутъ съ востока на западъ, а, наоборотъ, его ось проходитъ съ сѣвера на югъ. Благодаря такому расположенію, пересѣкающему пути европейскихъ народовъ, передвигавшихся на западъ, европейскіе переселенцы могли быстро заселить восточные берега Новаго Свѣта почти на всемъ ихъ протяженіи. Итальянскіе, испанскіе, португальскіе, французскіе, англійскіе и голландскіе мореплаватели то къ сѣверу, то къ югу отъ экватора всегда находили страны, климатъ которыхъ вполне походилъ на климатъ ихъ прежняго отечества, такъ что и въ новомъ мѣстѣ своего жительства они могли основать «Новую Испанію», «новую Францію», «новую Англію» и т. п.

Переселенцы Стараго Свѣта заселили все побережье новаго материка, на протяженіи болѣе 10,000 километровъ, отъ устья рѣки св. Лаврентія до устья рѣки Ла-Платы. Въ то же время, благодаря

перерыву въ Кордильерахъ на перешейкахъ Центральной Америки, переселенцы могли легко проникнуть и на западное побережье материка, обращенное къ Китаю, Японіи и Австраліи. Завладѣвъ, такимъ образомъ, восточными и западными берегами американскаго материка, колонисты постепенно подвигались внутрь страны. Дѣти эмигрантовъ образовали мало-по-малу многочисленные народы, могущество которыхъ, по сравненію съ силами ихъ первоначальнаго отечества, возрастаетъ съ неувѣроятной быстротой.

Объ Америки представляютъ съ соціальной точки зрѣнія такой же контрастъ, какъ и по своимъ формамъ. Сѣверная Америка, ле-

Высадка Христофора Колумба на островъ Гаити. Туземцы подносятъ Колумбу подарки, слѣва—испанцы водружаютъ крестъ. Рисунокъ изъ книги XVI вѣка.

жащая между Европой и Китаемъ, расположена такъ, что является страной—посредницей между народами и товарами, направляющимися съ крайняго запада на дальній востокъ. Именно черезъ этотъ материкъ проходитъ Тихоокеанская желѣзная дорога, являющаяся сухопутнымъ продолженіемъ пароходныхъ линій, которыя, съ одной стороны связываютъ Нью-Йоркъ съ Ливерпулемъ, а съ другой—Шанхай съ Санъ-Франциско. Внутри сѣвернаго материка большое Средиземное море, состоящее изъ Великихъ озеръ, представляется для торговли и колонизаціи такія удобства, какія не встрѣчаются ни въ какой другой части міра.

Материкъ Южной Америки имѣетъ болѣе морской характеръ; его гавани, открытыя къ большимъ южнымъ морямъ, служатъ мѣстами остановокъ при кругосвѣтныхъ путешествіяхъ. Внутренность этого материка, быть-можетъ, представляетъ менѣе благоприятную область для торговыхъ сношеній и заселенія, чѣмъ соотвѣтственная часть сѣвернаго материка. Горы здѣсь выше, плоскогорья обрывистѣе, лѣса труднѣе проходимы, пустыни менѣе гостепріимны и климатъ вреднѣе для здоровья переселенцевъ изъ сѣверной Европы. Вслѣдствіе этого колонисты испанскаго происхожденія подверглись здѣсь большому измѣненію, чѣмъ ихъ сѣверные соперники. Не отрекаясь отъ братства съ народами Старога Свѣта, они понемногу смѣшались съ туземцами, и это сліяніе открыло прежнимъ дикарямъ доступъ къ новѣйшей цивилизаціи. Если Сѣверную Америку можно назвать страной болѣе европейской, дающей болѣе простора личности и болѣе дѣятельной, то Южную Америку можно назвать болѣе человѣчной; ей принадлежитъ честь привлеченія всѣхъ племенъ, еще не вышедшихъ изъ состоянія варварства, къ великой мирной семьѣ цивилизованныхъ народовъ.

Одно поколѣніе людей смѣняетъ другое; каждую минуту исчезаютъ отработавшія клѣточки, каждый моментъ вмѣсто нихъ рождаются новые люди, для того, чтобы замѣнить ушедшихъ. Движеніе эволюціи совершается незамѣтнымъ образомъ, но если мы станемъ изучать общество людей черезъ нѣсколько лѣтъ, десятилѣтій или вѣковъ, то мы увидимъ большое различіе и замѣтимъ, что внѣшній обликъ человѣческаго общества и его идеи сдѣлались совершенно иными, — общество уже не слѣдуетъ по прежнему направленію, у него другія цѣли и новыя точки зрѣнія. Поколѣнія людей отличаются одно отъ другого «какъ узлы на стеблѣ злака». На перерѣзанномъ пилою стволѣ дерева можно замѣтить годовые круги нарастанія, — точно такъ же и истекшіе вѣка обнаруживаютъ послѣдовательныя наслоенія на человѣческомъ обществѣ.

Совершаются ли эти измѣненія въ общемъ развитіи общества и развитіи отдѣльныхъ группъ людей совершенно случайно, внѣ какого-либо закона, или же, наоборотъ, происходятъ въ извѣстномъ правильномъ порядкѣ? Намъ кажется, что послѣдовательность направляющихъ идей и послѣдовательность фактовъ, вытекающихъ изъ этихъ идей, имѣетъ нѣкоторый ритмъ, — развитіе духовной эволюціи въ человѣческомъ обществѣ происходитъ съ извѣстными колебаніями, похожими на колебательное движеніе маятника. Многими учеными высказывались различныя теоріи, стремившіяся опредѣлить этотъ ритмъ. Такъ, итальянскій ученый Вико въ своемъ сочиненіи «*Scienza Nuova*» доказываетъ, что человѣческія общества развиваются въ теченіе ряда вѣковъ, проходя черезъ правильно чередующіеся періоды прогресса и регресса, — человѣчество какъ бы описываетъ круги во времени и возвращается черезъ нѣкоторый промежутокъ времени къ прежнему положенію вещей. Однако историческая дѣйствительность не подтверждаетъ этого взгляда и нельзя привести ни одного историческаго періода, который вполнѣ воспроизводилъ бы другой періодъ. Условія географическія, экономическія, политическія и социальныя могутъ представлять извѣстныя поразительныя черты сходства, но общее положеніе вещей представляетъ все же чрезвычайно существенныя различія, происте-

кающія отъ тѣхъ дѣйствій и противодѣйствій, которыя постоянно возникаютъ въ колоссальномъ организмѣ челоуѣчества. Въ настоящее время никто уже не сравниваетъ развитія челоуѣчества столь простымъ образомъ—съ движеніемъ впередъ и назадъ, съ чередованіемъ прогресса и регресса, — но говорятъ «о спирали цивилизаціи», спирали, обороты которой непрерывно увеличиваются и безконечно разрастаются съ теченіемъ вѣковъ.

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ сказать, что форма этой спирали далеко не геометрическая, и что каждое событіе въ жизни челоуѣчества преломляетъ ея обороты. Случается также, что во время періодовъ мѣстнаго движенія назадъ, возвращенія къ первоначальному варварству обороты спирали, вмѣсто того, чтобы расширяться, суживаются и уменьшаются. Ритмъ историческихъ событій управляется, слѣдовательно, законами чрезвычайно сложными, и лишь, выражаясь образно, можно позволить себѣ сравнить общій ходъ развитія цивилизаціи съ колебаніемъ или съ правильнымъ движеніемъ по спирали. Вѣрно лишь то, что во многихъ отношеніяхъ различныя группы людей — племена, народности, государства — представляютъ намъ тѣ же явленія жизни, какія наблюдаются въ мірѣ животныхъ и растений, — они рождаются, растутъ, укрѣпляются, а затѣмъ слабѣютъ, старятся и умираютъ. При подобномъ изученіи можно установить для всѣхъ этихъ явленій ихъ причины. Благодаря такому изученію мы можемъ даже до извѣстной степени предсказать приблизительно, каково будетъ дальнѣйшее развитіе общества.

Условія, наиболѣе благопріятныя для развитія любого общества племени или народа, заключаются въ томъ, чтобы жить въ мирѣ, но не изолированно, а поддерживая частыя и оживленныя сношенія съ своими сосѣдями, и имѣя при этомъ такія внутреннія условія, которыя позволяли бы каждому члену общества владѣть собственнымъ участкомъ земли и правомъ на свой трудъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакого основанія къ тому, чтобы свобода и значеніе отдѣльныхъ личностей уменьшались; наоборотъ, отдѣльныя личности имѣютъ всѣ шансы нормально развиваться и совершенствоваться какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Когда же общество втянуто въ постоянныя войны, то его экономическое развитіе замедляется и ростъ культуры приостанавливается. Вотъ почему у всѣхъ малокультурныхъ народовъ войны тянутся очень долго, прерываясь лишь короткими періодами мира, между тѣмъ какъ на высшихъ ступеняхъ культуры войны происходятъ значительно рѣже, но, разразившись, онѣ принимаютъ ужасный катастрофическій характеръ: разражаются подобно грозѣ, быстро разрушаютъ все, потрясаютъ жизнь общества до самыхъ основъ и затѣмъ прекращаются на болѣе или менѣе продолжительное время. На низшихъ ступеняхъ культуры мужчины никогда не расстаются со своимъ оружіемъ, тогда какъ въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ право ношенія оружія принадлежитъ меньшинству, большинство же населенія занято мирнымъ трудомъ въ земледѣліи, торговлѣ и промышленности. Вслѣдствіе этого мы видимъ въ эпоху новой исторіи громадныя расцвѣты цивилизаціи. Съ тѣхъ поръ, какъ войны въ Западной Европѣ стали рѣже, народы далеко подвинулись на пути культуры и прогресса.

Впрочемъ, нѣтъ надобности, чтобы общество вело войны или вторгалось въ какія-либо чужія земли, для того, чтобы степень его культурнаго развитія понизилась, — оно и помимо войнъ можетъ впасть въ состояніе нравственнаго разложенія. Для этого достаточно, чтобы въ собственныхъ его нѣдрахъ возникъ распадъ, ведущій къ возникновенію враждебно настроенныхъ классовъ или кастъ. Безразлично, раздѣляется ли власть нѣсколькими классами или находится въ рукахъ одного изъ нихъ; захвачено ли право управлять толпою «аристократами», которые сдѣлались «лучшими» людьми благодаря силѣ своего оружія, путемъ привилегій, полученныхъ отъ рожденія, или благодаря ихъ богатству; находится ли это право въ рукахъ жрецовъ, сильнѣе прочихъ классовъ стремящихся къ власти и къ обладанію не только душами, но и тѣлами людей, — не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ этихъ случаяхъ между отдѣльными частями общества царитъ война, скрытая или явная, и, благодаря этой войнѣ, могущественные элементы регресса (движенія назадъ) направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы одержать верхъ надъ факторами, содѣйствующими движенію общества впередъ.

Болѣе глубокое изученіе исторіи цивилизаціи позволяетъ намъ различить нѣсколько характерныхъ типовъ эволюціи человѣческихъ обществъ. Тогда какъ нѣкоторыя народности появляются, такъ сказать, внезапно, на горизонтѣ исторіи и сразу начинаютъ принимать участіе въ міровой жизни, другія переходятъ отъ жизни къ смерти путемъ процесса, который можетъ быть то относительно медленнымъ, то быстрымъ, то постепеннымъ, то полнымъ скачкомъ. Отъ обитателей Месопотаміи, величественную цивилизацію которыхъ выяснили недавнія открытія, остались лишь однѣ могилы на обширныхъ пустыняхъ, называвшихся когда-то Вавилономъ и Ниневіей. Точно такъ же въ Испаніи инквизиція быстро уничтожила великолѣпные города, поразительно разросшіеся во время господства мавровъ. Туземцы Тасманіи, которыхъ еще во время перваго путешествія Кука въ 1770 г. было болѣе 7000 человѣкъ, подвергались такимъ систематическимъ притѣсненіямъ со стороны бѣлыхъ людей, что исчезли съ лица земли въ теченіе одного столѣтія: послѣдній мужчина этого племени умеръ въ 1869 г., а послѣдняя женщина — въ 1876 году. Гибель этого племени столь же насильственна, какъ въ настоящее время гибель армянъ. Сколько племенъ, соорудившихъ великолѣпные памятники, разсѣянные по всему земному шару отъ острововъ Великаго океана до континента Африки и отъ острововъ св. Пасхи до Каролинскихъ, извѣстны намъ лишь по названію! Сколько другихъ цивилизацій погибло совершенно безслѣдно, такъ что до насъ дошли лишь смутныя указанія на ихъ существованіе!

Эволюція совершается также и путемъ перехода отъ относительнаго здоровья къ болѣзненному состоянію. Египетъ, конечно, не погибъ совершенно, но сколько послѣдовательныхъ измѣненій и сколько болѣзненныхъ моментовъ претерпѣлъ онъ въ теченіе своего существованія съ того времени, какъ явился предъ нашими взорами во всемъ своемъ блескѣ и могуществѣ! Греція, Китай, Индія не представляютъ уже государствъ, стоящихъ во главѣ движенія человѣчества, какъ это было въ прошедшія эпохи исторіи; однако мы не можемъ сказать, что нынѣ эти страны совершенно умерли.

Третій процессъ хода исторіи—это переходъ отъ одной формы эволюціи къ другой. Такъ, роль современнаго Рима въ міровой жизни совершенно иного порядка, чѣмъ роль древняго Рима, Рима времени Имперіи и Рима періода папской власти. Мы видимъ здѣсь типичный примѣръ живучести политическаго организма, который и во время тяжкой болѣзни сохраняетъ въ себѣ элементы здоровья и даже послѣ кажущейся агоніи возрождается вновь.

Существуетъ, наконецъ, еще одинъ процессъ, который можно назвать интеръ-эволюціей, когда силою вещей нѣкоторыя народности оказываютъ взаимно другъ на друга вліяніе, которое, какъ бы вливаясь въ нихъ новую жизнь. Такъ, въ настоящее время латинскіе народы, которыхъ многіе считаютъ умирающими, въ дѣйствительности не погибли и, навѣрное, найдутъ снова утраченное равновѣсіе, приобретутъ силу и здоровье, уже благодаря одной своей связи съ сосѣдними народностями, считающимися вышними. Такимъ же точно способомъ цивилизація влила свѣжія силы въ японскій народъ, приобщивъ его къ своей культурѣ; послѣдніе представители краснокожихъ были вовлечены въ потокъ жизни американскаго народа; всѣ народы Земли мало-по-малу вступаютъ между собою въ связь, и ихъ лучшіе элементы взаимно вліяютъ другъ на друга. Въ будущемъ можно будетъ говорить лишь о прогрессѣ населенія всего земного шара!

Колебанія въ ходѣ цивилизаціи, движеніе впередъ и назадъ, дѣйствіе и противодѣйствіе, стремленіе къ прогрессу и регрессу, изъ которыхъ складается вся исторія народовъ, должны находиться въ связи съ колебаніями самой нашей планеты, на которую, въ свою очередь, вліяютъ другія небесныя свѣтила и прежде всего Солнце—этотъ грандіозный источникъ свѣта, тепла, магнитныхъ и электрическихъ токовъ, изливающихся на Землю. Періодичность, отмѣчаемая чередующимся увеличеніемъ и уменьшеніемъ пятенъ на поверхности солнца, является однимъ изъ тѣхъ космическихъ регуляторовъ, которые сильно интересуютъ не только астрономовъ, но и географовъ, экономистовъ и социологовъ. Эти ученые стараются опредѣлить вліяніе этихъ періодовъ на климатъ, на урожай хлѣбовъ и т. д.

Независимо отъ этого существуютъ, быть-можетъ, болѣе продолжительные періоды космическихъ явленій, которые вызываютъ нарушенія въ исторіи человѣчества. Не ясно ли каждому изъ насъ, что грандіозные космическіе циклы должны отражаться на жизни людей,—вѣдь мы находимся въ полномъ подчиненіи природѣ! Нельзя сомнѣваться въ томъ, что сильное вліяніе на человѣчество оказываетъ перемѣщеніе полюсовъ земного шара; точно такъ же приходится соглашаться съ нѣкоторыми математиками въ томъ, что и вѣковыя колебанія магнитныхъ токовъ вправо и влево отъ полюсовъ отражаются на жизни человѣческаго рода. Въ какомъ направленіи отражаются эти вліянія на ходѣ цивилизаціи—мы не знаемъ, но, безъ сомнѣнія, явленія, происходящія во вселенной, такъ или иначе оказываютъ вліяніе на нашу планету и вмѣстѣ съ этимъ на жизнь человѣчества.

Правильному пониманію историческаго развитія человѣчества сильно мѣшаютъ классовыя и партійныя воззрѣнія. Каждый народъ и даже отдѣльные его классы представляютъ ходъ исторіи по-свое-

му. Стоить только сравнить два описанія какой-нибудь битвы, составленныя двумя писателями, принадлежащими къ двумъ народамъ-соперникамъ! Хотя бы битва эта происходила въ наше время, была освѣщена всесторонне, имѣлись бы относительно ея точные документы, — какъ велика, тѣмъ не менѣе, разница между обоими мнѣніями! Что же мы можемъ думать объ исторіи тѣхъ временъ, отъ которыхъ сохранились у насъ лишь книги или отрывочные документы, не освѣщенные никакой критикой. Ясно, что тѣ событія, о которыхъ сообщаютъ наши предки въ своихъ писаніяхъ, не могутъ внушать намъ никакого довѣрія и древнія событія имѣютъ иногда лишь интересъ простого анекдота! При отысканіи исторической истины должно считать дѣйствительными приобрѣтеніями лишь явленія общія, лишь тѣ грандіозныя движенія впередъ и назадъ, которыя установлены общимъ ходомъ цивилизаціи, взятой во всемъ ея цѣломъ.

Очистить исторію отъ вліянія, оказываемаго этими невѣрными представленіями, является главной задачей тѣхъ писателей, которые становятся на точку зрѣнія истинно-человѣческую, становятся выше расовой ненависти, національной и партійной вражды. Многіе ученые посвятили себя этому дѣлу, и, благодаря имъ, исторія, такъ сказать, мѣняетъ свой обликъ, — она проникается духомъ современности и выливается въ новыя формы. Теперь исторія не ограничивается однимъ какимъ-либо народомъ, не ограничивается и однимъ классомъ, какъ большинство историческихъ сочиненій, попадающихъ въ руки дѣтей и юношества. Изучая человѣчество цѣликомъ, во всей его массѣ, сравнивая послѣдовательно или параллельно развитіе отдѣльныхъ народовъ со всѣми ихъ мнѣніями, ихъ интересами и страстями, исторія раскрываетъ передъ нами тайны міра.

Рано или поздно исторія будетъ раздѣлена на два періода: періодъ господства случая и варварскаго невѣдѣнія и періодъ науки или «разума», какъ говорили въ свое время энциклопедисты. Слишкомъ поторопились обозначить начало «новой исторіи» со времени реформаціи, — періода, когда люди, считавшіе себя обладателями истины, хотѣли другихъ приобщить къ этой истинѣ грубой силой. «Человѣчество вступаетъ на прямой путь, лишь испробовавъ предварительно всѣ кривыя пути», говоритъ Спенсеръ.

Въ нашемъ новомъ, истинно-человѣческомъ мірѣ историческая наука не допускаетъ болѣе, какъ въ прежнія времена, сверхъестественнаго вмѣшательства фактора, нарушающаго послѣдовательность событій, не допускаетъ она и возвеличенія легендарныхъ личностей, возвышающихся надъ массой народа. Впредь наука о развитіи человѣчества станетъ въ прямую зависимость отъ тѣхъ же самыхъ методовъ, отъ которыхъ зависятъ и другія науки; наука же подвигается впередъ лишь точными наблюденіями, тщательнымъ и нелицепріятнымъ сравненіемъ и классифицированіемъ фактовъ, распредѣляемыхъ въ пространствѣ и во времени.

Каковы бы ни были законы или, по крайней мѣрѣ, общіе выводы, къ которымъ приходятъ историки, все же имъ приходится прежде всего признать, что въ ходѣ историческихъ событій наблюдается чередованіе періодовъ дѣятельности и покоя, чередованіе какъ бы своего рода историческихъ приливовъ и отливовъ, или

«движеній назадъ и впередъ», какъ говорилъ Вико. Люди и народы, вступивъ на историческую арену, «совершаютъ полный кругъ и уходятъ», но они уходятъ для того, чтобы затѣмъ снова вернуться и совершить еще болѣе широкой кругъ.

Историки отмѣчаютъ также и тотъ фактъ, что съ самаго начала исторической эпохи размѣры такого колебательнаго движенія цивилизаціи постепенно увеличиваются, и тысячи мелкихъ мѣстныхъ ритмическихъ движеній соединяются въ одно общее движеніе, охватывающее цѣлые народы, а затѣмъ и весь міръ.*

Въ то же самое время, какъ процессъ цивилизаціи превращается въ величественный ходъ всей міровой жизни, усиливается и интенсивность жизни отдѣльной человѣческой личности. Жизнь человѣка становится все болѣе и болѣе гармонично согласованной съ общей жизнью народа и всего міра; отдѣльный человѣкъ становится органической частью всего цѣлаго, при чемъ его личность какъ бы соединяется сотнями невидимыхъ нитей съ другими личностями

Въ наше время въ жизнь общественнаго организма, расщепленнаго еще на отдѣльныя націи, обособленные другъ отъ друга границами, подъ властью лицъ или привилегированныхъ классовъ, вторгается новая струя, и общественная эволюція подпадаетъ все болѣе и болѣе подъ непосредственное воздѣйствіе свободно выраженной воли человѣка, который объединяется съ себѣ подобными для опредѣленнаго общаго дѣла, не заботясь о перегородкахъ между классами и странами. Въ наше время начинаются складываться свободные союзы между людьми, группирующимися согласно своимъ интересамъ, личнымъ симпатіямъ и склонностямъ. Путемъ проявленія человѣческой дѣятельности въ различныхъ отрасляхъ труда—въ земледѣліи, промышленности, торговлѣ, наукѣ, въ дѣлѣ воспитанія, въ области открытій и изобрѣтеній, люди шагъ за шагомъ достигаютъ своего освобожденія, добиваются въ полной мѣрѣ обладанія личной инициативой, безъ которой никогда не совершался никакой прогрессъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Земля и Человѣкъ.

Стр.

Вліяніе природы на судьбы человѣчества.—Происхожденіе человѣка.—Древность
человѣка на Землѣ.—Моногенисты и полигенисты.—Человѣческія расы. 3

II.

Доисторическій человѣкъ.—Современные дикари 15

III.

Вліяніе на человѣка окружающей среды.—Пища и жилище первобытныхъ на-
родовъ 23

IV.

Вліяніе на человѣчество земного рельефа.—Плоскогорья, горы, холмы и равнины. 35

V.

Вліяніе на человѣка моря и рѣкъ.—Острова, болота и озера.—Путешествующіе и
торгующіе народы. 41

VI.

Вліяніе климатическихъ контрастовъ.—Какъ измѣняется вліяніе среды, смотря по
уровню цивилизаціи.—Человѣкъ самъ является средою для другихъ людей. 49

VII.

Распределеніе людей на земномъ шарѣ.—Востокъ и Западъ. Старый и Новый
Свѣтъ. Сѣверъ и Югъ 54

VIII.

Численность людей на Землѣ.—Густота населенія. 70

IX.

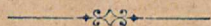
Историческій процессъ.—Раздѣленіе и ритмъ исторіи.—Ходъ цивилизаціи. . 74

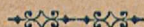

Безплатное приложеніе
къ журн. „Вокругъ Свѣта“
за 1914 годъ.

Содержаніе 12 томовъ сочиненія
Э. Реклю „Земля“:

- I. Земля въ міровомъ пространствѣ.
- II. Горы и долины.
- III. Снѣга и ледники.
- IV. Рѣки, озера и источники.
- V. Вулканы.
- VI. Землетрясенія.
- VII. Океаны и моря.
- VIII. Атмосфера и воздушныя явленія.
- IX. Климаты земли.
- X. Жизнь на землѣ.
- XI. Земля и человѣкъ.
- XII. Трудъ человѣка.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

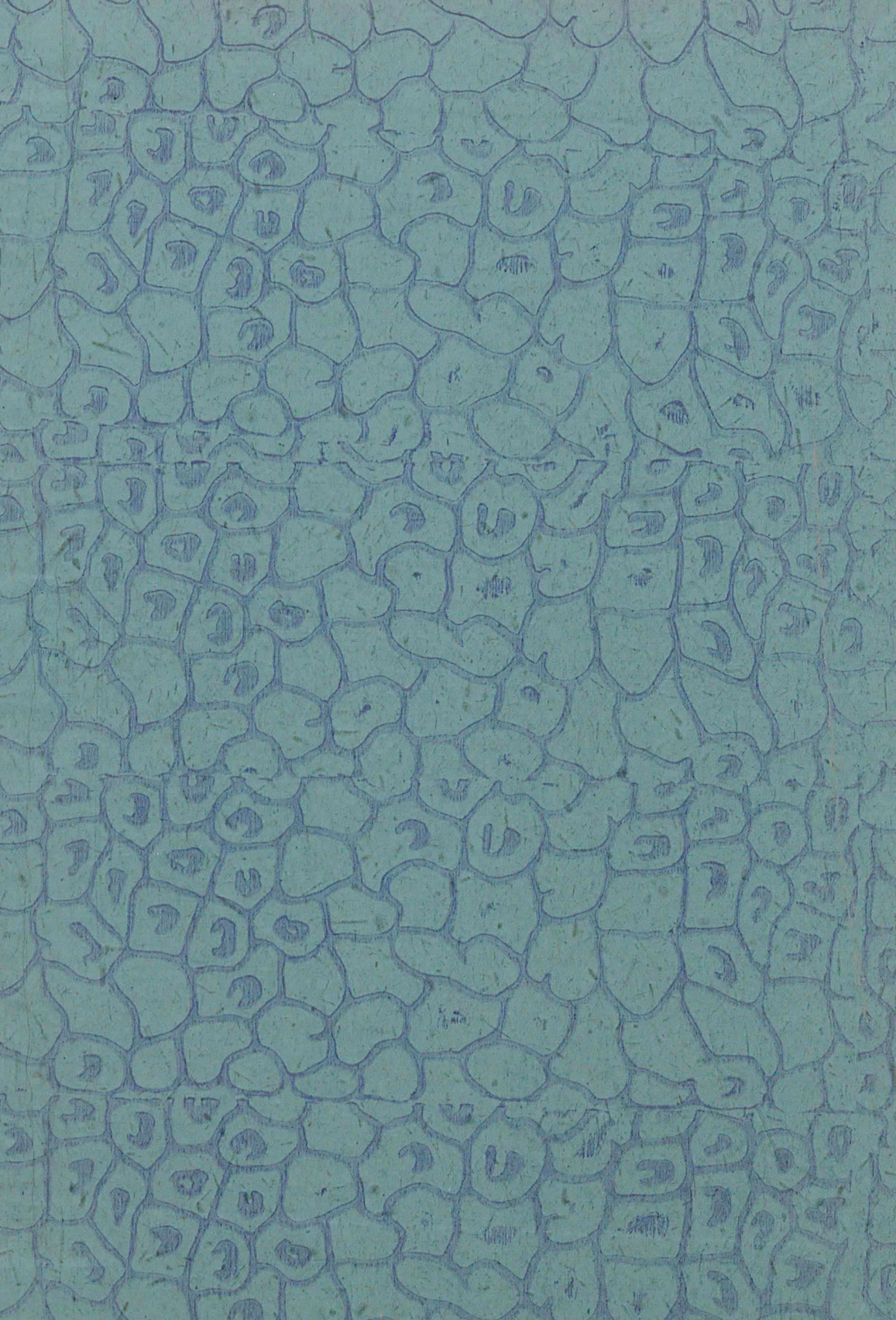

1500060494